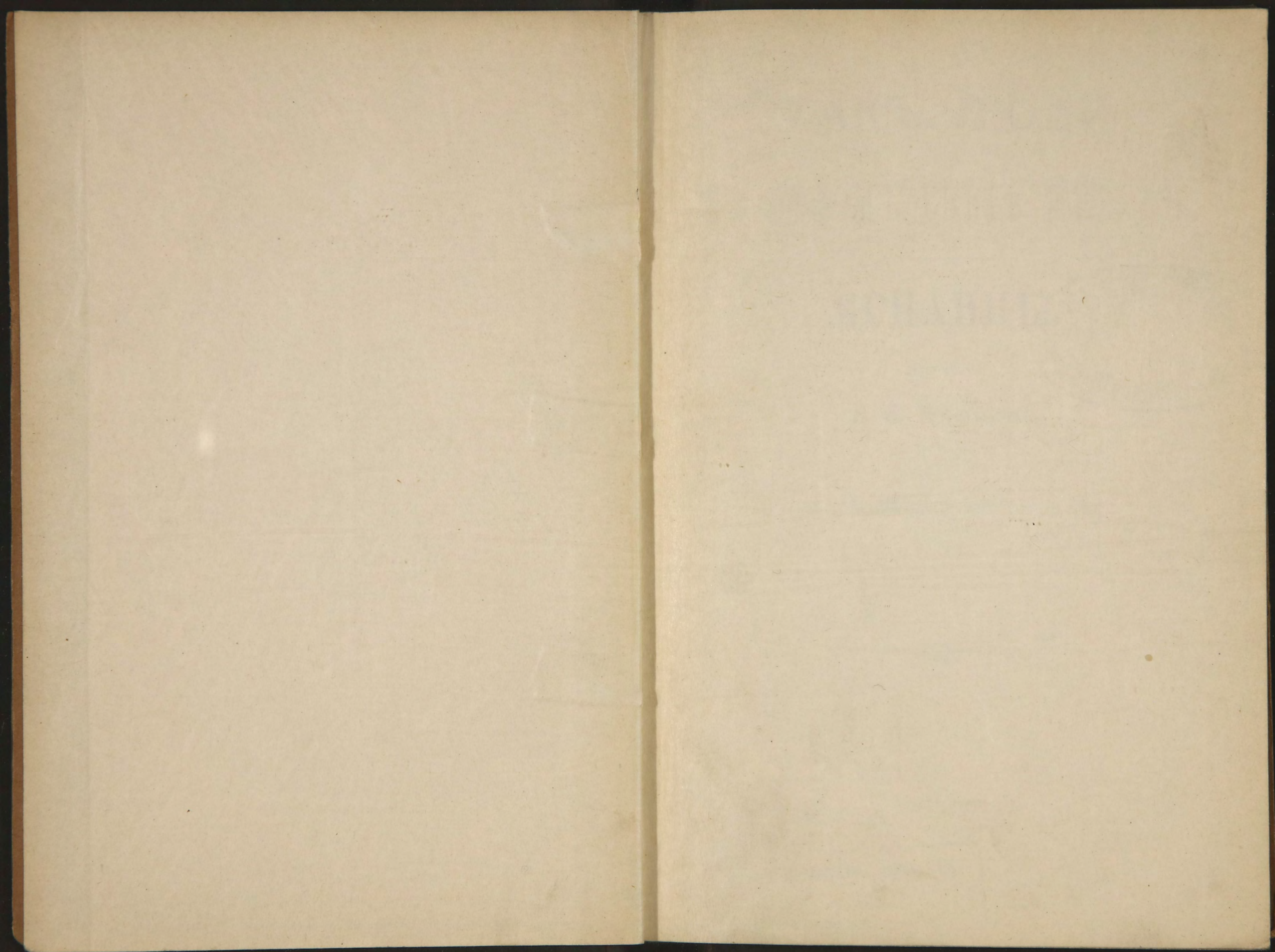
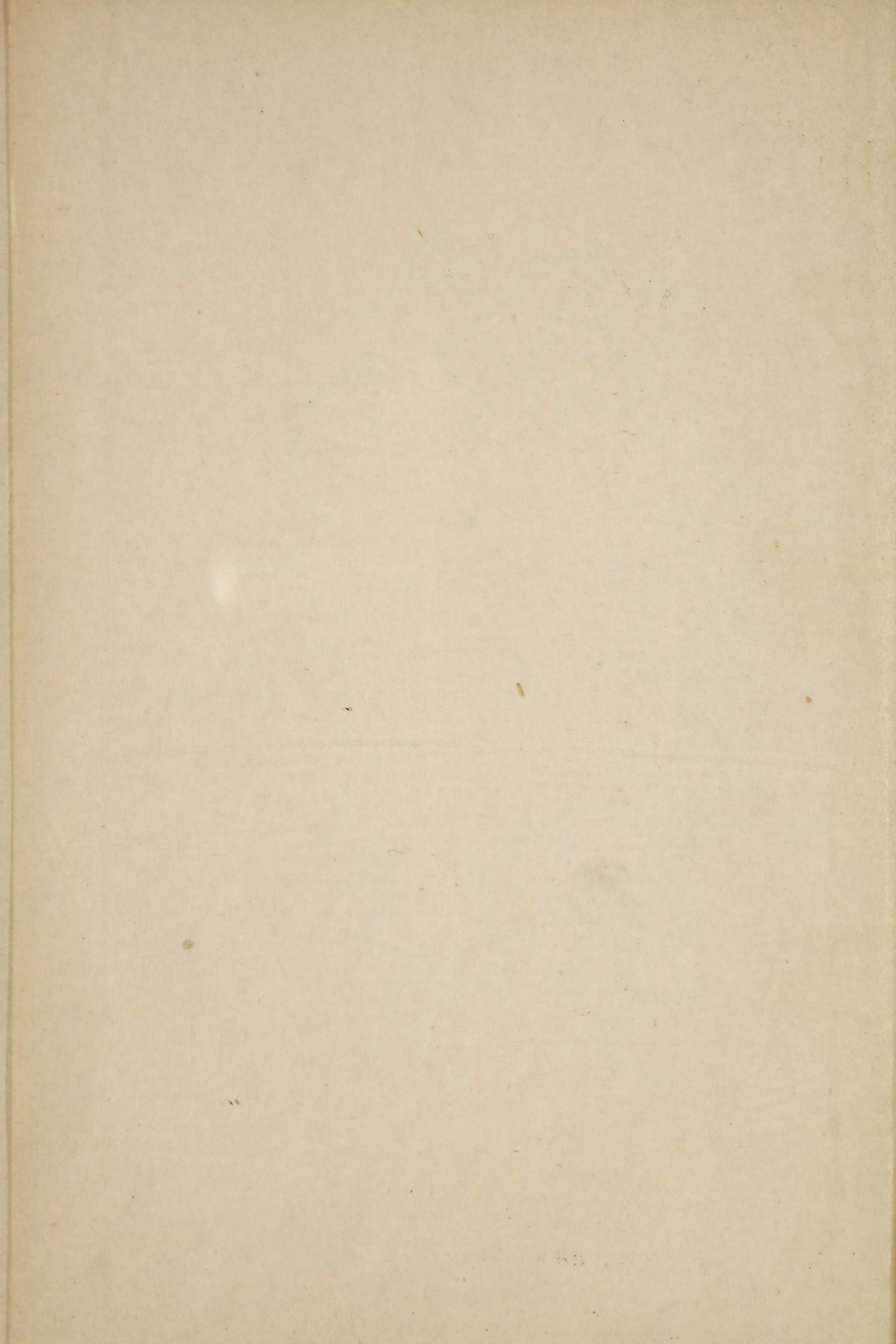

15392.

15392.

~~14460/1.~~

КАКЪ ЛЮДИ

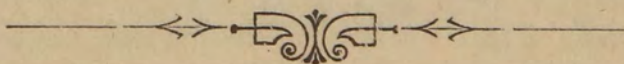
НА БѢЛОМЪ СВѢТѢ ЖИВУТЬ.

ИСПАНЦЫ.

Е. Н. Водовозовой.

Съ 8-ю картинками художниковъ Васнецова и друг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

39

С. ПЕТЕРБУРГЪ 1896 СССР

Перечень рисунковъ.

СТРАН.

1. На лицевой сторонѣ обертки—типы испанокъ высшего и средняго сословія.
2. Задняя сторона обертки—уличный мальчикъ, продавецъ афишъ.
3. Испанскій дилижансъ 16— 17
4. Пикадоръ (всадникъ, вооруженный копьемъ), одинъ изъ участниковъ въ боѣ быковъ. 24— 25
5. Продавецъ воды 42— 43
6. Испанскіе танцы 142—143
7. Танцы у смертнаго одра ребенка. 146—147
8. Бой быковъ 150—151

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1896 г.

79482

Текстъ книги напечатанъ въ Типографіи Балашева и К^о: Наб. Фонтанки, д. 95.

Картинки и обертка отпечатаны въ Типографіи Гоппе: Вознесенскій проспектъ, д. 53.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ названіемъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*» я издаю рядъ книжекъ, содержащихъ описаніе наиболѣе характерныхъ народовъ западной Европы, съ цѣлью познакомить читателей съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ радостями и невзгодами, съ ихъ трудами и заработкомъ, съ семейною и общественною жизнью всѣхъ сословій, а также съ образомъ правленія въ тѣхъ государствахъ, гдѣ онъ вполне прочно установился и отражается во всей жизни, нравахъ и привычкахъ народа. вмѣстѣ съ этимъ я считаю необходимымъ дать вполне ясное представленіе о земледѣльской, промышленной и торговой дѣятельности каждаго народа, по скольку она имѣетъ значеніе въ его жизни.

На вопросъ, постоянно мнѣ предлагаемый, войдутъ-ли въ серію книжекъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*» всѣ народы, описанные въ моемъ трудѣ «*Жизнь Европейскихъ Народовъ*», я считаю долгомъ отвѣтить вполне ясно и опредѣленно. Въ это новое изданіе не войдетъ описаніе жизни и нравовъ нѣмцевъ Австріи, бельгийцевъ, датчанъ, шотландцевъ, португальцевъ, сербовъ-лужичанъ, словенцевъ, словаковъ, а, можетъ быть, еще и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ одной изъ газетныхъ рецензій было заявлено, что новая серія книжекъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*» ничто иное, какъ перепечатка моихъ очерковъ изъ «*Жизни Европейскихъ Народовъ*». Это совершенно не вѣрно уже потому, что въ книгахъ «*Жизнь Европейскихъ Народовъ*» очерки о томъ или другомъ народѣ, большею частью, вдвое болѣе по объему очерковъ, появившихся въ книжкахъ подъ названіемъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*». вмѣстѣ съ тѣмъ это вовсе и не простое сокращеніе, а полная переработка съ новыми главами, которыхъ нѣтъ въ книгахъ «*Жизнь Европейскихъ Народовъ*».

Предпринимая изданіе книжекъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*», я имѣла въ виду всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ пріобрѣтать дорогихъ книгъ и не имѣетъ досуга для чтенія большихъ по объему сочиненій, особенно же тѣхъ читателей, которые требуютъ болѣе популярнаго изложенія.

Е. Водовозова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Испанцы.

СТРАН.

Первое знакомство съ странюю и народомъ.—Испанцы.—Ихъ прош- лое и настоящее	1
По дорогамъ Испаніи	16
Мадридъ.—Окрестности столицы.—Ея убійственный климатъ.— Какую важную роль въ жизни испанца играетъ Пуэрта-дель-Соль.— Бульваръ Прадо.—Улица Геронима.—Площади Мурильо и Майоръ.— Второстепенныя улицы Мадрида.—Королевскій музей.—Харак- теръ и одежда мадридцевъ	19
Андалузія.—Природа страны.—Характеръ и одежда андалуз- цевъ.—Кордова.—Постройки этого города и его замѣчательная мечеть.	36
Севилья.—Севильевскіе дома и знаменитые патіо.—Ночныя сцены.—Хиральда.—Соборъ.—Альказаръ.—Севильскіе цирюльники.	42
Занятія народа и его положеніе.—Земледѣліе и землевладѣніе.— Общинныя земли.—Машина для орошенія полей.—Водяной судъ.— Виноградники Хереса и винодѣліе.—Оливки и оливковое масло.— Апельсинныя рощи—Овцы; ихъ громадное значеніе для страны.— Пастухи.—Естественныя богатства Испаніи.—Альмаденъ и его ртутныя копи.—Каталонія и ея жители.—Промышленность.—Ору- жейныя фабрики.—Фарфоровыя и хрустальныя фабрики.—Фабри- кація гитаръ и ювелирныхъ издѣлій.—Фабрикація вѣровъ.—Барсе- лона.—Солеварни.—Фабрикація восковыхъ свечекъ.—Положеніе фабричныхъ рабочихъ.—Ихъ пища, жилище, заработокъ и выселе- ніе съ родины.—Образованіе.—Невѣжество, суевѣріе, предрасудки и характеръ испанскаго народа	49
Бѣднѣйшая часть населенія.—Нищіе.—Разбойники.—Контрабан- дисты.—Шарраны.—Бреттеры.—Смертная казнь.—Цыгане.—Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни	88
Высшее и среднее сословіе.—Семейная жизнь.—Мужчины и жен- щины.—Ихъ жизнь и привычки.—Домашнія вечеринки.—Бесѣды у балкона въ лунную ночь и пристрастіе къ нимъ испанцевъ.—Ари- стократы и чиновники: ихъ положеніе и отношеніе къ дѣлу.—Студенты	99
Религія.—Главенство папы и догматъ о его непогрѣшимости.— Духовенство и монашескіе ордена.—Иезуиты.—Характерныя черты католической религіи.—Почитаніе Божьей Матери и святыхъ	120
Религіозныя процессіи и торжества.—Страстная недѣля.—Пазо и ихъ значеніе въ испанскихъ празднествахъ.—Театральныя представле- нія на страстной недѣлѣ.—„Танецъ шести“ въ севильскомъ соборѣ.	137
Страсть къ танцамъ.—Фанданго.—Ола.—Танецъ среди разставлен- ныхъ стакановъ.—Танцы съ кувшинами на головахъ.—Танцы у смертнаго одра	143
Бои быковъ и пѣтуховъ.—Страсть испанца къ боямъ быковъ.— Какъ ведутъ себя испанцы въ это время.—Борцы.—Бои пѣтуховъ.	146

ИСПАНЦЫ.

Первое знакомство со страной и народомъ.

Испанцы.—Ихъ прошлое и настоящее.

Испанія—страна, гдѣ по вечерамъ въ каждомъ уголку раздаются звуки пѣсенъ подѣ аккомпаниментъ гитаръ, слышится шумъ пляшущихъ подѣ шелканіе кастаньетъ *), шуршать вѣера. Любовь къ танцамъ въ этой странѣ просто поразительна: чуть гдѣ нибудь раздается плясовая, и всѣ, молодые и старые, знатные и простые, пускаются въ плясъ. Но Испанія не только страна пѣсенъ, огненныхъ плясокъ, кастаньетъ, вѣера и гитары, но и замѣчательно красивыхъ женщинъ, страна любви, цвѣтовъ и жгучаго солнца.

Испанецъ—человѣкъ въ высшей степени вѣжли-
вый, деликатный и любезный, но въ то же время
онъ первый въ мірѣ гордецъ и забіяка: за малѣйшее
оскорбленіе у него одинъ отвѣтъ—ударъ навахую (но-
жомъ). Храбрость, гордость и презрѣніе къ смерти—
отличительныя черты характера этого народа. Ни бѣд-

*) Погремушки, которыми побрякиваютъ и прищелкиваютъ во время пляски.

ность, ни даже нищета не заставляют его унижаться, льстить, заискивать или подлаживаться передъ богатымъ и сильнымъ: онъ будетъ просить милостыню, нерѣдко даже нагло требовать ее, но унижаться—ни за что на свѣтѣ! Всегда остроумный, находчивый и оживленный, испанецъ—беззаботнѣйшее и легкомысленнѣйшее существо на свѣтѣ. Все, что онъ получаетъ, онъ проживаетъ тотчасъ-же, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ и, когда нужда стучится въ дверь, онъ не приходитъ въ уныніе.

Нигдѣ такъ, какъ въ Испаніи, не развита страсть къ зрѣлищамъ, уличной толкотнѣ и оживленію. Чтобы видѣть какую нибудь процессію, участвовать въ празднествѣ, побывать въ театрѣ, испанецъ бросаетъ свою послѣднюю копѣйку. Здѣсь и церковная служба, и церковныя процессіи обставлены такъ, что прежде всего удовлетворяютъ страсти къ зрѣлищамъ: Богородицу (мадонну) испанцы почитаютъ и боготворятъ еще больше, чѣмъ итальянцы, и носятъ ея изображеніе во время всѣхъ процессій, разряженную нерѣдко въ дорогое, модное платье. Очень любятъ они и представленія религіознаго характера; при этомъ изображаютъ въ лицахъ страданія и смерть Христа. Простой народъ до такой степени увлекается этими представленіями, что нерѣдко бросается бить актеровъ, играющихъ роль Пилата, воиновъ, а особенно Іуды, которому зачастую изрядно пересчитываютъ ребра. Но ни къ чему не относятся испанцы съ такою страстью, какъ къ бою быковъ, во время котораго народъ этотъ смотритъ на смерть, страданія и мученія людей и звѣрей съ величайшимъ наслажденіемъ.

Испанія славится своими писателями; изъ нихъ самую громкою извѣстностью пользуется Сервантесъ, безсмертное произведеніе котораго—Донъ-Кихоть переведено на всѣ языки. Но несравненно болѣе, чѣмъ писателями, прославилась эта страна своими художниками: Мурильо, Веласкезъ, Зурбарано и очень многіе другіе признаны величайшими въ мірѣ; множество музеевъ и дворцовъ Испаніи наполнены дивными произведеніями искусства. Испанскіе города славятся своими историческими воспоминаніями и памятниками искусства. И это понятно, такъ какъ уже съ самыхъ древнихъ временъ въ странѣ этой селились многіе народы: кельты, финикіяне, греки, карѳагеняне, римляне, мавры (арабы) и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ прожили здѣсь по нѣскольку столѣтій, воздвигали замѣчательныя постройки и цѣлые города. Но никто изъ нихъ не оставилъ въ Испаніи столько дивныхъ памятниковъ искусства, столько великолѣпныхъ зданій и садовъ съ чудными фонтанами, столько замѣчательно полезныхъ сооруженій, какъ мавры (арабы). Многіе испанскіе города до сихъ поръ славятся только мавританскими дворцами и постройками.

Самый благословенный уголокъ въ Испаніи—Андалузія (въ южной части страны), гдѣ даже главная рѣка носитъ поэтическое имя Гвадалквивира. Богатая растительность Испаніи здѣсь отличается особеннымъ разнообразіемъ, могучей силой роста и нерѣдко принимаетъ характеръ чисто африканскій.

Однако въ Испаніи не только благословенные уголки, но не мало и совершенно пустынныхъ мѣстностей, выжженныхъ солнцемъ, въ которыхъ на протяженіи

многихъ верстъ подрядъ не встрѣтишь ни дерева, ни даже кустика. Все-же въ этой странѣ несравненно меньше нездоровыхъ, болотистыхъ мѣстностей, чѣмъ въ Италіи. Этимъ испанцы отчасти обязаны своему сухому климату, но еще больше трудамъ и заботамъ мавровъ.

Не вспомнивъ хотя самыхъ характерныхъ чертъ изъ исторіи этого народа, невозможно понять многія явленія современной жизни испанцевъ.

Пиренейскій полуостровъ *) въ VIII столѣтіи по Р. Х. былъ покоренъ замѣчательно воинственнымъ народомъ — маврами (арабами). У мавровъ однако мало по малу остылъ воинственный жаръ, и они обратились къ мирнымъ занятіямъ торговлю, промышленностью и начали усердно заботиться о покоренной ими странѣ. Устроивъ множество каналовъ, они осушили болотистыя мѣстности, а чтобы сдѣлать плодородными тѣ земли, которыя страдали отъ засухи, они устроили искусственное орошеніе. Такимъ образомъ громадныя неплодныя пространства земли мавры сдѣлали плодородными, и повсюду разводили сады, въ которыхъ непрерывно раздавалось журчаніе фонтановъ. Но, не смотря на все это, жители покореннаго полуострова никогда не могли

*) Испанія представляетъ полуостровъ, почти со всѣхъ сторонъ омываемый морями: съ запада и юго-запада—Средиземнымъ моремъ, съ юга—Гибралтарскимъ проливомъ, съ востока—Атлантическимъ океаномъ, съ сѣвера—Бискайскимъ заливомъ и только съ сѣверо-запада страна эта граничитъ съ Франціею. Испанія отдѣляется отъ Франціи громадной, высокой стѣной Пиренейскихъ горъ, отъ которыхъ она и получила названіе Пиренейскаго полуострова; его называютъ также Иберійскимъ полуостровомъ отъ иберовъ ревнихъ обитателей этого полуострова.

считать ихъ своими братьями: различіе религіи (туземцы уже тогда были христіанами, а мавры исповѣдывали магометанскую религію), понятій и, наконецъ естественная ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ,— все это усиливало въ испанцахъ мужество, страстное желаніе избавиться отъ пришельцевъ, горячую любовь къ своей родинѣ и преданность къ своей католической религіи. Мавры однако не дремали въ покоренной странѣ и продолжали улучшать свой бытъ и свое образованіе. Черезъ нѣсколько столѣтій мы видимъ уже, что они съ большимъ знаніемъ дѣла обрабатываютъ свои земли, занимаются ремеслами, торговлею, строятъ училища, украшаютъ города дворцами, садами, башнями, проводятъ дороги, каналы, строятъ мосты. Но испанцы мало заботились о томъ, чтобы перенять эти улучшенія у своихъ побѣдителей мавровъ и примѣнить ихъ къ своему быту; они больше стремились къ тому, чтобы отнять у нихъ захваченныя ими владѣнія. Къ этому, наконецъ, представился случай. У мавровъ пресѣклась одна династія, которая управляла всѣми испанскими владѣніями, и между ними произошли смуты; испанцы воспользовались этимъ и стали отнимать одно за другимъ владѣнія у мавровъ, а затѣмъ всѣ христіанскіе короли Испаніи соединились между собою противъ общаго врага и дали рѣшительную битву, которая нанесла владычеству мавровъ въ Испаніи сильный ударъ.

Послѣ XV стол. мавры жили въ Испаніи уже какъ побѣжденные. Христіане стали страшно преслѣдовать ихъ и гнать за вѣру, такъ что многіе изъ мавровъ еще тогда пытались бѣжать изъ Испаніи. Но нужно имѣть много средствъ, чтобы съ семействомъ тотчасъ

удалиться въ чужую землю; мавры прожили на полуостровѣ уже нѣсколько столѣтій, хорошо обстроились и обзавелись хозяйствомъ и даже ихъ прапрадѣды привыкли смотрѣть на Испанію, какъ на свою родину; теперь же ихъ гонять изъ родного гнѣзда, Богъ знаетъ куда, принуждая бросить все, что они нажили тяжелымъ трудомъ. Чтобы остаться на мѣстѣ, гдѣ протекла вся ихъ жизнь, мавры принимаютъ христіанство, но продолжаютъ въ тайнѣ исповѣдывать прежнюю свою магометанскую религію. Когда узналъ объ этомъ папа, глава католической религіи, то, согласно съ желаніемъ тогдашняго испанскаго короля Фердинанда, учредилъ въ Испаніи инквизицію, или «высшее духовное судилище», которое должно было жестоко карать всѣхъ отступниковъ отъ католической вѣры и еретиковъ. Съ этихъ поръ короли испанскіе и духовенство стали пользоваться этимъ «судилищемъ» и, подъ предлогомъ ереси, очень часто губили тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые имъ не нравились и почему нибудь казались опасными. Суду инквизиціи подвергались столько же мавры, сколько и всѣ испанскіе подданные, и онъ поступалъ съ своими жертвами съ ужаснымъ варварствомъ, жестоко и безчестно. Каждый членъ этого «высшаго духовнаго судилища» обязанъ былъ, не смотря на самое близкое родство и подъ опасеніемъ самому быть признаннымъ еретикомъ, доносить на всякаго, кого только онъ подозрѣваетъ въ еретичествѣ, или, точнѣе сказать, въ неправильномъ исповѣданіи католической религіи, въ малѣйшемъ отступленіи отъ нея. Это судилище повсюду имѣло множество шпионовъ, которые очень часто изъ своихъ личныхъ цѣлей, изъ

зависти и расчета обвиняли ненавистныхъ имъ людей. Если обвиненный не тотчасъ отвѣчалъ на вопросы или не сознавался во взводимомъ на него преступленіи, его сажали въ тюрьму и пытали самымъ возмутительнымъ образомъ. пытки и страшное отчаяніе обыкновенно заставляли несчастнаго сознаться во всемъ, въ чемъ только его обвиняли; къ тому же онъ думалъ, что это признаніе дастъ ему возможность скорѣе покончить съ ненавистною жизнію. И дѣйствительно, какъ только вырывали у несчастнаго какое бы то ни было признаніе, его присуждали къ сожженію на кострѣ (что называлось *ауто-да-фе*—дѣло вѣры), а все имущество обвиняемаго отбирали въ казну. Осужденнаго везли на площадь и еще живаго сжигали на кострѣ, очень часто даже медленнымъ огнемъ. Если осужденный умиралъ подъ пытками, все-таки сжигали на кострѣ его смертные останки. Эти *ауто-да-фе* совершались торжественно: король со всею свитою, вельможи и народъ смотрѣли на нихъ, какъ на веселый пиръ. Вѣроятно вслѣдствіе этой привычки смотрѣть на жестокія пытки, которыми терзали людей, на эти разведенные костры, ежедневно сожигавшіе десятки жертвъ, привилась къ испанцамъ любовь къ различнымъ постыднымъ зрѣлищамъ.

Испанскихъ подданныхъ, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они неправильно исповѣдывали католическую религію или мало выказывали къ ней усердія, не всегда сжигали на кострахъ, но очень часто подвергали и другимъ жестокимъ наказаніямъ, а именно выгоняли изъ страны. Въ Испаніи издавна жило много евреевъ; большая часть ихъ занималась торговлею, но вотъ, въ

1492 г., ихъ изгоняють изъ страны съ страшными жестокостями за то, что они не хотѣли отречься отъ своей религіи, не пожелали креститься. Нужно замѣтить, что большинство испанцевъ, даже въ настоящее время, терпѣть не можетъ заниматься торговлею и съ презрѣніемъ смотритъ на каждаго торговца, тогда же презрѣніе къ торговцу и его ремеслу было гораздо сильнѣе. Естественно, что какъ только евреи были изгнаны изъ Испаніи, торговля стала быстро падать и скоро оказалась въ самомъ жалкомъ состояніи. Но высшее католическое духовенство находило еще недостаточными для полнаго торжества вѣры всѣ пытки, которымъ подвергали людей, ихъ казни и изгнаніе.

Въ XVI стол. былъ изданъ приказъ, которымъ предписывалось маврамъ оставить все, что хотя сколько нибудь могло имъ напоминать прежнюю религію. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній приказано имъ изучать испанскій языкъ и оставить всѣ свои книги; имъ запрещалось не только читать и писать на родномъ языкѣ, но даже и говорить на немъ въ собственныхъ домахъ. Ихъ церемоніи и игры были строго запрещены; даже одежду, съ которою они свыклись, они не смѣли болѣе носить, а въ началѣ XVII ст. (1609 г.) всѣ они были изгнаны со всего полуострова. Это изгнаніе мавровъ было выполнено съ страшнѣйшимъ варварствомъ. Около милліона самаго трудолюбиваго населенія Испаніи погнали, какъ дикихъ звѣрей, изъ за того только, что была заподозрѣна искренность ихъ религіозныхъ вѣрованій. Многіе изъ нихъ были убиты во время пути, другіе подверглись всевозможнымъ истязаніямъ, а большинство отправлено было въ самомъ невыносимомъ

положеніи въ Аѳрику. Во время переѣзда команда, которая ихъ сопровождала, нападала на несчастныхъ, избивала мужчинъ, бросала въ море дѣтей. Послѣ изгнанія мавровъ на Пиренейскомъ полуостровѣ уже не было ни одного еретика. Все было правовѣрно и вѣрно королю: каждый житель громадной страны повиновался церкви и трепеталъ передъ королемъ. Не смотря на это, послѣдствія для Испаніи такого изгнанія были ужасны. Почти изъ каждой мѣстности въ странѣ внезапно были изгнаны массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и опытныхъ ремесленниковъ. Мавры примѣняли лучшія системы обработки земли, какія были только тогда извѣстны; сухая испанская земля отлично орошалась. Почти одни мавры занимались разведеніемъ риса, хлопка и сахарнаго тростника, также какъ и фабрикаціею шелка и бумаги. Съ изгнаніемъ ихъ все это рушилось и многое рушилось навсегда, потому что испанцы считали въ то время подобныя занятія унижительными. Воевать за короля или вступать въ духовное званіе только и считалось дѣломъ почтеннымъ; все остальное по ихъ тогдашнимъ понятіямъ было низко и гнушно. Поэтому, когда мавры были окончательно изгнаны, не оказалось никого, кто могъ бы замѣстить ихъ; многія искусства и ремесла навсегда исчезли, огромныя полосы удобной земли оставались необработанными; нѣкоторыя богатѣйшія части страны находились въ такомъ пренебреженіи, что не хватало средствъ для прокормленія даже и того скуднаго населенія, которое тамъ оставалось. Цѣлые округа почти мгновенно опустѣли и до нашихъ дней никогда снова не заселялись. Эти пустыни стали служить убѣжищемъ воровъ и разбойниковъ, поселившихся на

мѣстахъ, занятыхъ прежде трудолюбивыми людьми; известно, что со времени изгнанія мавровъ появились и тѣ разбойничьи шайки, которыя сдѣлались въ послѣдствіи напастью для Испаніи и которыхъ ни одно изъ испанскихъ правительствъ не въ силахъ совершенно уничтожить.

Послѣ изгнанія мавровъ торжество вѣры до того ослабло испанцевъ, что они совершенно позабыли мірскія дѣла. Всѣ народы другихъ странъ увеличивали запасъ своихъ знаній, развивали грамотность, распространяли просвѣщеніе, — только одна Испанія все шла назадъ, все падала ниже и ниже; народныя бѣдствія, нищета и голодъ превзошли всякое вѣроятіе.

Конечно, не всѣ несчастія, которыя испытывали и до сихъ поръ испытываютъ испанцы, произошли отъ изгнанія трудолюбивыхъ мавровъ, — въ прошлой судьбѣ этого народа было не мало и другихъ обстоятельствъ, подготовлявшихъ его полное раззореніе: не менѣе помогали этому — природа страны, ея климатъ и частыя землетрясенія.

Сухость почвы Испаніи, ея суровые вѣтры, которыя чередуются со страшными жарамы, въ высшей степени вредны и изнурительны для рабочихъ, а частыя землетрясенія иногда въ нѣсколько часовъ уничтожаютъ пашню крестьянина и лишаютъ его послѣдняго достоянія. Столько же раззоряли народъ безконечныя религіозныя войны, которыя вели испанцы со своими сосѣдями въ продолженіи многихъ вѣковъ. Въ этихъ войнахъ нерѣдко принимали участіе не только солдаты, но всѣ — отъ короля до пахаря. Такимъ образомъ испанцы постепенно становились лишь борцами за вѣру, от-

выкали мало по малу отъ простой ежедневной работы, отъ земледѣлія и ремесль, стали считать своею первою обязанностію подчиненіе распоряженіямъ духовенства и преуспѣвали лишь въ воинскихъ доблестяхъ.

Скоро католическое духовенство получило въ странѣ такую власть, что совершенно подчинило себѣ всѣ классы общества. Мало того: оно постепенно завладѣло наиболѣе плодородными и доходными землями, скупило всѣ драгоцѣнности для украшенія церквей и монастырей и, благодаря устройству «священнаго судилища», при имени котораго трепетала вся страна, оно распоряжалось почти всѣми государственными дѣлами.

Открытіе Америки (въ 1492 г.) лишь увеличило несчастія испанскаго народа. Всѣ любознательные испанцы, желавшіе повидать и испытать новое и неизвѣданное, всѣ храбрецы, всѣ, искавшіе приключеній или только стремившіеся разбогатѣть, кинулись въ эту вновь открытую часть свѣта, а на родинѣ оставались хилые и старые, и такимъ образомъ Испанія сразу лишилась лучшихъ и наиболѣе энергичныхъ изъ своихъ гражданъ. Испанцы основали въ Америкѣ нѣсколько колоній, которыя доставляли имъ громадныя богатства изъ своихъ рудниковъ. Въ продолженіи двухъ столѣтій (отъ 1500 по 1702 г.) эти колоніи посылали въ Испанію баснословныя груды золота и драгоцѣнныхъ металловъ, такъ что испанцы ежегодно, безъ всякаго труда, получали громадныя деньги. Но деньги, добываемыя безъ труда, никогда не служатъ на пользу. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Деньги, получаемыя изъ американскихъ колоній испанцами, усилили только роскошь среди нихъ и быстро развивали ихъ

природную лѣнь: они начали все менѣе работать и все съ большимъ презрѣніемъ относиться ко всякому честному труду. На земледѣльца, торговца, ремесленника они смотрѣли, какъ на жалкихъ существъ, и уважали только война и монаха. Понятно, что земледѣліе и промышленность быстро шли къ упадку; даже въ самыхъ промышленныхъ городахъ мастерскія закрывались тысячами, всевозможныя ремесленныя производства прекращались за неимѣніемъ мастеровъ, число лавокъ и магазиновъ уменьшалось и торговля становилась все болѣе жалкою, рудники и каменоломни перестали разрабатываться, поля оставались незапаханными даже около самыхъ доревень, количество необработанныхъ и запущенныхъ земель все увеличивалось. Испанцы толпами поступали въ монахи, и далеко не всегда изъ религіознаго рвенія, а очень часто только потому, что это давало возможность ничего не дѣлать. Въ школахъ и университетахъ прекратились всякія занятія; суевѣріе и невѣжество, господствовавшія и прежде, теперь стали просто чудовищными; страна обезлюдѣла. Всѣ классы испанскаго общества въ нравственномъ отношеніи падали все ниже и ниже. Въ Испаніи не хватало людей для выполненія серьезной работы, ихъ не хватало даже часто для занятія высшихъ должностей, и для замѣщенія ихъ стали вызывать иностранцевъ, которые толпами нахлынули въ эту страну. Все это привело къ тому, что вмѣсто того, чтобы самимъ производить предметы, необходимыя для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей, испанцы начали пріобрѣтать ихъ за границею, куда такимъ образомъ постепенно и уходило все ихъ золото и всѣ

ихъ сокровища. Когда въ послѣдствіи колоніи испанцевъ въ Америкѣ перестали ихъ кормить (а это произошло тогда, когда онѣ сбросили съ себя иго испанцевъ и, сдѣлавшись самостоятельными, перестали платить испанцамъ подати и налоги), множество испанцевъ изъ всѣхъ классовъ общества, уже облѣнившіеся и опустившіеся, громадными толпами примыкали къ шайкамъ нищихъ и кормились по большимъ дорогамъ подаяніемъ, воровствомъ, насиліемъ и гребезомъ.

Въ нынѣшнемъ XIX-мъ столѣтіи тоже далеко не все въ Испаніи обстояло благополучно: одни за другими происходили государственные перевороты, вспыхивали волненія и мятежи внутри страны, загоралась братоубійственная война между различными многочисленными партіями, изъ которыхъ одна желала посадить на престолъ одного короля, другая—другого, а третья требовала и совсѣмъ иной формы правленія. Вотъ этими то вѣчными государственными переворотами, безконечною смѣною министровъ, смутами, волненіями, междоусобицами, смѣнявшими одно правительство другимъ, свергавшими съ престола королей, ознаменовался въ Испаніи весь нынѣшній девятнадцатый вѣкъ. Нагроможденныя другъ на друга развалины, происшедшія отъ частыхъ и ужасающихъ пожаровъ и всевозможныхъ беспорядковъ, до настоящей минуты можно встрѣтить во многихъ мѣстностяхъ Испаніи; онѣ краснорѣчиво говорятъ о вѣчныхъ волненіяхъ и междоусобицахъ въ этой несчастной странѣ.

Испанія обладаетъ всѣмъ, что дѣлаетъ страну богатою: омываемая Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, она имѣетъ чрезвычайно выгодное поло-

женіе для торговых сношеній съ Америкой, такъ что сама природа предназначила ее держать въ своихъ рукахъ торговлю обоихъ полушарій. Испанцы имѣютъ большіе города, талантливыхъ рабочихъ, извѣстныхъ художниковъ: гениальныя произведенія ихъ живописи и величественные храмы справедливо считаются чудеснѣйшими дѣлами человѣческихъ рукъ. Земля испанцевъ даетъ имъ всевозможныя богатства: она изобилуетъ виномъ и оливковымъ масломъ и щедро даритъ ихъ самыми чудными плодами: сладкіе апельсины, лимоны, гранаты, оливки, миндаль, фіги, виноградъ пользуются въ Европѣ громкою извѣстностью. Въ нѣдрахъ земли этой страны находятъ разнообразныя и самыя цѣнныя минералы: испанскіе серебряныя и ртутныя рудники хорошо извѣстны всему свѣту. Эта благословенная страна столько же изобилуетъ благородными металлами, сколько и металлами, необходимыми для практической жизни: въ ней множество свинца и мѣдныхъ рудъ, которыя еще никогда не были тронуты. Желѣзо лучшихъ сортовъ можно найти почти повсюду въ Испаніи, а ея угольныя копи просто неисчислимы.

Но всѣ испанскія богатства не обогащаютъ страны: Испанія продожаетъ оставаться страной, такой же бѣдной, какъ и прежде, а ея населеніе по прежнему чрезвычайно невѣжественно, промышленность въ жалкомъ состояніи и въ значительной степени находится въ рукахъ иностранцевъ. Въ земледѣліи до сихъ поръ еще примѣняются тѣ же первобытныя способы обработки земли, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, а земледѣльческое и фабричное населеніе живетъ въ такой бѣдности, которая близко граничитъ съ нищетой. Все это повело

къ тому, что множество испанцевъ издавна начало выселяться отсюда. Вслѣдствіе этого обширныя пространства земли обратились въ пастбища.

Понятно, что страна, въ которой еще въ началѣ XIX ст. народъ состоялъ изъ монаховъ, пастуховъ и воиновъ, а земледѣлецъ и его трудъ были въ полномъ пренебреженіи, не можетъ процвѣтать и въ настоящее время. Кромѣ междоусобиць и раздора партій, какая-то путаница существуетъ и въ умахъ населенія: одна провинція питаетъ къ другой непримиримую ненависть. Жалкое положеніе денежныхъ дѣлъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ отрасляхъ жизни, во всѣхъ слояхъ общества: взяточничество процвѣтаетъ въ самыхъ невѣроятныхъ размѣрахъ, а мелкіе чиновники, которымъ обстоятельства не даютъ возможности брать взятки, сидятъ безъ жалованья и влачатъ нищенское существованіе; многіе школьные учителя, не получая ни жалованья, ни денегъ на содержаніе школы, закрыли ихъ, и кому изъ нихъ не удалось взяться за соху, тотъ бродитъ по дорогамъ, выпрашивая милостыню.

Но все же въ самое послѣднее время въ Испаніи началось оживленіе. Хотя нѣкоторыя отрасли труда, напримѣръ торговля, до сихъ поръ возбуждаютъ у испанцевъ отвращеніе, тѣмъ не менѣе вообще они начали уважать трудъ болѣе прежняго. Нѣсколько усовершенствовалась промышленность, ожила и торговля. Всѣмъ этимъ, однако, Испанія прежде всего обязана иностранцамъ: совершенно разстроенныя денежные дѣла этой страны не даютъ ей возможности самостоятельно зарабатывать всѣ свои богатства, затрачивать капиталы на различныя предпріятія. И вотъ одни изъ иностран-

ныхъ государствъ, въ надеждѣ на выгоды, ссудили Испанію деньгами, другія — стали во главѣ многихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, основали и поддерживаютъ многочисленныя фабрики, устроили пароходы, желѣзныя дороги. Во всемъ этомъ для Испаніи печально то, что всѣ выгоды отъ этихъ крупныхъ предпріятій остаются въ рукахъ иностранцевъ, а за денежные займы она ожегодно платитъ громадные проценты, которые истощаютъ ея, и безъ того уже истощенную, казну и не даютъ возможности поправиться ея разстроеннымъ денежнымъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе все же страна эта въ самое послѣднее время ожила и подвинулась впередъ сравнительно съ тѣмъ, что она представляла собою еще 20—25 лѣтъ тому назадъ.

По дорогамъ Испаніи.

Если путешественнику придется отправиться въ мѣстность, по которой не проведена еще желѣзная дорога, ему безпрестанно попадаетъ на встрѣчу первобытный, ярко выкрашенный возъ, о двухъ колесахъ, запряженный быками. Колеса этого воза безъ ободковъ и спиць и сколочены изъ закругленныхъ досокъ, — скрипъ, производимый ими просто ужасенъ. Иногда, вмѣсто такого воза, по дорогѣ тащется осель, нагруженный мѣшками; подлѣ него шагаетъ испанецъ гордый и важный, точно настоящій король, и оборванный, какъ настоящій нищій. Нерѣдко вниманіе приковываетъ и еще болѣе оригинальный экипажъ-дилижансъ, который везутъ десятокъ, а то и цѣлая дюжина красивыхъ,

М. Рашевский.

В. Васнецов

тип. эд. гопп.

сильныхъ муловъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, приходится путешествовать на мулахъ или на лошадяхъ въ самыхъ разнообразныхъ экипажахъ. Муловъ своихъ испанцы холятъ и любятъ отъ всей души, и многіе выказываютъ свою нѣжность къ этимъ животнымъ тѣмъ, что украшаютъ ихъ гриву лентами, а на голову прикрѣпляютъ большой и высокій букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Испанскій дилижансъ очень оригиналенъ: это что-то въ родѣ тяжелой колымаги; внутри для пассажировъ купэ, освѣщенное оконцемъ, которое отъ сильныхъ здѣшнихъ жаровъ завѣшиваютъ шторкой изъ тонкихъ деревянныхъ планочекъ. Муловъ, а иногда и лошадей въ такой дилижансъ впрягаютъ попарно, одну пару сзади другой.

Кромѣ кучера, при дилижансѣ есть еще паренекъ, который рѣдко когда прицѣпится куда нибудь къ экипажу, чтобы отдохнуть двѣ - три минуты: онъ все время бѣжитъ то по одну, то по другую сторону муловъ и главная его обязанность — понукать животныхъ. Его голова повязана цвѣтнымъ фуляровымъ платкомъ и прикрыта сверху шляпою; куртка вся разшита разноцвѣтнымъ снуркомъ; панталоны спущены немного ниже колѣнъ, обувь состоитъ изъ бѣлыхъ башмаковъ: его называютъ *загаломъ*.

Верхъ дилижанса нагружаютъ багажемъ и нѣсколькими ружьями; и тутъ же садятся одинъ или двое солдатъ, чтобы отстрѣливаться отъ разбойниковъ, которые по большимъ дорогамъ очень часто нападаютъ на проѣзжающихъ. Когда пассажиры усѣлись и все уже готово, чтобы тронуться въ путь, одинъ изъ служащихъ, обыкновенно парень лѣтъ 17-ти, надѣваетъ

свою шапку и садится верхомъ на одного изъ муловъ, который идетъ въ первой парѣ. «А вотъ и осужденный на смерть», говорятъ про него пассажиры. И дѣйствительно, обязанности этого верхового необыкновенно тяжелы. Подъ отвѣсными лучами палящаго солнца ему приходится иногда сидѣть такимъ образомъ цѣлыми днями, соскакивая при остановкахъ лишь на нѣсколько минутъ, чтобы подкрѣпиться.

Но вотъ кучеръ трогаетъ возжи; тогда *загалъ* начинаетъ суетиться около муловъ и осыпаетъ ихъ градомъ ударовъ кнутомъ и палкою. Съ минуту мулы кидаются то вправо, то влѣво, лягаютъ, тяжелый дилижансъ колеблется, но наконецъ онъ срывается съ мѣста и катитъ. Мулы развѣ только на крутую гору идутъ шагомъ, а то все больше рысью или вскачь. Но вотъ они пошли нѣсколько медленнѣе; «загалъ» бросается къ нимъ, погоняетъ ихъ, бранитъ, зоветъ по именамъ, и каждый мулъ отзывается на свою кличку движеніемъ ушей. Но если и это не дѣйствуетъ, паренекъ надѣляетъ то одного, то другого палочными ударами; когда и это не придаетъ имъ бодрости, онъ забѣгаетъ впередъ экипажа, набираетъ по дорогѣ камушки и ловко бросаетъ ихъ одинъ за другимъ въ уши лѣнливыхъ животныхъ, — тогда мулы начинаютъ бѣжать гораздо живѣе прежняго.

Мадридъ *).

Окрестности испанской столицы.—Ея убійственный климатъ.—Какую важную роль въ жизни испанца играетъ Пуэрта-дель-Соль.—Бульваръ Прадо.—Улица Геронима.—Площади Мурильо и Майоръ.—Второстепенныя улицы Мадрида.—Королевскій музей.—Характеръ и одежда мадридцевъ.

Подъѣзжать къ Мадриду приходится по пустыннымъ кастильскимъ равнинамъ, обожженнымъ солнцемъ. Едва насчитаешь нѣсколько деревьевъ, одиноко стоящихъ среди виноградниковъ и хлѣбныхъ полей. Кругомъ пусто и бѣдно, и только Гвадаррама, скалистая, но почти голая полоса горъ, нарушаетъ однообразіе этой жалкой природы. Чѣмъ ближе подъѣжаешь къ Мадриду, тѣмъ чаще показываются деревушки, раскрашенные самыми причудливыми цвѣтами: свѣтло-зеленымъ, розовымъ, голубымъ. Характерная особенность испанскихъ домовъ—балконы и всевозможныя украшенія надъ окнами.

*) Мадридъ находится въ Новой Кастиліи. Старая и Новая Кастиліи, почти въ центрѣ страны, громадная, самая большая область Испаніи, отличающаяся крайнимъ однообразіемъ природы. Кромѣ жалкихъ деревьевъ, кое-гдѣ попадающихся на горныхъ склонахъ этой области, необозримыя пространства заняты степями. Эти степи чередуются съ равнинами, покрытыми ароматическими растеніями, въ родѣ размарина, или верескомъ съ розовыми цвѣточками. Часто, на цѣлыя сотни верстъ здѣсь не встрѣтишь ни дерева, ни даже кустика. Эту унылую мѣстность болѣе всего разнообразятъ громадныя стада овецъ: ихъ попадаетса чрезвычайно много въ безконечныхъ степяхъ обѣихъ Кастилій.

Рѣка Мансанаресъ, которая тутъ протекаетъ, высыхаетъ еще весною, и лѣтомъ отъ нея остается одинъ только ручей; палящее солнце и сухая песчаная почва уничтожаютъ всякую растительность. Трудно сказать, недостатокъ ли растительности дѣлаетъ климатъ испанской столицы убійственнымъ, или ея возвышенное положеніе (Мадридъ возвышается приблизительно на 600 метровъ надъ уровнемъ моря; метръ $1\frac{1}{2}$ аршина), можетъ быть пронзительные вѣтры Гвадаррамы (горы, отдѣляющія Новую Кастилію отъ старой) тому причиною, а еще скорѣе всѣ эти причины вмѣстѣ дѣлаютъ воздухъ Мадрида чрезвычайно вреднымъ даже для самаго здороваго человѣка. Отъ ледянаго вѣтра или, какъ его называютъ, *дуновенія* Гвадаррамы воздухъ во всей Новой Кастиліи чрезвычайно рѣзокъ. Особенно губительно, когда въ ясный день печетъ раскаленное испанское солнце, а струя ледянаго воздуха, точно тысячью вонзающихся острыхъ иголокъ, колетъ грудь и пересохшее горло. Чтобы защитить себя отъ этого, жители Мадрида иначе не выходятъ изъ дому, какъ закутавъ свое лицо до самыхъ глазъ. Но, не смотря на всѣ предосторожности, здѣсь такъ легко нажить болѣзнь легкихъ, которая бѣ тому же быстро развивается и нерѣдко губитъ человѣка въ нѣсколько дней. Здѣшній воздухъ хотя и чистъ, но слишкомъ сухъ; дождь встрѣчаютъ съ величайшею радостью, но дождливый день большая рѣдкость. Весна и осень чрезвычайно коротки, и весь годъ можно смѣло раздѣлить на два времени года, — на девять мѣсяцевъ лѣта, когда днемъ трудно дышать отъ томительно адской жары, и на три зимнихъ мѣсяца съ жестокими холодами. Такъ какъ

большую часть года приходится испытывать убийственную жару, то дома принаровлены прежде всего къ тому, чтобы спастись отъ нея: полы вездѣ каменные, окна снабжены ставнями, которыя всегда закрыты до самыхъ сумерекъ. Но если лѣтомъ здѣсь страдаютъ отъ жары, то зимою не менѣе мученій доставляютъ жестокіе холода. Между тѣмъ дома испанской столицы совсѣмъ не защищаютъ отъ нихъ: здѣсь не существуетъ ни печей, ни каминовъ, и согрѣваться въ зимнее время помогаетъ лишь «брасэро», то есть мѣдный тазъ съ горящимъ углемъ, покрытый рѣшеткой; его ставятъ на низенькій столикъ, и всѣ стараются усѣсться поближе къ нему. Но отъ этихъ *брасэро* скорѣе можно угорѣть, чѣмъ согрѣться. Испанецъ вообще, а тѣмъ болѣе житель Мадрида, не любитъ долго засиживаться дома, особенно въ непріятное зимнее время года: часъ-другой погрѣется онъ, или, лучше сказать, промучается у *брасэро*, а затѣмъ накидываетъ свой плащъ (который называется у нихъ «капа») и бѣжитъ изъ дому. Правую полу капы (плаща) онъ ловкимъ движеніемъ руки забрасываетъ на лѣвое плечо, закрывая лицо до самыхъ глазъ, одѣваетъ свою шляпу и цѣлый день разгуливаетъ по улицамъ.

Съ чего начать, описывая Мадридъ, какъ не съ *Пуэрта-дель-Соль*, центра города, этого самаго лучшаго и всѣмъ извѣстнаго мѣста. Пуэрта-дель-Соль—полукруглая площадь, окруженная высокими зданіями, на которой сходятся десять большихъ улицъ; изъ каждой изъ нихъ сюда ежеминутно притекаетъ огромная толпа пѣшеходовъ и экипажей. Всюду слышится веселый смѣхъ, говоръ, шутки. Вдоль стѣнъ и на углахъ ши-

рокихъ тротуаровъ стоятъ цѣлыя арміи торговцевъ восковыми спичками, конфектами, лубочными карриками; тамъ и здѣсь непрерывно раздаются: «спички, зонтики»; перекрикиваютъ другъ друга продавщицы газетъ и лотерейныхъ билетовъ. На каждомъ шагу, какъ въ большихъ магазинахъ, такъ и въ ничтожныхъ лавочкахъ, продаютъ вѣера и гитары.

Въ Пуэрта-дель-Соль съ утра до поздняго вечера толпится масса всякаго народа, потому что каждый испанецъ, вышедшій изъ дому погулять или за какимъ-нибудь дѣломъ, непременно зайдетъ сюда поболтать или послушать споры, сплетни и новости. Если въ обществѣ готовится какое-нибудь волненіе, начинаются раздоры различныхъ партій, столь обычныя въ Испаніи, безъ которыхъ невозможно даже представить эту страну,—все это начинается съ Пуэрта-дель-Соль, и всѣ послѣднія новости о политическихъ движеніяхъ испанецъ непременно узнаетъ здѣсь, на этой площади. Политика въ Испаніи вообще, и особенно въ Мадридѣ,—постоянное занятіе: въ обществѣ вѣчная тревога, смуты, раздоры партій. И вотъ всѣ эти партіи сходятся сюда, волнуются, ссорятся, враждуютъ между собою не на жизнь, а на смерть. Всѣ они, и знатные, и рабочіе, здѣсь, какъ и вездѣ, стоятъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, съ необыкновеннымъ изяществомъ въ манерахъ, чѣмъ они прежде всего отличаются отъ всѣхъ остальныхъ народовъ Европы. Если вы встрѣтите испанца на улицѣ, вы обыкновенно увидите его въ плащѣ; широкій плащъ и зиму, и лѣто составляетъ необходимую принадлежность его одежды; но высшіе сановники, чиновники и выдающіеся щеголи носятъ евро-

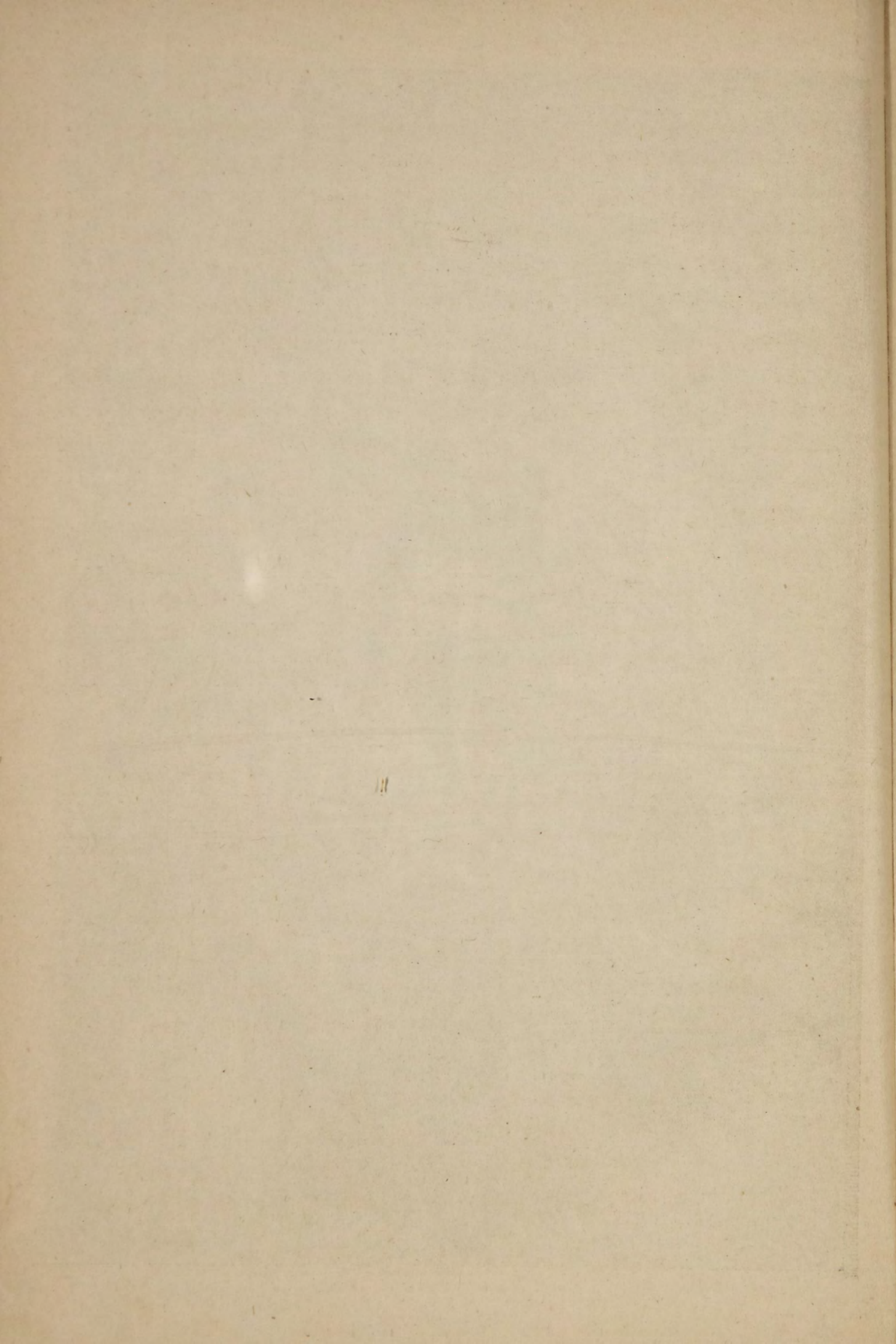
пейскій костюмъ. «Капа» (такъ называютъ испанцы свой плащъ), говоритъ испанецъ, «предохраняетъ меня зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ жары и солнца», и вслѣдствіе этого онъ никогда съ нимъ не расстаётся. Безъ плаща испанецъ считаетъ неприличнымъ войти въ какое-нибудь собраніе, идти въ процессіи, присутствовать на свадьбѣ, однимъ словомъ, «капа» — въ полномъ смыслѣ національный мундиръ испанца. Полы этого плаща испанцы подшиваютъ плюшемъ какогонибудь яркаго, чаще всего гранатоваго цвѣта. Испанецъ то и дѣло выставляетъ руки изъ подъ плаща, вертитъ маленькую папироску и затѣмъ съ утонченною вѣжливостью обращается къ сосѣду, кто бы онъ ни былъ, просить у него огня и закуриваетъ свою папиросу. Эту простоту отношеній, деликатность и вѣжливость вы встрѣтите среди всѣхъ классовъ испанскаго народа; испанская аристократія не считаетъ для себя унижительнымъ отъ времени до времени смѣшиваться съ толпою. Иностранца прежде всего поражаетъ въ нравахъ испанцевъ то, что каждый изъ нихъ, какъ бы высоко ни было его положеніе, въ собраніи и на улицѣ, не обращая вниманія на одежду и на общественное положеніе сосѣда, совершенно свободно разговариваетъ или горячо спорить съ нимъ.

На кого вы ни оглянетесь въ толпѣ, на всѣхъ лицахъ — оживленіе, веселье, радость, всегдашняя готовность быть къ вашимъ услугамъ, вступить съ вами въ болтовню, въ споръ. Иностранецъ осваивается въ этомъ городѣ съ самой первой минуты, забываетъ о своемъ одиночествѣ и, вмѣстѣ съ другими, бѣгаетъ по веселымъ улицамъ испанской столицы. Особенно при-

влекаетъ его Пуэрта-дель-Соль; съ которой онъ не можетъ разстаться и, какъ истый испанецъ, готовъ проводить на ней цѣлые дни. Она съ каждымъ днемъ притягиваетъ къ себѣ все больше и больше, но не своею красотою, не оригинальностью своихъ построекъ (ни тѣмъ, ни другимъ она вовсе не отличается), а массою народа въ улицахъ, оживленіемъ и разнообразіемъ зрѣлищъ. Здѣсь собираются купцы, тамъ чиновники, артистки, студенты; здѣсь торгуютъ, тамъ ухаживаютъ за дамами, подлѣ заключаютъ какую-нибудь торговую сдѣлку, прогуливаются, читаютъ газеты. Не смотря на широкіе тротуары, на нихъ всегда такая толпа, что приходится силою прокладывать себѣ дорогу. Вотъ кучка крестьянъ, подпоясанныхъ широкими поясами, изъ-за которыхъ выглядываютъ рукоятки навахъ (ножей); крестьяне останавливаются у стѣнки зданія и слушаютъ нищихъ, воспѣвающихъ, подъ аккомпаниментъ флейтъ и гитаръ, подвиги своихъ героевъ. Въ сторонкѣ, въ яркихъ лохмотьяхъ, пляшетъ молодая цыганка, то ударяя въ раскрашенные бубны, то потрясая ими въ воздухъ и прищелкивая кастаньетами. Далѣе прогуливаются борцы съ быками; ихъ куртки выложены золотомъ или серебромъ и красиво обхватываютъ стройную фигуру этихъ людей; ихъ пальцы—въ драгоценныхъ перстняхъ; на ихъ жилетахъ висятъ золотыя цѣпочки съ дорогими брелоками. И ни одной этой драгоценности никто изъ нихъ не покупалъ лично,—все это подарки ихъ почитателей. У насъ-ли не ухаживаютъ за знаменитыми пѣвцами, у насъ-ли не дариваютъ ихъ, но это ничто въ сравненіи съ обожаніемъ, которымъ въ Испаніи пользуются борцы съ

PANNEMAKER

быками. Вотъ одинъ изъ нихъ, — «пикадоръ» (всадникъ, вооруженный копьемъ), показывается изъ за угла улицы; проходящіе бросаются къ нему съ восторгомъ, подкидываютъ вверхъ свои шапки и выкрикиваютъ его имя. Но въ оживленныхъ улицахъ Мадрида не приходится долго смотрѣть на одно и то же: ваше вниманіе отвлекаютъ то оригинальныя процессіи съ знаменами и музыкантами, то чудные экипажи, запряженные рысаками. И просто диву даешься, какъ въ такомъ муравейникѣ, какъ Пуэрта-дель-Соль, на этой площади, кишмя кишущей народомъ, такъ быстро летятъ экипажи и не помнутъ эту громадную толпу. «Сочный апельсинъ!» кричитъ передъ вами черноглазая дѣвочка. «Свѣжая, кристальная вода, чистая, какъ слезы Богородицы, холодная, какъ ледъ Гвадаррамы, свѣжая, какъ щечки дѣвушки!» распѣваетъ продавецъ воды, продолжая пересчитывать ея чудныя качества. Ораторское краснорѣчіе, которымъ отличаются испанцы, сказывается и въ уличныхъ торговцахъ, которые, чтобы сбыть товаръ поскорѣе съ рукъ, произносятъ цѣлыя рѣчи. Крики, пѣніе, рѣчи уличныхъ продавцовъ, звуки музыки и танцевъ, грохотъ экипажей, шумъ, говоръ и движеніе толпы просто изумительны. И вотъ именно этимъ оживленіемъ вѣчно громадной, суетящейся толпы, этою быстрою смѣною самыхъ разнообразныхъ сценъ, одеждъ и лицъ и славится Пуэрта-дель-Соль среди улицъ всѣхъ столицъ міра.

Пуэрта-дель-Соль особенно хороша вечеромъ, при свѣтѣ газа и при лунномъ освѣщеніи. Тогда здѣсь и протолкаться трудно. Томительно удушливый солнечный зной, который обдаетъ человѣка точно изъ раскаленной

печи, и дѣла задерживаютъ многихъ днемъ дома, въ конторахъ и на службѣ, а вечеромъ каждый испанецъ, хотя на нѣсколько минутъ, заглянетъ сюда. Въ это время особенно бросаются въ глаза разнощики афишъ: бумажный ящикъ, который они носятъ, прикрѣпленъ къ шесту, что даетъ возможность читать объявленія, которыми испещрены всѣ 4 стороны такого ящика; тутъ объявляется о театральнхъ пьесахъ и о продажѣ различныхъ товаровъ. Когда испанецъ не можетъ держаться на ногахъ, — (а это значить, что онъ уже очень много ходилъ и бѣгалъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ существуетъ привычка съ утра до вечера быть на ногахъ, расхаживать по улицамъ), тогда онъ отправляется въ кофейню, изъ которой раздаются звуки музыки.

Хотя здѣшнія кофейни и очень красивы, но онѣ далеко не отличаются такимъ блескомъ, какъ кофейни другихъ европейскихъ столицъ. Обыкновенно это огромная зала съ колоннами; вокругъ стѣнъ идутъ бархатные диваны и столики. Тутъ нѣтъ особенныхъ кофеенъ для знатныхъ и простыхъ, — принимаютъ каждаго, лишь бы платилъ. Поэтому по сосѣдству съ знатымъ зачастую сидитъ и простой ремесленникъ, и оба разговариваютъ и спорятъ безъ всякаго стѣсненія. Здѣшнія кофейни не выписываютъ газетъ: продавцы газетъ и лотерейныхъ билетовъ шмыгаютъ по залѣ и предлагаютъ свой товаръ посѣтителемъ. Лотереи въ Испаніи содержатся правительствомъ, и безпрестанно происходятъ розыгрыши. Испанцы совершенно такъ же относятся къ лотереямъ, какъ и итальянцы, и онѣ здѣсь такъ-же разоряютъ бѣдный народъ, какъ и въ Италиі; но мы не

будемъ распространяться о нихъ, потому что онѣ подробно описаны въ очеркахъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. *Итальянцы*» (страница 63—66).

Въ мадридскую кофейню приходятъ между прочимъ, чтобы послушать музыку и пѣніе народныхъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ гитаръ: испанцы предпочитаютъ всему свои народныя пѣсни. Посѣщаютъ кофейню и для того, чтобы выпить. Испанцы, однако, не любители спиртныхъ напитковъ: это самый трезвый народъ въ мірѣ. Люди какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ не прочь выпить стаканъ-другой мѣстнаго вина, но оно обыкновенно очень легкое, и настоящихъ пьяницъ среди испанцевъ, сравнительно съ другими европейскими народами, чрезвычайно мало. Но за то они большіе любители прохладительныхъ напитковъ, приготовленіемъ которыхъ такъ славится Испанія. Трудно перечислить ту массу разнообразныхъ прохладительныхъ, которые приносятъ вамъ въ каждой кофейнѣ, въ каждомъ частномъ домѣ. Всѣ эти апельсиновые, миндальные, земляничные и другіе напитки превосходно заморожены, и каждый имѣетъ свой особый аромат: есть прохладительное подъ названіемъ «элексиръ молодости», питье, въ которомъ много ванили и другихъ пряностей, «ароматъ весны», въ которомъ чувствуется запахъ фіялокъ, и т. под. Поглощая громадное количество этихъ напитковъ, испанецъ еще болѣе выпиваетъ чистой воды. Прекрасно тутъ готовятъ также и мороженое, которое уничтожаютъ въ огромномъ количествѣ.

Посидитъ испанецъ въ кофейнѣ и опять возвращается на Пуэрта-дель-Соль. Вечеромъ здѣсь еще бо-

лѣе, чѣмъ днемъ, дамъ и мужчинъ, которые не иначе держатъ свою шляпу, какъ приподнятою для поклона; всюду улыбки, привѣтствія, крики носильщиковъ, грохотъ дилижансовъ, бряцаніе сабель, звуки гитаръ, пѣніе слѣпыхъ. Это не движеніе и шумъ дѣловыхъ людей, а никогда не прекращающійся праздникъ, веселіе празднаго народа. Самый дѣловой человѣкъ, попавшій на эту площадь, увлекается общимъ движеніемъ, болтаетъ, смѣется, цѣлые часы слоняется безъ дѣла изъ одного конца площади въ другой.

Если хотите не только потолкаться среди громадной толпы, но и прогуляться, отправляйтесь въ *Прадо*, — на широкій и безконечно длинный бульваръ. Прадо — мѣсто свиданія наиболѣе блестящаго общества: тутъ прогуливаются, знакомятъ своихъ друзей, бесѣдуютъ, курятъ; кто устанетъ ходить, можетъ присѣсть на одинъ изъ стульевъ, разставленныхъ по бокамъ бульвара. Жители Мадрида считаютъ Прадо чудомъ изъ чудесъ. И дѣйствительно, если вспомнишь, какъ бесплодны, жалки и безжизненны окрестности Мадрида, да и большая часть обѣихъ Кастилій, въ которой находится эта испанская столица, то найдешь, что такой восторгъ не особенно преувеличенъ. Самая лучшая часть этого прелестнаго бульвара называется «салонъ Прадо»: она представляетъ рядъ чудныхъ, тѣнистыхъ аллей, деревья которыхъ такъ густы, что переплетаются между собой. Однѣ изъ аллей предназначены для пѣшеходовъ, другія для всадниковъ и каретъ. Въ жаркое время здѣсь царитъ прохлада, и тогда на скамейкахъ и стульяхъ вездѣ отдыхающіе; здѣсь и тамъ множество бесѣдокъ съ прохладительными напитками.

Нигдѣ, кромѣ Мадрида, не встрѣтишь на улицахъ такой массы богато разодѣтой публики: безпрестанно встрѣчаешь женщинъ въ дорогихъ кружевахъ и брилліантахъ, мужчинъ — въ роскошныхъ экипажахъ. Но громадное большинство роскошно разодѣтыхъ испанцевъ, блестящихъ драгоценными каменьями, живутъ въ скромныхъ квартирахъ, питаются недостаточно питательною пищею. Это происходитъ оттого, что всѣ классы общества заражены страстью къ нарядамъ. Какъ мужчины, такъ тѣмъ болѣе женщины, какъ знатные, такъ и простые, какъ бѣдные, такъ и богатые, готовы во всемъ урѣзать себя, недопивать и недоѣдать, лишь бы обратить вниманіе другихъ на свой нарядъ, или по крайней мѣрѣ не явиться въ публикѣ одѣтыми хуже другихъ.

Хотя парижскія моды проникли и къ испанкамъ, но все-таки онѣ до сихъ поръ удержали въ костюмѣ болѣе своего народнаго, чѣмъ другія европейскія женщины. Испанки весьма небольшого роста, живыя, съ нѣжными чертами лица, съ черными, чудными глазами, съ густой темно-каштановой косою. Одѣваются онѣ обыкновенно въ черное платье; длинная кружевная мантилья кокетливо накинута на голову. Испанка въ модной шляпкѣ не производитъ особеннаго впечатлѣнія, — она привлекательна только въ своей кружевной мантильѣ. Покрытая своими воздушными мантильями, испанскія женщины, при свѣтѣ огней, кажутся какими-то фантастическими существами. Какъ у самой бѣдной крестьянки, такъ и у дочери родовитыхъ и сановитыхъ родителей, вѣрѣ рѣшительно никогда не выходитъ изъ рукъ, и настоящее искусство

владѣть имъ дано только испанкамъ. На улицѣ, въ театрѣ, въ церкви постоянно слышится шумъ и щелканье отъ складыванія и распусканія вѣеровъ; ими испанки даже кланяются, отдаютъ другъ другу привѣтствія, дѣлаютъ знаки, посылаютъ воздушные поцѣлуи. Это пристрастіе къ вѣерамъ будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что имъ можно освѣжить лицо во время зноя и жара испанскаго лѣта.

Къ чуднымъ аллеямъ Прадо примыкаетъ нѣсколько улицъ; между ними обращаетъ на себя вниманіе улица Іеронима со статуей величайшаго испанскаго писателя Сервантеса. Надписи на этомъ памятникѣ говорятъ о томъ, что онъ воздвигнутъ этому писателю за его величайшее произведеніе «Донъ-Кихотъ», названный по имени героя этого романа, который изображенъ отправляющимся на своемъ тощемъ Россинантѣ искать подвиговъ въ невѣдомой дали и всюду биться за правду, угнетенныхъ и обездоленныхъ. За Донъ-Кихотомъ плетется его слуга—добродушный Санхо-Панчо.

Противъ бульвара Прадо существуетъ площадь, названная по имени великаго испанскаго живописца Мурильо, памятникъ котораго и стоитъ здѣсь. Какъ произведенія этого живописца, такъ и память о немъ священны для испанскаго народа. И это понятно: этотъ художникъ великолѣпно воспроизводилъ мадонну (Богородицу), которую такъ обожаютъ и боготворятъ испанцы.

Площадь «Майоръ», которая имѣла прежде перво-степенное значеніе, теперь любопытна только по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. На ней устраивали костры для сожженія еретиковъ, особенно много казнили

мавровъ и евреевъ, какъ людей завѣдомо не признающихъ католической религіи. Вся эта площадь была пропитана кровью несчастныхъ мучениковъ. Здѣсь было замучено болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ мірѣ, невинныхъ людей: на кострѣ сжигали человѣка даже и тогда, когда на него падало малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что онъ неправильно понимаетъ тотъ или другой догматъ католической религіи. Жгли и такихъ, которые никакого сомнѣнія въ религіи не выражали, а просто, чтобы избавиться отъ того или другого человѣка, воспользоваться его состояніемъ, отнять у него жену, сестру, или наконецъ просто изъ-за того только, чтобы отомстить ненавистному человѣку. Не смотря на страшныя мученія и пытки, которыя претерпѣвали несчастные на этой площади, ее называли «ступенью въ рай», «площадью святыхъ огней», «алтаремъ карающаго Бога», даже «вратами любви», хотя все то, что тутъ происходило, совершенно противорѣчило не только любви, но простому человѣколюбію.

Площадь «Майоръ», на которой сожжено было столько людей, еще въ тѣ жестокія времена была окаймлена домами съ балконами. Въ тѣ дни, когда происходили казни, балконы и окна домовъ были биткомъ набиты зрителями. Они съ нетерпѣніемъ ожидали, когда начнутъ казнить обреченныхъ на смерть людей, и все время стояли на балконахъ, съ наслажденіемъ наблюдая жестокія пытки, претерпѣваемыя несчастными. Мало того, во времена этихъ жестокихъ казней и пытокъ существовалъ обычай приходить на эти зрѣлища въ самыхъ дорогихъ нарядахъ, — въ парчевыхъ, шелковыхъ и бархатныхъ платьяхъ, щедро украшенныхъ драго-

цѣнными камнями. Обреченныхъ на сожженіе людей вереницей обводили вокругъ всей площади; у каждаго изъ нихъ во рту была засунута «желѣзная груша», которая мѣшала несчастному произнести хотя одно слово. При этомъ всѣ обреченные на смерть были одѣты въ шутовскую одежду. Впереди этихъ несчастныхъ шли дѣти, одѣтыя ангелами, и цѣли; за ними дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, духовенство въ пышныхъ одеждахъ, монахи въ саванахъ и съ горящими факелами въ рукахъ и наконецъ позади тянулись войска. Когда несчастные обошли площадь, ихъ привязывали къ шестамъ, укрѣпленнымъ среди костровъ, и поджигали ихъ. Публика на балконахъ и король со своимъ блестящимъ дворомъ наслаждались корчами и муками беззащитныхъ людей, пожираемыхъ пламенемъ. Болѣе всѣхъ подобными казнями упивался Филиппъ II-ой (1556—1598 г.), этотъ испанскій король-палачъ и кровопійца. На этой площади «Майоръ», гдѣ днемъ на кострахъ жгли живыхъ людей, вечеромъ актеры играли комедіи и плясали танцовщицы; здѣсь-же давали и представленія боя быковъ, для которыхъ теперь устроены особыя зданія. Можно-ли удивляться тому, что испанцы до сихъ поръ страстно любятъ отвратительныя, кровавыя зрѣлища въ родѣ боя быковъ, послѣ того, когда народъ этотъ цѣлыми столѣтіями пріучали къ позорнымъ, безчеловѣчнымъ зрѣлищамъ въ родѣ вышеописанныхъ.

Теперь на площади «Майоръ» разбитъ маленькій садикъ, и вся она окружена высокими каменными зданіями на аркахъ; подъ ними устроены магазины и идетъ всевозможная торговля, а надъ арками высятся этажи громадныхъ домовъ. Каждый этажъ непременно

съ балкономъ; такъ какъ дома стоятъ очень тѣсно другъ около друга, то кажется, что эти балконы окружаютъ площадь непрерывною линіей, что придаетъ ей чрезвычайно своеобразный видъ. По вечерамъ здѣсь много гуляющихъ; испанки, одна красивѣе другой, сидятъ на безчисленныхъ балконахъ и смотрятъ на публику, расхаживающую внизу.

Въ Мадридѣ нѣтъ ни особенно роскошныхъ дворцовъ, ни старинныхъ памятниковъ искусства; но улицы испанской столицы, сравнительно съ улицами другихъ южныхъ городовъ, очень чисты, обширны, всегда чрезвычайно оживлены, обрамлены домами, выкрашенными въ самые различные цвѣта; онѣ прерываются площадями разнообразныхъ формъ, и на каждой изъ нихъ вы непременно найдете садикъ, фонтанъ, статую. Нѣсколько улицъ поднимаются по крутому склону, но, если вы достигнете самаго возвышеннаго пункта одной изъ нихъ, — другая, длинная улица представляется вашимъ взорамъ. Каждую минуту перекрестки пяти, шести, даже восьми улицъ съ вѣчною толкотнею отъ экипажей и народа.

Во второстепенныхъ улицахъ Мадрида живописнымъ сценамъ нѣтъ конца. Цирюльники у дверей своихъ цирюленъ на открытомъ воздухѣ бреютъ мужчинъ; кузнецъ, сидя у входа кузницы, напѣваетъ народную пѣсню, въ которой онъ прославляетъ ловкость и красоту веселой дѣвушки; толпа полуодѣтыхъ мальчиковъ, съ лицомъ бронзоваго цвѣта, играетъ на улицѣ, представляя въ игрѣ бой быковъ; ватага удалыхъ, необыкновенно оживленныхъ и бойкихъ «сигарочницъ» (т. е. женщинъ, работающихъ на сигарной фабрикѣ) шумно

расходится по домамъ. Толпы народа у входа въ харчевни закусываютъ сардинками и салатомъ; угольщикъ перевѣшиваетъ безменомъ набросанные передъ нимъ огромные мѣшки съ углемъ; перевозчики товаровъ гонять передъ собою муловъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными цвѣтами изъ шерсти.

• Кромѣ необыкновеннаго уличнаго оживленія, въ Мадридѣ нѣтъ ничего особеннаго. Только «королевскій музей» достоенъ истиннаго удивленія: онъ дѣйствительно занимаетъ не только первое мѣсто въ числѣ достопримѣчательностей испанской столицы, но во всей Европѣ славится, какъ одно изъ лучшихъ хранилищъ величайшихъ художественныхъ произведеній. Въ немъ собраны картины извѣстныхъ художниковъ не только Пиренейскаго полуострова, но и другихъ странъ. Въ прежнія времена испанскіе короли были большими поклонниками живописи. Даже Филиппъ II-ой, этотъ король-звѣрь, какъ называютъ его, пріобрѣталъ во всѣхъ концахъ свѣта произведенія живописи. Зная пристрастіе испанскихъ королей къ живописи, многіе знаменитые художники предлагали имъ свои произведенія раньше, чѣмъ кому-бы то ни-было. Испанскіе богачи и аристократы, желая угодить тому или другому изъ своихъ королей, посылали имъ въ подарокъ произведенія извѣстныхъ художниковъ. Вотъ почему въ «королевскомъ мадридскомъ музеѣ» можно найти такое громадное собраніе картинъ знаменитыхъ художниковъ всего свѣта. Изъ всѣхъ испанскихъ художниковъ, картинами которыхъ украшенъ музей, всемірную славу пріобрѣли: Веласкезъ, Мурильо, Рибейра, и очень многіе другіе.

Первая прогулка по Мадриду, даже самый внѣшній обзоръ его зданій, вполне доказываютъ путешественнику, что испанцы не даромъ прославились своею страстью ко всевозможнымъ зрѣлищамъ: на каждомъ шагу ему попадаются то театры, то постройки для какихъ нибудь представлений. Кромѣ большого театра, цирка, занимающихъ первое мѣсто въ странѣ по величинѣ и наплыву зрителей, тутъ есть множество маленькихъ театровъ, всевозможные цирки, гдѣ идутъ представленія съ лошадьми, театры для концертовъ, театры большіе и малые для знати, для народа. И нѣтъ ни одного, какъ большого, такъ и малаго театра, который не былъ бы полонъ каждый вечеръ; затѣмъ есть циркъ для пѣтушиныхъ боевъ, зданіе для боя быковъ, зала для народныхъ баловъ, зала для игръ. Въ извѣстные дни бываетъ до 20-ти различныхъ спектаклей, и они начинаются отъ полудня и продолжаются до глубокой ночи.

Уставъ отъ толкотни въ улицахъ, иностранецъ поздно ночью возвращается наконецъ домой, но вдругъ вспоминаетъ, что онъ забылъ ключъ отъ своей квартиры. Что дѣлать?—Не безпокойтесь,—говоритъ прохожій,—видите въ глубинѣ улицы фонарь: это «серено»,—у него ключи отъ всѣхъ домовъ. Вы кричите: «серено!» Фонарь приближается, и человѣкъ, держащій огромную связку ключей, открываетъ вашу дверь. Заплативъ «серено» 30—40 к. въ мѣсяцъ, вы избавляетесь отъ скуки носить въ карманѣ ключи отъ квартиры. Серено состоятъ на службѣ города, ихъ бываетъ по одному на каждую улицу, и каждый изъ нихъ снабженъ свисткомъ. Если у васъ пожаръ, или воры

ломаются въ дверь, вы высовываетесь изъ окна и кричите «серено на помощь!» Серено вашей улицы свиститъ, свистки моментально передаются изъ одной улицы въ другую, и черезъ минуту серено квартала вбѣгаютъ въ вашу квартиру. Въ какомъ бы часу ночи вы ни проснулись, вы слышите голосъ серено, который возвѣщаетъ вамъ, который часъ и какова погода.

Андалузія.

Природа страны.—Характеръ и одежда андалузцевъ.—
Кордова,—Постройки этого города и его замѣчательная мечеть.

Чѣмъ дальше подвигаешься по Новой Кастилии къ югу, тѣмъ быстрѣе исчезаютъ жалкія Кастильскія пустыни, выжженные солнцемъ, и окружающая природа становится богаче. Наконецъ появляются величественныя горы Сіерры-Морэны, а за ними богатая андалузская природа является во всей своей роскоши: рощи оливъ и виноградники встрѣчаются чаще и чаще, растительность сильнѣе, богаче и разнообразнѣе. Тутъ вы чувствуете, что находитесь точно подъ другимъ небомъ: климатъ, характеръ построекъ, одежда, обычаи,—все заставляеть васъ думать, что вы переселились совсѣмъ въ другую страну. Существуетъ преданіе, что, когда французскія войска, при Наполеонѣ, вступили въ эту страну и когда съ вершинъ Сіерры-Морэны они увидели Андалузію, то до такой степени были поражены ея красотою, что, какъ по мановенію, отдали ей честь оружіемъ. По словамъ мавровъ, «равнины Андалузіи

богаче цвѣтами и пестрѣе самаго лучшаго ковра; океанъ любитъ ласкаться къ гіацинтамъ и нарцисамъ ея береговъ; пальмы, радуясь теплomu солнцу, тѣсняются у ея потоковъ или зеленѣющими башнями возносятся надъ лимонными рощами. Горы Сіерры-Морэны обдають Андалузію благоухающимъ запахомъ своихъ розъ и миртъ; даже козьи стада, вышедшія изъ Сіерръ въ долины, долго сохраняють этотъ запахъ».

Андалузцы, какъ большая часть испанцевъ, имѣють много общаго между собой, только въ ихъ жилахъ еще болѣе, чѣмъ въ остальныхъ испанцахъ, течеть горячая арабская кровь. И это понятно: мавры, то есть арабы, вышедшіе изъ Аѳрики, покорили въ VIII-мъ ст. весь Пиренейскій полуостровъ. Сдѣлавшись хозяевами этой страны, мавры расселились почти по всему полуострову, но особенно полюбилась имъ Андалузія, какъ область наиболѣе богато одаренная природой и самая благословенная во всей Испаніи. Мавровъ въ Андалузіи было много во всѣхъ классахъ общества, а среди земледѣльцевъ и рабочихъ ихъ было несравненно больше, чѣмъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ мавры были болѣе испанцевъ трудолюбивы и опытны въ работахъ. Мавры господствовали въ Андалузіи почти семь столѣтій, долѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Испаніи. Работая на ряду съ испанцами въ полѣ, въ мастерской и на фабрикѣ, мавры съ каждымъ годомъ все болѣе входили въ близкія отношенія и роднились съ ними. Такимъ образомъ не только горячее солнце юга придаетъ кожѣ андалузцевъ болѣе темный цвѣтъ лица, но и мавританская кровь, которая течеть въ ихъ жилахъ больше, чѣмъ у остальныхъ испанцевъ. Въ рѣчи

андалузцевъ тоже болѣе, чѣмъ у остальныхъ испанцевъ, арабскихъ словъ и выраженій; точно также въ нравахъ и обычаяхъ, праздникахъ и церемоніяхъ андалузцевъ сохранилось много мавританскихъ чертъ, хотя мавры были магометанами, а андалузцы, какъ и остальные испанцы, теперь, какъ и тогда, были христіанами и исповѣдывали католическую религію. Если такъ много мавританскаго сохранилось въ фізіономіи, характерѣ, языкѣ и привычкахъ андалузцевъ, то еще болѣе слѣдовъ оставили мавры въ постройкахъ. Въ городахъ Андалузій, если и существуютъ замѣчательныя постройки, то это обыкновенно дворцы мавровъ или ихъ мечети (магометанскіе храмы). Даже современныя постройки андалузцевъ носятъ арабскій характеръ: всѣ ихъ богатые дома и теперь еще обращены передними фасадами не наружу, какъ это обыкновенно бываетъ у остальныхъ европейскихъ народовъ, а ко внутреннему двору.

Андалузцы, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются еще большею граціею и изяществомъ, чѣмъ остальные испанцы; они храбры, остроумны, но большіе хвастуны, любятъ постоянно быть на виду, стараются заставить говорить о себѣ, не прочь они также и прикрасить все, о чемъ рассказываютъ, но это происходитъ отъ ихъ богатой фантазіи. Бойкіе, веселые, разудалые андалузцы, первые между испанцами красавцы и щеголи. Одежда андалузца, даже простолюдина, чрезвычайно живописна. Онъ обыкновенно одѣтъ въ куртку, шитую арабесками, съ шелковымъ цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, концы котораго продѣты въ золотое или серебряное кольцо; шляпа его обыкновенно низенькая, съ загнутыми полями, и надѣта на бекрень, что

придаетъ веселому и оживленному лицу андалузца какую-то молодцоватость и удалство. У простолюдина подъ шляпою еще шелковый пестрый платокъ, которымъ онъ обвязываетъ голову. Черты лица андалузцевъ, даже среди простонародья, чрезвычайно тонки, манеры изящны, всѣ они держатъ себя просто, но съ большимъ достоинствомъ. Въ разговорѣ ихъ чрезвычайно много остроумія, и обороты рѣчи очень часто поэтическіе, литературные,—трудно повѣрить, что очень многіе изъ нихъ совершенно безграмотны. Андалузки славятся своєю замѣчательною красотою. Онѣ не любятъ особенно разнообразить и пестрить своего наряда и предпочитаютъ національный костюмъ парижскимъ модамъ. Черная кружевная мантилія покрываетъ женщину съ головы до ногъ; черезъ нея просвѣчиваютъ обыкновенно черное платье и черные волосы и такъ выдѣляются чудныя черные глаза, гибкій станъ и бѣлыя руки. Обыкновенный цвѣтъ лица испанокъ вообще, но особенно андалузокъ,—матовая прозрачная блѣдность; у нѣкоторыхъ женщинъ цвѣтъ кожи почти бронзовый. Въ глазахъ андалузки вы не найдете выраженія кротости: въ нихъ блеститъ смѣлость, отвага, рѣшительность и желѣзная сила характера. Но, по недостатку образованія, андалузки тратятъ на пустяки эти прекрасныя качества.

Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Кордовѣ, тѣмъ болѣе васъ поражаетъ мавританскій колоритъ, который лежитъ здѣсь на всемъ. Кордова, окруженная мавританскими зубчатыми стѣнами, стоитъ на берегу Гвадалквивира, который течетъ между густыми кустами олеандровъ. Изъ за стѣнъ виднѣются высокія пальмы. Съ

одной стороны города Сіерра-Морэна, отлогіе холмы которой покрыты густою зеленью, съ другой — тянутся рощи оливокъ и виноградники. Одежда, дома, улицы, — все носить мавританскій характеръ. Невысокіе бѣлые дома, улицы, до того узкія, что три человѣка не вездѣ могутъ пройти въ рядъ, низкія, длинныя стѣны, ярко сверкающія своею известковою бѣлизною, темно-синія облака, въ которыхъ точно тонутъ силуэты какихъ то совсѣмъ не европейскихъ башенъ, и вдругъ, среди этой арабской деревни, зданія, очень похожія на наши присутственныя мѣста въ губернскихъ городахъ средней руки, — вотъ какой видъ имѣетъ теперь Кордова.

Самое блестящее время для Кордовы было X столѣтіе: тогда считалось здѣсь до милліона жителей, было девятьсотъ бань, многое множество дворцовъ и роскошныхъ построекъ. Теперь же, вмѣсто мраморныхъ дворцовъ и фонтановъ, вы встрѣтите маленькіе, бѣленькіе домики, часто безъ оконъ и дверей на улицу, и весьма небольшое народонаселеніе. Кордова славится своими заводами андалузскихъ лошадей. И дѣйствительно, андалузскіе кони необыкновенно красивы: густая, волнистая грива, хвостъ до земли, бѣгъ — сильный и порывистый; только голова (общее свойство лошадей андалузской породы) нѣсколько велика; голову и гриву лошади обыкновенно убираютъ лентами.

Изъ достопримѣчательностей Кордовы прежде всего останавливаетъ вниманіе мечеть, построенная маврами. Снаружи она не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ мавры въ своихъ постройкахъ пренебрегали внѣшностью и всю роскошь сосредоточивали на внутренно-

сти зданія. Въ эту мечеть входятъ черезъ огромный дворъ, окруженный колоннами. Какъ бы вы ни были подготовлены всевозможными описаніями увидѣть роскошь и замѣчательное искусство въ постройкѣ, все-таки, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вы остолбенѣете отъ удивленія при видѣ этого замѣчательнаго великолѣпія. Восемьсотъ шестьдесятъ колоннъ (прежде ихъ было, говорятъ, 1,200) изъ драгоцѣннаго мрамора, яшмы, порфира, соединенныхъ легкими арками, представляются густымъ лѣсомъ, въ которомъ теряется взоръ; рѣдкія, маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полумракъ, царствующій здѣсь, еще усиливаетъ впечатлѣніе. При маврахъ днемъ и ночью храмъ этотъ освѣщался нѣсколькими тысячами серебряныхъ лампъ; теперь мечеть сильно искажена испанцами: не говоря уже о мелочахъ (они напр. замазывали надписи изъ корана, сдѣланныя маврами), передѣлывали полы, главное же искаженіе состоитъ въ томъ, что посреди мечети они построили огромный католическій соборъ.

Но мавританскіе памятники архитектуры, бѣдные дома, все это исчезаетъ передъ дивнымъ благоуханіемъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Вездѣ множество цвѣтовъ, садовъ, изгороди которыхъ часто изъ цвѣтущихъ кактусовъ и алоэ. Кордова—это громадный букетъ цвѣтовъ, среди котораго брошено нѣсколько тысячъ домовъ, ослѣпляющихъ своею бѣлизною.

Севиля.

Севильскіе дома и знаменитыя патіо.—Вечеръ.—Ночныя сцены.—Хиральда.—Соборъ.—Альказаръ.—Севильскіе цирюльники.

На всемъ протяженіи между Кордовою и Севильею путешественникъ почти не разстается съ цвѣтущими берегами Гвадалквивира. Мѣстность очень разнообразна: передъ вами открывается то дикая скала съ развалинами арабскаго замка, то прелестный, миловидный городокъ, утопающій въ садахъ, окруженный виноградниками и апельсинными деревьями, золотистые плоды которыхъ такъ ярко блестятъ на солнцѣ. Севиля, при первомъ знакомствѣ съ нею, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, но скорѣе своею миловидностью, чѣмъ роскошью и великолѣпіемъ. Дома здѣсь большею частью въ два этажа, и каждый изъ нихъ непременно съ нѣсколькими балконами, плотно обвитыми ползучими растеніями и розанами. Въ серединѣ фасада, выбѣленнаго известью, открывается дверь, ведущая въ сѣни, въ глубинѣ которыхъ сквозная желѣзная рѣшетка: черезъ нея-то и можно видѣть патіо, то есть внутренній дворъ съ фонтанами и цвѣтами. Но слово дворъ такъ странно звучитъ въ примѣненіи къ испанскому патіо. Патіо—это, такъ сказать, огромная зала, лежащая подъ открытымъ небомъ, только потолкомъ и крышею для нея служитъ чудное небо. Этотъ внутренній дворъ или патіо вымощенъ плитами, какъ комната, и имѣетъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ колоннаду, достигающую высоты слѣдующаго этажа, кото-

рый выступает надъ нижнимъ этажемъ во всю ширину этой колоннады. Такимъ образомъ вокругъ патіо идетъ крытая галерея, потолкомъ для которой служитъ полъ слѣдующаго этажа, а середина его подъ открытымъ небомъ. Такіе дома съ двориками устраивали мавры, и теперь эти патіо составляютъ щегольство жителей Севильи. Богатые стараются украшать такіе дворики возможно лучше: тутъ фонтаны, зеркала, разставлена мебель, висятъ картины, но болѣе всего цвѣтовъ въ красивыхъ горшкахъ. Въ глубинѣ возвышаются кипарисъ, финиковыя пальмы, апельсиныя деревья, вѣтви которыхъ образуютъ бесѣдочки. Такъ украшаютъ севилянцы эти дворики, потому что они служатъ имъ и кабинетомъ, и столовой, и гостиной, а иногда даже и спальней. Чтобы защитить себя отъ дневнаго жара, надъ «патіо» устраиваютъ крышу изъ виноградныхъ лозъ; для этого кладутъ сверху колья, и виноградная лоза причудливо обвиваетъ ихъ; если же нѣтъ виноградной крыши, то дворъ задергиваютъ сверху полотномъ.

Улицы Севильи не блестятъ щегольскими магазинами, но многія изъ нихъ широки и чисты; всего пріятнѣе здѣсь то, что самые узкіе и темные закоулки не пропитаны грязью, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ южныхъ городахъ. По вечерамъ въ улицахъ постоянно встрѣчаешь прогуливающихъ красавицъ въ черныхъ мантильяхъ, съ вѣерами въ рукахъ; онѣ выходятъ изъ дому «брать прохладу» послѣ дневной жары и жгучаго солнца, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Днемъ здѣсь такая жара, что рѣдко встрѣтишь на улицѣ человѣка, кромѣ «продавцовъ воды». Эти продавцы воды—самое обыкновенное явленіе во всѣхъ ис-

панскихъ городахъ: нѣкоторые изъ нихъ расхаживаютъ съ кувшинами воды, другіе имѣютъ свой столикъ у какой-нибудь стѣны зданія, и тогда они уже продаютъ и прохладительные напитки, и дешевое мороженое, и свѣжую воду.

Севиля оживляется только тогда, когда становится темно. Здѣсь не бываетъ нашихъ долгихъ сумерекъ и темнѣетъ тотчасъ послѣ солнечнаго заката. Тогда каждый «патіо» освѣщенъ лампами, и огромные фонтаны постоянно освѣжаютъ удушливотеплый воздухъ.

На вечернихъ прогулкахъ вы рѣдко услышите: синьоръ или синьора; знакомые называютъ другъ друга по именамъ: донъ Луи, донна Долоресъ. Тотъ, кто устанетъ ходить, отправляется къ себѣ домой, садится на балконъ и такимъ образомъ очень долго разговариваетъ съ своими знакомыми. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе оживлены улицы Севильи: въ переулкѣ вы различите мужскую фигуру, завернутую въ плащъ; его широкая шляпа низко надвинута на глаза, правую ногу онъ упираетъ о камень, пальцами же быстро перебираетъ струны своей гитары. Дальше на скамейкѣ сидитъ мужчина съ женщиной: красавица то играетъ вѣеромъ, то отмахивается имъ. Но вотъ она залилась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, собесѣдникъ вторитъ ей, остритъ, и всюду этотъ веселый смѣхъ и говоръ гармонично сливаются съ журчаніемъ фонтана. Иногда въ совсѣмъ темномъ переулкѣ вдругъ выступаетъ «патіо», освѣщенный бумажными фонарями и лампами. Но чаще всего вы встрѣчаете слѣдующее: подъ балкономъ, молодой человѣкъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, поетъ со страстью и увлеченіемъ, умоляя въ

этой пѣснѣ любимую дѣвушку выйти на балконъ и показаться хотя на минуту. И она выходитъ, но не на минуту, а на нѣсколько часовъ, и молодые люди разговариваютъ между собой до поздней ночи: онъ все время продолжаетъ стоять внизу, у рѣшетки ея балкона, а она на балконѣ. И всюду, со всѣхъ сторонъ, раздаются бряцаніе гитаръ, шумъ вѣровъ, щелканіе кастаньетъ, удары бубенъ, пѣсни, крики, смѣхъ,—и такъ до самой зари.

Изъ замѣчательныхъ построекъ въ Севильѣ прежде всего слѣдуетъ назвать Хиральду—высокую, стройную, розовую башню. Еще приближаясь къ этому городу, первое, что увидишь далеко издали,—это Хиральда. Когда-же находишься въ Севильѣ, на что ни взглянешь, передъ вами всегда будетъ возвышаться эта стройная, высокая арабская башня. Скоро исполнится уже девять вѣковъ, какъ она построена, но ни время, ни землетрясенія, разрушившія въ Севильѣ множество построекъ, не повредили ей, и она, точно только что выстроенная, и теперь гордо возвышается между всѣми зданіями. Извѣстно, что мавры страстно любили Севилью и воспѣвали ее въ стихахъ и прозѣ, но болѣе всего гордились они своей Хиральдой. Когда король кастильскій Фердинандъ III отвоевалъ Кордову и Севилью, когда у мавровъ не осталось уже сомнѣнія въ томъ, что они окончательно потеряютъ эти столь любимые ими города, они отправили къ королю пословъ и просили его, какъ милости, избавить ихъ отъ позора сдать Хиральду, эту гордость мусульманскаго міра, и позволить имъ самимъ разрушить ее собственными руками. Но они получили въ отвѣтъ, что «за одинъ

разбитый кирпичъ этой башни всѣ мавры будутъ перерѣзаны»: вотъ, какъ еще въ то время цѣнили эту башню. Хиральда служила минаретомъ: она оканчивалась площадкой, съ высоты которой мавры (они исповѣдывали магометанскую вѣру), возвѣщали своимъ единовѣрцамъ о началѣ молитвы. Впослѣдствіи на этой площадкѣ была воздвигнута трехъэтажная башня съ сквозными арками, черезъ которыя можно видѣть огромные колокола. Больше всего въ Хиральдѣ, еще издали, поражаютъ ея дивныя мраморныя кружева необыкновенно тонкой работы, которыми она такъ чудесно украшена.

Существуетъ множество разсказовъ о томъ, до чего мавры страстно любили свою Хиральду и Севилью. Многіе изъ нихъ, и послѣ своего изгнанія изъ этого города, никакъ не могли преодолѣть тоски по родинѣ. Но они прекрасно знали, что, лишь только они покажутся въ этомъ городѣ, они немедленно будутъ схвачены и затѣмъ сожжены на кострѣ. И вотъ тѣ изъ нихъ, которые не находили мѣста отъ тоски, пробирались въ Севилью ночью переодѣтыми, поднимались на верхнюю площадку Хиральды и, при лунномъ свѣтѣ, любовались городомъ. Съ первыми лучами солнца, съ крикомъ «прощай моя Севилья!» они бросались внизъ. Не даромъ-же подлѣ этой башни одно мѣсто называется «предсмертною тоскою мавра».

Севильскій соборъ — самый замѣчательный памятникъ искусства въ Севильѣ. Внутренность храма этого громаднѣйшаго собора поразительна по замѣчательному богатству и изяществу. Тутъ множество самыхъ лучшихъ произведеній Мурильо и другихъ извѣстнѣйшихъ

художниковъ. Глаза повсюду ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней отъ сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько и по матеріалу.

Въ Севильѣ уцѣлѣлъ еще Альказаръ: онъ былъ то дворцомъ магометанскихъ повелителей мавровъ, то дворцомъ испанскихъ королей. Снаружи дворецъ этотъ представляетъ высокую стѣну съ узкими воротами; внутри необыкновенно изящныя залы, но лучше всего въ немъ его сады: тутъ и банановыя деревья, плоды которыхъ прежде могла ѣсть только одна королева; здѣсь и тамъ раскинуты чудныя лимонныя бесѣдки, и между вѣтвями этихъ деревьевъ выглядываетъ множество самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ роскошныхъ аллеяхъ садовъ Альказара всюду пріятно поражаетъ обиліе воды. Не говоря уже о безчисленныхъ бассейнахъ и фонтанахъ, тутъ еще устроены для этого другія затѣи. Всѣ дорожки сада выложены разноцвѣтными камешками и кирпичами; въ этихъ кирпичахъ и камешкахъ сдѣлано множество дырочекъ, которыя соединяются съ безчисленнымъ множествомъ мѣдныхъ трубъ, проводящихъ воду; стоитъ повернуть кранъ, и эти тысячи незамѣтныхъ для глаза дырочекъ открываются и тонкими, мелкими водяными брызгами, точно пылью, обдаютъ гуляющихъ.

Говоря объ Испаніи и въ особенности о Севильѣ, нельзя не упомянуть о цирюльникахъ. Севильскіе цирюльники пріобрѣли себѣ громкую извѣстность и были описаны многими писателями. Цирюльню тотчасъ отличишь отъ всякаго другаго дома: она оригинально

выкрашена зеленою или голубою краскою съ желтыми полосами. За окнами цирюльни выставлена голова въ парикѣ, нѣсколько банокъ съ пиявками и много инструментовъ для разныхъ операцій. Цирюльникъ не только брѣетъ и обрѣзаетъ волосы, но лѣчитъ простой народъ, дергаетъ зубы, пускаетъ кровь, ставитъ пиявки, — однимъ словомъ всѣ его занятія даже трудно пересчитать. Въ домѣ его самая бѣдная обстановка, но онъ не тоскуетъ. У него есть спутница, безъ которой не можетъ жить ни одинъ севильскій цирюльникъ, — его гитара. Если нѣтъ посѣтителей, онъ играетъ на ней и весело напѣваетъ какую-нибудь плясовую; стукнулъ кто въ дверь, — онъ быстро вѣшаетъ гитару на стѣну, хватаетъ стулъ, принадлежности для бритья, между которыми вы непременно найдете большой орѣхъ. Его пациентъ обыкновенно садится на открытомъ воздухѣ, и онъ впихиваетъ ему за щеку орѣхъ и потомъ ловкою рукою намыливаетъ выдавшуюся часть и начинаетъ быстро брить. Во все время этой операціи цирюльникъ не умолкаетъ: онъ живо и остроумно рассказываетъ о приключеніяхъ дня, о всевозможныхъ сплетняхъ, обо всемъ, что дѣлается въ городѣ и на улицѣ. Вотъ почему цирюльники рѣдко сидятъ безъ посѣтителей: если не всегда находятся желающіе бриться и стричься, то навѣрно найдутся желающіе съ ними поболтать.

Занятія народа и его положеніе.

Земледѣліе и землевладѣніе.—Общинныя земли.—Машина для орошенія полей.—Водяной судъ.—Виноградники Хереса и винодѣліе.—Оливки и оливковое масло.—Апельсинныя рощи.—Овцы; ихъ громадное значеніе для страны.—Пастухи.—Естественныя богатства Испаніи.—Альмаденъ и его ртутныя копи.—Каталонія и ея жители.—Промышленность.—Оружейныя фабрики.—Фарфоровыя и хрустальныя фабрики.—Фабрикація гитаръ и ювелирныхъ издѣлій.—Фабрикація вѣровъ.—Барселона.—Солеварни.—Фабрикація восковыхъ спичекъ.—Положеніе фабричныхъ рабочихъ.—Ихъ пища, жилище, заработокъ и выселеніе съ родины.—Образованіе.—Невѣжество, суевѣріе, предрасудки и характеръ испанскаго народа.

Земледѣліе—главное средство пропитанія испанца. Земли Новой Кастиліи, но болѣе всего юга Испаніи и особенно Андалузіи, издавна были раздѣлены между людьми высшихъ классовъ общества. Такимъ образомъ на югѣ Испаніи и въ настоящее время аристократы владѣютъ большими пространствами земли, за то громадное большинство земледѣльцевъ не имѣютъ никакой собственности и зарабатываютъ свой хлѣбъ тѣмъ, что нанимаются въ батраки и поденщики. Этотъ громадный классъ безземельныхъ работниковъ въ Испаніи страшно бѣдствуетъ и страдаетъ отъ безработицы: на каждую земледѣльческую работу, въ томъ или другомъ помѣстьѣ, рабочихъ является въ четыре, а то и въ пять разъ больше, чѣмъ требуется. Въ виду такой нужды въ работѣ, можно себѣ представить, какое жалкое вознагражденіе платятъ земледѣльцу. Каждый хозяинъ богатаго по-

мѣстья, каждый управляющій знаетъ, какую-бы плату онъ ни назначилъ за трудъ, ее примутъ съ большою благодарностію, — безработныхъ всюду чрезвычайно много. Отсутствіе заработка заставляетъ многихъ земледѣльцевъ выходить на большую дорогу и дѣлаться нищими и разбойниками. Вотъ потому-то всѣ испанскіе города буквально переполнены нищими и бродягами всякаго сорта. Но далеко не вездѣ въ Испаніи господствуетъ крупное землевладѣніе. Почти на всемъ сѣверѣ этой страны крестьяне имѣютъ собственный клочекъ земли, но у большинства онъ такъ малъ и незначителенъ, что совсѣмъ не можетъ прокормить семью и вынуждаетъ мелкаго землевладѣльца искать заработка на сторонѣ. Не смотря однако на малоземельность крестьянъ, они бѣдствовали бы еще болѣе, если-бы у нихъ не было общинныхъ земель.

Общинное землевладѣніе существуетъ въ Испаніи въ очень многихъ мѣстностяхъ даже и въ настоящее время; его нѣтъ лишь тамъ, гдѣ, какъ на примѣръ въ Андалузій, преобладаетъ крупная собственность. Этими землями, принадлежащими всей общинѣ, крестьяне пользуются различно, смотря по мѣстности. Рѣже всего встрѣчается въ Испаніи общинное землевладѣніе въ такомъ видѣ, когда передѣляется и пахотная земля. Всего чаще тамъ, гдѣ есть поземельная община, производится раздѣлъ лишь пастбища и лѣса. Существуютъ общины, которыя въ этомъ случаѣ руководятся обычаемъ захвата: кто сколько можетъ, кто сколько въ состояніи обработать, тотъ такимъ клочкомъ пахотной земли и владѣетъ.

Раздѣлъ общинныхъ участковъ обыкновенно проис-

ходить весьма торжественно. Глава общины созываетъ сельскій сходъ, на который собираются не только всѣ члены общины, но и ихъ сосѣди; въ торжественной рѣчи онъ приглашаетъ собравшихся выбрать достойныхъ людей, которые честно и добросовѣстно подѣлили бы земли между общинниками. Выбранные, въ присутствіи всѣхъ собравшихся, идутъ давать присягу, въ которой клянутся свято и безпристрастно исполнять возложенную на нихъ обязанность. Когда раздѣлъ общинной земли произведенъ на столько частей, сколько имѣется членовъ общины, бросаютъ жребій, чтобы опредѣлить, кому владѣть тѣмъ или другимъ участкомъ. Получившій жеребьевый участокъ облагается въ пользу общины извѣстнымъ денежнымъ сборомъ, который идетъ на общинныя нужды. Не вездѣ оказывается достаточное количество земли для передѣла между всѣми членами общины; съ другой стороны въ общинѣ имѣются и поденщики, и батраки, не имѣющіе скота. Того, кто не получаетъ надѣла, община вознаграждаетъ извѣстной суммой изъ собранныхъ денегъ.

Большая часть испанскаго простонародья, а именно изъ каждой сотни 73 человекъ (т. е. 73%), занимается земледѣліемъ или работами, имѣющими какое-бы то ни было отношеніе къ земледѣлію. Здѣшняя земля хорошо родитъ хлѣбныя растенія, особенно пшеницу и ячмень. Громадныя поля ячменя встрѣчаются рѣшительно вездѣ въ этой странѣ, такъ какъ онъ идетъ здѣсь вмѣсто овса на кормъ лошадямъ. Много полей засѣваютъ также маисомъ (кукурузой); встрѣчаются тутъ и громадныя поля арбузовъ и дынь, а въ низменныхъ мѣстностяхъ обрабатываютъ рисъ.

Прежде, во время владычества мавровъ (арабовъ), югъ Испаніи былъ однимъ изъ самыхъ благословеннѣйшихъ и плодороднѣйшихъ уголковъ въ свѣтѣ; теперь-же онъ по своему земледѣлію и сельскому хозяйству далеко отстаетъ отъ такихъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія и Бельгія. Земледѣліе въ Испаніи, процвѣтавшее благодаря маврамъ, сильно пало послѣ того, когда они были изгнаны, — оно въ упадкѣ и въ настоящее время по многимъ причинамъ. Испанцы до сихъ поръ народъ въ высшей степени невѣжественный, грамотность между ними развита очень слабо, еще меньше распространено сельскохозяйственное образованіе, за то предрасудки и отвращеніе ко всему новому — самая характерная черта всѣхъ классовъ общества. Хотя жизнь идетъ впередъ и требуетъ обновленія во всѣхъ областяхъ труда, испанцы и знать не хотятъ этого и стремятся все оставлять по прежнему, какъ это было при ихъ отцахъ и дѣдахъ, не выносятъ никакихъ улучшеній, никакихъ новшествъ и въ сельскомъ хозяйствѣ.

При описаніи «Англичанъ» («Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане») было объяснено, что они, какъ многіе хозяева и другихъ образованныхъ европейскихъ странъ, смотрятъ на удобреніе земли, какъ на вѣрное средство улучшить свое хозяйство. Не смотря на громадное количество удобренія, которое англичане получаютъ отъ многочисленныхъ своихъ стадъ, они находятъ, что этого имъ еще не достаточно. Все, что только можетъ удобрить землю: кости, тряпье, всякіе отбросы отъ различныхъ производствъ — гипсъ, известь и множество другихъ веществъ, они тщательно соби-

раютъ и примѣшиваютъ къ землѣ. Не такъ поступаютъ испанцы: въ давно-прошедшее время они удобряли свою землю только навозомъ отъ соломы, тѣмъ-же самымъ удобряютъ они ее и теперь. До сихъ поръ обрабатываютъ они землю первобытнымъ плугомъ, который разрыхляетъ ее очень не глубоко, лишь съ самой поверхности, и во всей Испаніи, даже въ настоящее время, нѣтъ хорошихъ фабрикъ земледѣльческихъ орудій.

При страшныхъ жарахъ, иссушающихъ землю, во многихъ мѣстностяхъ Испаніи одно, что поддерживаетъ плодородіе земли,—это искусственное орошеніе, заимствованное у мавровъ. Не смотря, однако, на очевидную пользу отъ него, испанцы очень долго небрежно къ нему относились, и только въ самое послѣднее время они стали все чаще возобновлять старинныя мавританскія сооруженія для искусственнаго орошенія. Тамъ, гдѣ эти сооруженія возобновлены, они даютъ превосходный урожай. Но пока этихъ сооруженій еще очень недостаточно: ни у правительства, ни у частныхъ лицъ нѣтъ средствъ для того, чтобы ихъ устраивать вездѣ, гдѣ это необходимо, а потому жара и засуха, рѣдкіе дожди и во многихъ мѣстностяхъ еще очень плохое орошеніе страны мѣшаютъ плодородію. Въ большей части Испаніи дни бываютъ до того томительно-жаркіе, что ни одинъ земледѣлецъ не можетъ долго работать и въ продолженіи дня долженъ нѣсколько разъ прерывать свой трудъ, а это приучаетъ къ лѣни и безъ того не особенно трудолюбиваго испанца.

Искусственное орошеніе устроено различно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ для этого машину, называемую *норією*; она устроена такъ, что изъ очень

широкаго и глубокаго колодца поднимаютъ воду для орошенія. Для этого въ колодезь опускается веревка съ бадьями. Большое деревянное колесо, устроенное у колодца, вращается на своей оси и сообщаетъ движеніе другому колесу, поддерживающему ведра; они наполняются водою въ колодцѣ и выливаются въ резервуаръ, откуда вода бѣжитъ во множество маленькихъ канавъ, проведенныхъ по полямъ. Весь этотъ механизмъ приводятъ въ движеніе лошадыю или муломъ. При этомъ обыкновенно можно видѣть мальчика въ лохмотьяхъ, а по большей части и совершенно голаго, который погоняетъ лошадь. Но въ весьма многихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ обходятся безъ человѣка: его тогда замѣняетъ шестъ, такъ ловко и искусно устроенный, что онъ сообщаетъ животному сильный толчекъ всякій разъ, какъ оно начинаетъ останавливаться, и такимъ образомъ заставляетъ его снова двигаться.

На югѣ Испаніи искусственное орошеніе устроено посредствомъ каналовъ, которые несутъ воды Гвадалквивира прямо на поля. При этомъ превосходно устроены и плотины, которыя, смотря по желанію, позволяютъ поднимать и опускать уровень воды, что даетъ возможность избѣгнуть двухъ противоположныхъ неудобствъ: недостатка воды и чрезмѣрнаго наводненія. Вода орошаетъ все поле, стекая по наклонной плоскости. Земляной валъ, окружающій поле, сдерживаетъ воду, которая стекаетъ на сосѣднее поле, когда первое достаточно орошено. Благодаря искусственному орошенію, плодородіе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Испаніи, напр. окрестностей Валенсіи, вошло въ пословицу: земля тамъ никогда не отдыхаетъ и одна жатва смѣняетъ другую.

Народъ очень цѣнитъ искусственное орошеніе, и вода вездѣ въ Испаніи цѣнится такъ дорого, что тутъ существуетъ даже особый разрядъ людей, которыхъ называютъ *водяными ворами*; они отводятъ воду на свои поля и удерживаютъ ее долѣе, чѣмъ имѣютъ на это право. Чтобы разбирать спорныя дѣла по орошенію, здѣсь существуетъ *водяное судилище*. Оно было учреждено еще при арабахъ, въ десятомъ столѣтіи, и сохранилось до настоящаго времени въ своемъ первобытномъ видѣ. Это правосудіе самое патріархальное: тутъ нѣтъ ни жандармовъ, ни адвокатовъ и прокуроровъ; судьи простые рабочіе, выбранные самими же рабочими.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разъ въ недѣлю, въ полдень, собирается на открытомъ воздухѣ, обыкновенно близъ церкви, *водяной трибуналъ*. Изъ всей мебели на этомъ судилищѣ можно замѣтить одну длинную скамейку, на которую садятся судьи. Столъ былъ бы тутъ совершенно бесполезенъ, такъ какъ употребленіе перьевъ, бумаги и чернилъ совершенно неизвѣстно этимъ судьямъ. Когда часы бьютъ 12, судъ открываетъ свое засѣданіе. Выходятъ два крестьянина: одинъ изъ нихъ, истецъ, излагаетъ свою жалобу, а отвѣтчикъ возражаетъ ему. Судьи выслушиваютъ стороны, спокойно сидя на скамейкѣ; потомъ одинъ изъ нихъ встаетъ и дѣлаетъ вопросы. Судъ, члены котораго носятъ такую же простонародную одежду, какъ и тяжущіеся, совѣщается и немедленно постановляетъ рѣшеніе. Виновнаго приговариваютъ къ денежному штрафу. Вслѣдъ затѣмъ разбираютъ другія дѣла, и въ какихъ нибудь два часа все оканчивается. Несмотря на про-

стоту формъ водянаго трибунала, его постановленія имѣютъ такую же силу, какъ и рѣшенія обыкновенныхъ судовъ.

Въ Испаніи очень много народа занято работами въ виноградникахъ: одни готовятъ почву для нихъ, другіе обтесываютъ колышки и укрѣпляютъ на нихъ виноградныя лозы, не мало людей исключительно занимается приготовленіемъ бочекъ для хранения вина. Оказались бочки плохими, — и вино выйдетъ скверное, вотъ ихъ и стараются готовить чрезвычайно аккуратно: ихъ дѣлаютъ изъ хорошаго дуба и прежде, чѣмъ вколачивать въ нихъ дно, обструганный остовъ бочки обжигаютъ на медленномъ огнѣ. Когда бочка совсѣмъ готова, ее внимательно осматриваютъ на свѣтъ и забиваютъ самыя крошечныя червотчины въ деревѣ деревянными гвоздиками.

Самыя лучшіе виноградники находятся близь города Хереса. Вино, приготовляемое здѣсь, носитъ имя этого города, и испанскій «хересъ» пользуется извѣстностью всюду за границую. Большая часть виноградниковъ принадлежитъ виннымъ торговцамъ. По близости отъ нихъ огромныя зданія, въ которыхъ живетъ иногда до тысячи рабочихъ. Тутъ же стоятъ огромныя чаны и обширныя погреба для винъ. Когда виноградъ начнетъ созрѣвать, работники раздѣляются на партіи, каждая такая партія, съ надсмотрщикомъ во главѣ, отправляется въ виноградники, и сборъ начинается. Собранныя гроздья раскладываютъ на большихъ тростниковыхъ плетенкахъ и выставляютъ на солнце на нѣсколько дней. Днемъ ихъ много разъ переворачиваютъ, а ночью, чтобы защитить отъ росы, чѣмъ нибудь покрываютъ. Когда

водянистыя части нѣсколько испарились, виноградъ несутъ въ давилные чаны. Сокъ, который при этомъ получается, разливають въ бочки и оставляють перебродить на извѣстное время. Это броженіе обыкновенно оканчивается въ январѣ мѣсяцѣ, и тогда этотъ сокъ уже превращается въ настоящее вино. Но въ такомъ видѣ его еще не отправяють за границу: передъ этимъ его очищаютъ посредствомъ яичнаго бѣлка, смѣшаннаго съ мѣломъ. Послѣ этой операціи въ новое вино прибавляють еще немного «вина-матери», — такъ называютъ старое вино, употребляемое для улучшенія другихъ винъ. Кромѣ того ко всѣмъ винамъ, вывозимымъ изъ Хереса, прибавляють спирту, чтобы они лучше перенесли путешествіе и были больше по вкусу иностранцамъ. Вина Хереса давно пріобрѣли всесвѣтную извѣстность. Владѣльцы здѣшнихъ виноградниковъ любезно принимаютъ иностранцевъ и охотно показываютъ имъ давилные чаны и огромные погреба, гдѣ они сохраняють свои вина. Внѣшній видъ этихъ погребовъ не представляетъ ничего живописнаго; но за то вась обдасть чрезвычайно пріятное благоуханіе, лишь только вы открываете дверь погреба. Въ Испаніи приготавливають вина въ громадномъ количествѣ не только въ Хересѣ, но также и въ Малагѣ; вино, получаемое отсюда, тоже носить имя этого города.

Оливковое дерево, которое часто попадается въ Испаніи громадными рощами, само по себѣ не красиво и вовсе не украшаетъ мѣстности. Одни изъ этихъ деревьевъ даютъ плоды величиною съ голубиное яйцо, другія же породы не болѣе вишни. Собирають оливки осенью; когда онѣ созрѣють, крестьяне съ своими семействами приходятъ въ оливковыя лѣса, бросаютъ

плоды въ корзины и нагружаютъ ими ослось. Рѣдко кто любитъ оливковое масло, но испанцы предпочитаютъ его коровьему и рѣшительно всѣ свои кушанья приготавливаютъ на немъ.

Чтобы выжимать оливки, во многихъ мѣстностяхъ Испаніи существуютъ фабрики, но все устроено здѣсь самымъ первобытнымъ образомъ. Прессъ для выжимки масла состоитъ обыкновенно изъ огромнаго плоскаго камня, на который кладутъ оливки. По этому камню, съ помощью лошади, движется другой, вертикально къ нему прикрѣпленный камень, исполняющій роль жернова: онъ превращаетъ оливки въ черную массу. Затѣмъ эту массу бросаютъ въ мѣшки и кладутъ ихъ другъ на друга на другой камень, на которомъ сдѣланы выемки, соединяющіяся въ одинъ желобъ. Надъ этимъ камнемъ, съ помощію очень простаго приспособленія, укрѣплена громадная колода, которая то поднимается, то опускается всею своею тяжестію на мѣшки съ оливками; тогда оттуда масло стекаетъ внизъ, на камень, и по желобу льется въ поставленный сосудъ. Но это масло еще очень горько и черно: чтобы его очистить и придать ему лучшій вкусъ, въ него вливаютъ горячую воду, которую черезъ нѣкоторое время и сливаютъ осторожно. На нѣкоторыхъ фабрикахъ теперь уже обзавелись настоящими прессами для выжимки масла, но ихъ еще очень немного. Въ большинствѣ случаевъ производство оливкаго масла въ Испаніи, какъ и большая часть другихъ производствъ въ этой странѣ, совершается вполне первобытно, вышеописаннымъ способомъ: вслѣдствіе этого масла получается меньше, чѣмъ его можно было бы имѣть, да

оно и не такъ чисто и хорошо на вкусъ, а потому иностранцы неохотно покупаютъ его; большая часть его употребляется на родинѣ, самими испанцами.

Здѣшнія фабрики для выжимки масла работаютъ не только для собственниковъ большихъ оливковыхъ лѣсовъ, но и для крестьянъ, которые владѣютъ иногда небольшимъ количествомъ оливковыхъ деревьевъ: они тоже приносятъ сюда свои оливки и имъ выжимаютъ ихъ здѣсь за вознагражденіе натурою, — то есть они уплачиваютъ за эту работу извѣстнымъ количествомъ оливокъ. Крестьяне, приносящіе сюда свои оливки, берутъ назадъ не только масло, но и грязную воду, которая получается отъ промывки его. Этой грязной зодой бѣдные испанскіе крестьяне сдабриваютъ свой супъ изъ риса и перца.

Много въ Испаніи и *апельсинныхъ деревьевъ*; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ, какъ и оливковыя деревья, можно встрѣтить цѣлыя рощи. Многіе думаютъ, что разведеніе апельсиновыхъ деревьевъ въ прекрасномъ климатѣ не требуетъ никакого ухода, но такое мнѣніе совершенно ошибочно. И при отличномъ климатѣ деревья эти растутъ не на всякой землѣ; всего пригоднѣе для нихъ песчаная почва, но и при этомъ они требуютъ самыхъ внимательныхъ заботъ: ихъ необходимо поливать, нужно удобрять землю не менѣе трехъ разъ въ году, но болѣе всего необходимо оберегать ихъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Для этого владѣлецъ апельсиновыхъ рощъ въ Испаніи густо обсаживаетъ ихъ кипарисами. Чѣмъ больше ухаживаютъ за апельсиновыми деревьями, тѣмъ больше даютъ они плодовъ. Апельсинныя деревья рѣдко даютъ плоды ранѣе пяти-

лѣтняго возраста, но когда они достигли періода полнаго своего развитія, то могутъ давать каждый годъ до 2-хъ тысячъ апельсиновъ, а иногда и до 5-ти тысячъ. Когда ихъ нужно отправлять въ чужіе края, ихъ собираютъ немного недозрѣвшими, чтобы они лучше перенесли перевозку. Любопытно, что свиньи, если ихъ впустить въ апельсинную рощу, не ѣдятъ плодовъ, которыхъ обыкновенно много валяется подъ деревьями, такъ что наша поговорка «понимаетъ толкъ, какъ свинья въ апельсинахъ» оказывается совершенно справедливою. Всего интереснѣе посѣтить апельсинныя рощи въ апрѣль или маѣ. Тогда одни деревья сверху до низу унизаны золотистыми плодами, а другія покрыты чудными цвѣтами. Необыкновенно пріятный, сильный запахъ, распространяемый апельсинными рощами, даетъ себя чувствовать на огромное разстояніе, особенно въ теплые вечера. Цвѣтовъ бываетъ такъ много, что, при небольшомъ вѣтрѣ, они, какъ снѣгъ, покрываютъ землю густымъ, бѣлымъ слоемъ. Но обыкновенно стараются не допускать, чтобы эти цвѣты падали на землю, а разстилаютъ подъ деревьями полотно, собираютъ ихъ и продаютъ въ аптеки и косметическія лавки для духовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ такъ много, что вы безпрестанно встрѣчаете дѣтей, которыя катаютъ апельсины, играютъ ими и перебраываются. Когда апельсины собраны, ихъ сортируютъ по сортамъ въ продолговатые ящики.

Множество пастбищъ въ Испаніи сдѣлали пастушескій трудъ главнымъ занятіемъ, особенно среди населенія обѣихъ Кастилій. Уже издавна въ этой странѣ начали все болѣе увеличивать разведеніе овецъ и круп-

наго скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, увеличилось пространство пастбищъ въ ущербъ лѣсамъ и обработаннымъ землямъ. Между тѣмъ въ обѣихъ Кастиліяхъ много мѣстъ, удобныхъ для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній; даже многія тамошнія неплодныя земли, если ихъ тщательно обработать, могли бы производить хорошій виноградъ. Но бѣдность испанскаго народа, его невѣжество, лѣнь и привычка все оставлять по старому, поддерживаютъ старинный обычай, по которому огромныя стада овецъ уже издавна перекочевываютъ изъ одного мѣста въ другое. Вычислено, что пространство, ежегодно проходимое ими, составляетъ около 1000 верстъ, слѣдовательно все оно обыкновенно бываетъ опустошено овцами, и земли, которыя могли бы поддерживать существованіе сотни тысячъ людей, служатъ только пастбищами.

Главную отрасль *скотоводства* составляетъ разведеніе овецъ и, между прочимъ, извѣстной испанской *мериносовой породы*. Въ Испаніи два сорта овецъ: 1) осѣдлыя, съ обыкновеннымъ руномъ, остающіяся на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ родились, и только днемъ выгоняемыя на паству, 2) овцы, которымъ приходится кочевать; послѣднихъ называютъ *мериносами*, и ихъ руно гораздо болѣе цѣнится. Лучшія овцы водятся въ одномъ горномъ округѣ Леона (на сѣверо-западѣ Испаніи); тамъ чрезвычайно много прекрасныхъ пастбищъ и большая часть жителей—пастухи. Распорядитель стадами называется *майораль*; онъ платитъ деньги за наемъ пастбища, выдаетъ жалованье низшимъ пастухамъ и назначаетъ время, когда стадо должно двинуться въ походъ. У «майорала» есть помощникъ, и подъ его началь-

ствомъ находятся всѣ пастухи; они получаютъ небольшое жалованье, но за то имѣютъ право вести на пастбище нѣсколькихъ собственныхъ овецъ, ничего не платя за это. Обыкновенно къ концу сентября стада отправляются въ путь. Приближеніе стадъ узнаешь по отдаленному побрякиванью тысячи колокольчиковъ; затѣмъ поднимается громадное облако пыли и появляется предводитель одного изъ этихъ стадъ со своими любимыми баранами, которые, точно вѣрныя собаки, ни на шагъ не отстаютъ отъ него; наконецъ показывается остальное стадо съ другими пастухами и собаками. Въ переднемъ отрядѣ — вьючный скотъ. Какъ только придутъ на пастбище, пастухи строятъ хижину на зимнее время; ее устраиваютъ самымъ первобытнымъ образомъ изъ земли и вѣтвей; все убранство состоитъ изъ нѣсколькихъ овчинъ, чтобы покрыться ими ночью. Здѣсь пастухи по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются наединѣ со своими стадами; ихъ сопровождаютъ собаки съ длинною, грубою шерстью, весьма суровыя на видъ.

Промышленность страны, процвѣтавшая при маврахъ, совсѣмъ упала, когда они были изгнаны, но въ послѣднее время она нѣсколько оживилась; но и въ настоящее время она не играетъ большой роли въ этой странѣ, такъ какъ даетъ заработокъ очень немногимъ, а именно изъ 100 лишь 3-мъ человѣкамъ (3%). Такимъ образомъ лишь 3% населенія заняты въ этой странѣ на фабрикахъ и заводахъ. Между тѣмъ по своимъ естественнымъ богатствамъ Испанія считается одною изъ самыхъ благословенныхъ странъ. По количеству ртути, мѣди и олова, она занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ; въ отношеніи количества соли ее превосходитъ одна

Австрія; по количеству серебра—Испанія равна Австріи. Но всѣ эти громадныя богатства не обогащаютъ страну, даютъ заработокъ лишь очень небольшому количеству людей. Большая часть рудниковъ эксплуатируется иностранцами—англійскими, французскими и бельгійскими компаніями. Къ тому же лишь самая незначительная часть этихъ минеральныхъ богатствъ обрабатывается съ странъ: большею частью все добытое вывозятъ въ сыромъ видѣ, такъ [напримѣръ] желѣзо цѣлыми массами отправляютъ въ Англію, Францію и другія страны.

По части металлическихъ издѣлій издавна славятся въ Испаніи лишь оружейныя фабрики, особенно въ Толедо (въ Новой-Кастиліи). Громкую извѣстность приобрѣли испанскія шпаги: дѣйствительно, онѣ гнутся не ломаясь такъ же легко, какъ китовый усъ, отличаются необыкновеннымъ холодомъ, что чувствительно при прикосновеніи. Весьма искусно вытравлены на нихъ красками самыя разнообразныя надписи: «пронизываю сердце, какъ молнія воздухъ», «холодна, какъ ледъ, жгу, какъ пламя», и т. п. Производство оружія особенно развилось и усовершенствовалось потому, что уже въ давнопрошедшія времена въ этой странѣ рѣшительно всѣ имѣли обычай носить оружіе; уже двѣнадцати-лѣтніе мальчики носили кинжалы, молодыя дѣвушки никогда не разставались съ ними.

Наиболѣе значенія для страны имѣетъ Альмаденъ, оживленный городокъ на юго-западномъ концѣ Новой-Кастиліи. Альмаденскія ртутныя копи славились уже издавна, а въ настоящее время онѣ составляютъ главный источникъ дохода испанскаго правительства. Любопытно

видѣть разработку этой колоссальной жилы; рабочіе безпрестанно выбрасываютъ заступами темно-красную киноварь. (Киноварь—красная краска, соединеніе ртути съ сѣрою; чтобы получить ртуть, ее пережигаютъ въ печахъ; сѣра сгораетъ, а ртуть перегоняютъ въ какой нибудь сосудъ). Здѣсь и тамъ въ копяхъ небольшія пещеры и трещины, наполненныя самородною ртутью. Часто случается, что, когда рудокопъ отколетъ ломомъ кусокъ руды, изъ трещины выкатывается ртутный шарикъ и, прыгая по землѣ, рассыпается на тысячу другихъ маленькихъ шариковъ. Остановить его невозможно, да и не нужно, такъ какъ ртуть отъ этого не теряется. Рабочіе обыкновенно тщательно собираютъ не только самую ртуть, но и весь соръ, на которомъ бѣжалъ и прыгалъ шарикъ, дѣлаютъ изъ него куски въ родѣ кирпичей и потомъ подвергаютъ ихъ перегонкѣ, какъ и самую руду; даже и этотъ соръ даетъ еще нѣсколько процентовъ ртути. Ртуть необыкновенно полезный металлъ: она употребляется въ барометрахъ и термометрахъ, служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ лѣкарствъ въ медицинѣ, наконецъ въ практической жизни она имѣетъ большое значеніе: ее употребляютъ при приготовленіи зеркалъ.

Въ прежнее время работами въ этихъ копяхъ занимались преступники, осужденные на каторгу. Едва начинало свѣтать, каторжниковъ выводили изъ тюремъ подземнымъ ходомъ въ рудникъ. Здѣсь они должны были работать цѣлый день, а съ наступленіемъ ночи опять тѣмъ-же подземнымъ ходомъ они возвращались въ свои тюрьмы. И такъ жили эти несчастные, никогда не видя дневного свѣта. Это довело ихъ до та-

кого отчаянія, что въ началѣ прошлаго столѣтія они подожгли рудники, которые въ то время были укрѣплены бревнами, такъ что, въ продолженіи многихъ лѣтъ, совсѣмъ нельзя было въ нихъ работать. Послѣ такого урока, для работы въ этихъ рудникахъ стали нанимать рудокоповъ, которые работаютъ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. Однако, и при такой работѣ, рабочій можетъ выдержать не болѣе 6—7 лѣтъ; послѣ этого большинство изъ нихъ умираетъ, тѣ же, которые переживаютъ товарищей на нѣсколько лѣтъ, отъ вдыхаемыхъ ртутныхъ испареній подвержены страшной, мучительной болѣзни: у нихъ до конца жизни дрожатъ руки и ноги, лицо искажено ужасными передергиваніями, глаза вѣчно мигаютъ.

Наиболѣе промышленнымъ центромъ Испаніи можно считать Каталонію (на сѣверо-востокѣ, у Средиземнаго моря). Каталонцы изъ всѣхъ испанцевъ—самый промышленный, дѣятельный и трудолюбивый народъ, страстно любящій наживу. Такъ какъ, кромѣ каталонцевъ, всѣ остальные испанцы съ пренебреженіемъ относятся къ наживѣ и ко всякому торговому человѣку, то въ Испаніи не иначе отзываются о каталонцахъ, какъ съ ненавистью и отвращеніемъ, и называютъ ихъ алчными, презрѣнными торгашами и скрягами.

Въ Испаніи уже издавна существуетъ непримиримая ненависть между жителями разныхъ провинцій. Прежде, когда Испанія раздѣлялась на совершенно обособленные другъ отъ друга области и при этомъ каждая область управлялась особымъ правителемъ, еще было какое нибудь основаніе для вражды, но теперь для нея нѣтъ никакихъ разумныхъ причинъ, и она продол-

жаеть существовать, какъ и прежде, только потому, что испанцы народъ крайне невѣжественный, неразвитой и необразованный. Между тѣмъ эта вражда приноситъ страшный вредъ: въ Испаніи только сосѣдъ, житель одной и той же провинціи, считается соотечественникомъ, но жители одной провинціи къ жителямъ другой относятся даже хуже, чѣмъ къ иностранцамъ: кастильцы враждебно относятся къ андалузцамъ и на оборотъ, и такъ у нихъ всюду. Духовенство могло бы во имя христіанской религіи проповѣдывать любовь, братство и благожелательство другъ къ другу и такимъ образомъ смягчать вражду и ненависть, но католическое духовенство Испаніи отличается отъ народа лишь своею грамотностью, умственно же оно развито не болѣе его, а нравственно—совершенно испорчено и давно прославилось своими пороками. Эта ненависть жителей одной провинціи къ другой мѣшаетъ испанцамъ заимствовать у каталонцевъ то хорошее, что у нихъ есть. А у каталонцевъ не мало хорошаго. Прежде всего они прекрасно ведутъ свое сельское хозяйство и земледѣліе, что такъ рѣдко можно встрѣтить въ Испаніи: имъ не только удалось обратить долины вдоль Средиземнаго моря въ роскошные сады, но они сумѣли обработать и сдѣлать плодородными многіе обнаженные склоны горъ; однимъ словомъ вездѣ, гдѣ это возможно, они обратили бесплодные пространства въ земли, пригодныя для виноградниковъ и для разныхъ хлѣбныхъ растеній. Но это еще далеко не все: фабричная промышленность играетъ несравненно большую роль въ жизни каталонцевъ, нежели сельское хозяйство. Въ Каталоніи существуютъ металлическіе

заводы, хлопчато - бумажныя фабрики, фабрики для фаянсовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій и др.

Фаянсъ, фарфоръ и хрусталь испанской фабрикаціи отличаются своими оригинальными рисунками: на чашкахъ, стаканахъ и столовой посудѣ обыкновенно встрѣчаешь прелестныя рисунки, изображающіе различныя минуты любимаго зрѣлища испанцевъ—боя быковъ. Фигуры людей и животныхъ исполнены очень живо, характерно и естественно.

Въ очень многихъ мѣстностяхъ Каталоніи можно встрѣтить фабрики гитаръ: этотъ инструментъ въ большомъ ходу въ испанской торговлѣ. Испанецъ, какъ богатый, такъ и бѣдный, мужчины и женщины, однимъ словомъ каждый пріобрѣтаетъ себѣ гитару; здѣсь всѣ поютъ подь аккомпаниментъ этого инструмента.

Точно также много изготовляется въ Каталоніи и ювелирныхъ издѣлій: всѣ женскія украшенія—браслеты, брошки, серьги, пряжки и т. п. отличаются большимъ вкусомъ, тонкостью отдѣлки и оригинальностію рисунка.

Не смотря на недостатокъ или, лучше сказать, на полное отсутствіе образованія,—испанскіе рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безграмотны,—они во всѣхъ отрасляхъ труда, и при томъ, какъ мужчины, такъ и женщины, обнаруживаютъ большой природный вкусъ и художественное пониманіе. Эти природныя качества испанцевъ особенно проявляются на изготовленіи вѣровъ. Нигдѣ въ мірѣ не употребляютъ столько вѣровъ, сколько въ Испаніи. Всѣ испанки, начиная съ маленькой дѣвочки и кончая старухой, знатныя и богатая, бѣдныя и даже уличныя нищенки, не-

премѣнно имѣютъ вѣеръ. Чѣмъ богаче здѣсь женщина, тѣмъ больше у нея вѣеровъ, и они болѣе драгоцѣнны, а у настоящихъ модницъ и у знатныхъ дамъ ихъ по нѣскольку сотенъ. Почти каждый испанецъ также приобрѣтаетъ себѣ вѣеръ, чтобы отмахиваться отъ жары и насѣкомыхъ; но вѣера, покупаемые мужчинами, обыкновенно совсѣмъ простенькіе, тогда какъ у знатныхъ испанокъ одинъ вѣеръ стоитъ иногда нѣсколько тысячъ рублей. Испанки особенно поражаютъ разнообразіемъ своихъ вѣеровъ, когда онѣ сидятъ въ театрѣ, или на боѣ быковъ: драгоцѣнныя, разнообразные каменья ихъ вѣеровъ сверкаютъ различными цвѣтами или поражаютъ прелестными картинами, исполненными замѣчательно художественно. Понятно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ распространена въ Испаніи фабрикація вѣеровъ; она составляетъ особую отрасль промышленности въ очень многихъ мѣстностяхъ, но болѣе всего въ Каталоніи. Вѣера дѣлаютъ изъ самыхъ разнообразныхъ кружевъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій, изъ перьевъ и стекляруса, изъ атласа и бархата, съ рисунками, содержаніемъ которыхъ служатъ, конечно, различные моменты боя быковъ, цвѣты и свиданія на балконѣ. На вѣерныхъ фабрикахъ существуетъ обыкновенно особое отдѣленіе, въ которомъ молодыя дѣвушки разрисовываютъ вѣера. Ни въ какихъ школахъ онѣ не учились: онѣ видѣли только, какъ это дѣлали ихъ матери, сестры и братья, тоже самоучки; теперь онѣ сами тѣмъ же ремесломъ зарабатываютъ свой хлѣбъ, но заработокъ ихъ очень не великъ, всего отъ 40 до 60 коп. въ день. Между тѣмъ рисунки многихъ изъ нихъ поражаютъ своею талантливостью. Какъ-

же объяснить себѣ, что эти безграмотныя дѣвушки, нигдѣ не учившись рисованію, очень часто исполняютъ рисунки, какъ настоящіе живописцы-художники? Расположеніе къ живописи и художественное чутье—природныя качества испанцевъ. Много помогаетъ развитію этихъ способностей то, что испанскій народъ видитъ постоянно въ своихъ храмахъ и музеяхъ дивныя произведенія художниковъ.

Хотя въ Каталоніи много различныхъ фабрикъ и заводовъ, но въ ней болѣе всего хлопчатобумажныхъ фабрикъ,—это самая главная отрасль каталонской промышленности: ею занято здѣсь болѣе 100.000 рабочихъ. Въ Каталоніи сосредоточено также и производство суконъ, шерстяныхъ и полотняныхъ матерій, много выдѣлываютъ здѣсь и кружевъ, которыми издавна славилась Испанія. Теперь, однако, производство испанскихъ кружевъ находится въ большомъ упадкѣ, такъ какъ западная Европа стала все менѣе пріобрѣтать ихъ, и должно было бы совершенно упасть, если бы въ самое послѣднее время ихъ не стали употреблять на родинѣ при приготовленіи вѣеровъ; теперь не только все болѣе отдѣлываютъ вѣера кружевами, но часто вмѣсто матеріи изъ нихъ однихъ дѣлаютъ вѣера.

Главный городъ Каталоніи — Барселона: всѣ ея окрестности и сосѣдніе города имѣютъ многочисленныя мануфактурныя заведенія, въ которыхъ готовятъ бумажныя, шерстяныя и другія ткани, обрабатываютъ также желѣзо, дерево, кожи и различные химическіе препараты; но болѣе всего Барселона отличается своими хлопчатобумажными фабриками. И мужчины, и женщины, какъ въ Барселонѣ, такъ и вообще во всей

Каталоніи, чуть не поголовно сидятъ за прядильными станками. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Барселонѣ, тѣмъ чаще попадаются высокія трубы фабрикъ, а также товарные поѣзда, нагруженные бочками вина и оливкового масла, тюками хлопчатой бумаги или ящиками бумажныхъ матерій и суконъ.

Въ южной части Испаніи не мало занято народа на солеварняхъ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются солончаки, они тянутся обыкновенно на очень большія пространства. Земля солончаковъ раздѣлена на небольшіе четырехугольники, ограниченные каналами со стоячею морскою водою. Въ этой то водѣ стоятъ голые рабочіе и достаютъ со дна шайками мокрую соль, которую другіе рабочіе сваливаютъ въ кучи. Когда эта соль высохнетъ, она кажется издали снѣжною горою, ярко сіяющею на солнцѣ.

Фабрики восковыхъ спичекъ—характерная промышленность Испаніи. Кстати замѣтимъ, что въ этой странѣ, кромѣ восковыхъ спичекъ, не употребляютъ другихъ. Хотя на каждой такой фабрицѣ есть нѣсколько взрослыхъ рабочихъ, но больше всего здѣсь работаютъ женщины и подростки, зарабатывая отъ 35 коп. до 1 рубля, а нѣкоторые изъ нихъ и до 1 руб. 40 коп. въ день. Вотъ какъ описываютъ одну изъ такихъ фабрикъ: «въ первомъ отдѣленіи нѣсколько мальчиковъ рѣжутъ на станкѣ дерево для коробочекъ; тутъ-же происходитъ клейка послѣднихъ. Нѣсколько дальше намотанныя на валу нитки пропускаютъ сквозь растопленный составъ воска, съ примѣсью другихъ веществъ, а затѣмъ эти же навощенные нитки пропускаютъ черезъ холодную воду, и тѣло спички готово. Особая,

довольно остроумно придуманная машина, которою управляет одна женщина и дѣвочка, раздѣлываетъ спички, придавая имъ должную длину, и помѣщаетъ ихъ въ щели небольшой четырехъ-угольной доски: когда всѣ щели наполнятся, доска принимаетъ видъ щетки, въ которой роль щетинъ замѣняютъ спички. Эти доски (онѣ такъ и называются щетками) несутъ въ другое отдѣленіе, гдѣ спички покрываютъ фосфоромъ. Операція эта очень простая и напоминаетъ собою печатаніе; «щетку» накладываютъ на доску, покрытую тонкимъ слоемъ фосфора, смѣшаннаго съ клеемъ и краскою, придавливаютъ ее сверху, и спички готовы. Послѣ этого онѣ остаются только на нѣсколько часовъ въ сушильнѣ, а затѣмъ происходитъ сортировка и размѣщеніе по коробкамъ. Этимъ дѣломъ занимаются молоденькія дѣвушки, сопровождая свое занятіе веселыми пѣснями. Всѣ работающіе имѣютъ бодрый видъ. Исключеніе составляютъ только работники, которые приготавливаютъ фосфорный составъ; они имѣютъ болѣзненный, желтый цвѣтъ лица.

Нужно замѣтить, что, благодаря здоровому и мягкому климату, позволяющему хорошо провѣтривать всѣ помѣщенія спичечныхъ фабрикъ, занятія въ нихъ не имѣютъ тѣхъ губельныхъ послѣдствій для рабочихъ, какія замѣчаются въ другихъ странахъ».

До сихъ поръ въ Испаніи не существуетъ никакихъ законовъ и правилъ объ отношеніяхъ хозяина, какъ къ фабричному, такъ и къ ремесленнику, точно также совсѣмъ не опредѣлена продолжительность рабочаго дня. Здѣшній рабочій начинаетъ работу съ восходомъ солнца и оканчиваетъ ее съ закатомъ; онѣ

прерываетъ ее утромъ приблизительно на полъ часа для завтрака и въ полдень на полтора или два часа для обѣда.

Пища рабочихъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, едва достаточна, чтобы поддерживать ихъ силы: она состоитъ обыкновенно изъ хлѣба, овощей, плодовъ, оливковаго масла и соленой рыбы; картофель употребляютъ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; еще рѣже или, лучше сказать, почти никогда за ихъ столомъ не увидите говядины. За завтракомъ подаютъ тунцы, треску или сардинки, хлѣбъ и плоды; за обѣдомъ и ужиномъ обыкновенно ѣдятъ супъ, называемый «пушеро»; онъ состоитъ изъ риса, турецкихъ бобовъ и оливокъ.

Не смотря на страсть къ красивой національной одеждѣ, испанскіе рабочіе замѣняютъ ее теперь обычной всѣмъ рабочимъ блузою и брюками изъ бумажной ткани для лѣта, а для зимы—изъ грубой шерстяной матеріи домашняго приготовленія; но и эту простую одежду они мѣняютъ чрезвычайно рѣдко: здѣшній рабочій не имѣетъ на столько средствъ, чтобы обращать вниманіе на чистоту.

Кромѣ очень немногихъ мѣстностей, также мало здорово и жилище; фабричному рабочему приходится обыкновенно его нанимать въ баракахъ, выстроенныхъ кулаками: въ деревняхъ онъ занимаетъ со своимъ семействомъ отдѣльный домикъ; но какъ тѣ, такъ и другіе грязны и очень плохо защищаютъ отъ холодовъ. Что особенно плохо устроено въ жилищѣ рабочаго и дурно отзывается на его здоровьѣ—это стокъ нечистотъ, которыя нерѣдко порождаютъ даже болѣзни. Домашняя утварь весьма жалкая, да и ея недостаточно.

Не смотря на свою умѣренность (испанскій рабочій чрезвычайно мало ѣсть и отличается большою неприхотливостью), самый лучшій, самый трудолюбивый и въ то же время изъ ряду вонъ счастливый рабочій (т. е. такой, который имѣетъ заработокъ круглый годъ) едва можетъ сводить концы съ концами. Вычислено, что годовой заработокъ лучшихъ рабочихъ Каталоніи и Валенсіи (обѣ эти провинціи Испаніи лежатъ на востокѣ страны, у Средиземнаго моря, и считаются самыми промышленными) доходитъ приблизительно до четырехъ сотъ рублей въ годъ. Если семья рабочаго вмѣстѣ съ дѣтьми, женой и имъ самимъ состоитъ изъ 5—6 чловѣкъ, рабочему приходится расходовать изъ этой суммы въ среднемъ на квартиру—51 руб., на пищу—188 руб., на одежду—144 руб., слѣдовательно у него остается въ годъ 15—17 руб., которые ему необходимы на отопленіе, освѣщеніе, леченіе во время болѣзни, на подати, которыя съ каждымъ годомъ все увеличиваются. Понятно, что этихъ денегъ не хватаетъ на всѣ эти потребности. Нужно помнить однако, что лишь самый искусный испанскій рабочій можетъ получить такую сумму, какъ четыреста руб., а выдвигаются во всякой отрасли труда, во всякомъ положеніи лишь очень немногіе. Вотъ и выходитъ, что за самыми выдающимися рабочими, получающими четыреста руб. въ годъ, идетъ огромный классъ рабочихъ, вознагражденіе которыхъ гораздо меньше. Но даже для самыхъ искусныхъ рабочихъ прежде всего является вопросъ, могутъ-ли они имѣть заработокъ круглый годъ. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ постоянный заработокъ, но громадное большинство рабочихъ сидитъ по долгу безъ работы; къ

сожалѣнію не высчитано, въ какихъ отрасляхъ промышленности чаще всего и болѣе продолжительное время рабочіе остаются безъ заработка; извѣстно только, что число нищихъ и выселяющихся съ родины все увеличивается.

Эмиграція (выселеніе) рабочихъ классовъ, какъ земледѣльцевъ, такъ ремесленниковъ и фабричныхъ, на столько усиливается въ послѣднее время, что правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нарядило комиссію, которой и поручило изслѣдовать, почему такъ много испанцевъ покидаетъ свою родину. Члены комиссіи переспросили массу лицъ, выселившихся съ родины, провѣрили ихъ показанія на мѣстѣ и пришли къ заключенію, что испанскій народъ выселяется въ другія страны, особенно въ Америку, вслѣдствіе недостатка заработка и страшной нищеты. Эта народная нищета все растетъ, все усиливается съ каждымъ годомъ. Затруднительное положеніе государства, его плохія денежныя дѣла самымъ плачевнымъ образомъ отзываются на народномъ благосостояніи. Правительство, за неимѣніемъ средствъ, не можетъ поправлять дорогъ и уже однимъ этимъ не даетъ возможности сельскому люду возить свои маленькія домашнія сбереженія въ городъ, на рынки и базары, и тѣмъ лишаетъ его доходовъ отъ сельскаго хозяйства. Но это еще далеко не все. Не имѣя достаточно средствъ, правительство не можетъ затрачивать крупныхъ суммъ на искусственное орошеніе, и часто самыя плодороднѣйшія мѣстности высыхаютъ отъ солнца и превращаются въ пустыни. Не можетъ также правительство устраивать и плотины, гдѣ это требуется, и принимать мѣры

противъ наводненія. Тамъ, гдѣ выпадаютъ дожди, они нерѣдко продолжаются по недѣлямъ и очень часто окончиваются жестокими наводненіями, которыя уничтожаютъ пашни и дѣлаютъ негодными для хлѣбопашества громадныя пространства земли. Не мало случаевъ, когда при такихъ разливахъ были стерты съ лица земли цѣлыя деревни. Все это ухудшаетъ земледѣліе и сельское хозяйство, уменьшаетъ урожаи, а слѣдовательно лишаетъ народъ заработка и крова и усиливаетъ его бѣдность. Дурные урожаи, недостатокъ орошенія, опустошенія потоками, разбой на дорогахъ являются точно также вслѣдствіе денежныхъ затрудненій испанскаго правительства. Чтобы поправить денежные дѣла, оно облагаетъ народъ все болѣе тяжелыми налогами, но это не даетъ ему возможности выпутаться изъ своихъ безконечныхъ денежныхъ затрудненій. Съ тою же цѣлью правительство стало сильно покровительствовать лотереямъ, которыя не только еще болѣе раззоряютъ испанцевъ, но и совершенно развращаютъ ихъ, такъ какъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе нерадивыми и лѣнивыми, заставляя ихъ рассчитывать не на свой трудъ, а на выигрышъ. Положеніе правительства находится въ тѣсной зависимости отъ положенія народа: народъ испанскій бѣднѣетъ и денежные затрудненія правительства все растутъ и растутъ. Столько же раззоряетъ народъ и плохое управленіе странюю, постоянныя волненія и государственные перевороты, братоубійственныя войны, которыя такъ часто здѣсь происходятъ между людьми различныхъ партій. Ухудшаютъ положеніе испанскаго народа и возмутительныя чиновничьи злоупотребленія, недостатокъ справедливости въ судахъ, наконецъ, чрез-

мѣрная тяжесть налоговъ, — вотъ главныя причины бѣдности, а слѣдовательно и выселенія народа.

Испанскій рабочій одаренъ отъ природы большимъ умомъ, сметкою и общительностью, но онъ до сихъ поръ отличается полнымъ невѣжествомъ. Хотя по натурѣ своей онъ гордъ и независимъ, но онъ требуетъ за собою присмотра, такъ какъ имѣетъ большую склонность къ лѣни, не интересуется своею работою и послѣ нѣсколькихъ часовъ труда продолжаетъ ее уже медленно, невнимательно и вяло, покуривая и болтая съ сосѣдомъ. Жители Каталоніи и Валенсіи составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе: они работаютъ гораздо усидчивѣе сравнительно съ рабочими остальныхъ провинцій и изготовляютъ фабричныя произведенія, заслуживающія серьезнаго вниманія.

До сихъ поръ грамотность чрезвычайно слабо распространяется среди испанскаго народа: изъ ста душъ лишь 26 человѣкъ могутъ читать и писать; но умѣющихъ только читать нѣсколько больше. Во всякомъ случаѣ по распространенію грамотности Испанія занимаетъ лишь девятое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Между тѣмъ въ этой странѣ уже больше тридцати лѣтъ существуетъ законъ, по которому всѣ дѣти школьнаго возраста обязаны учиться, и притомъ ученіе здѣсь даровое. Но такъ какъ и теперь еще въ Испаніи чувствуется огромный недостатокъ въ школахъ, а прежде ихъ и совсѣмъ было мало, то законъ объ обязательномъ обученіи не достигъ своей цѣли. При этомъ замѣчено, что въ Испаніи, какъ среди низшихъ, такъ и среди высшихъ классовъ общества, не очень то сильно проявляется стремленіе къ ученію. Какъ объ-

яснить это нерадѣніе и нелюбовь къ ученію въ наше время, когда людей почти всѣхъ національностей въ европейскихъ странахъ охватываетъ такая жажда къ знанію, когда одна образованная страна передъ другою старается похвастать не тѣмъ, у кого больше войска, а тѣмъ, у кого изъ нихъ больше грамотныхъ, когда всѣ, наконецъ, поняли, что ученье свѣтъ, а неученье тьма? Какъ объяснить эту косность и невѣжество именно испанскаго народа, по натурѣ весьма одареннаго и талантливаго? Тѣже причины, которыя раззоряютъ народъ, поддерживаютъ и его невѣжество. Если мы вспомнимъ прошлое испанцевъ за одинъ только послѣдній ХІХ-ый вѣкъ, то увидимъ, что и за это время едва-ли какойнибудь другой народъ вынесъ больше государственныхъ переворотовъ, на извѣстное время совершенно измѣнявшихъ образъ правленія страны и гибельно отражавшихся почти на всѣхъ отрасляхъ труда. Едва-ли въ какойнибудь другой странѣ вспыхивало за это время болѣе возстаній и мятежей, едва-ли гдѣнибудь больше проливалось крови въ братоубійственныхъ стычкахъ,—все это истощало государственную казну. Откуда-же было взять денегъ на просвѣщеніе народа, да и когда было думать объ этомъ, когда всѣ средства государства уходили на войны, на усмиреніе волненій, на государственные перевороты? вмѣсто того, чтобы мирно работать на полѣ и фабрикѣ, вмѣсто того, чтобы учиться въ школахъ и усердно посѣщать университеты, всѣ становились подъ знамена тѣхъ или другихъ полководцевъ и проливали кровь своихъ родныхъ братьевъ. вмѣсто того, чтобы развивать въ себѣ любовь къ наукѣ, стремленіе къ чтенію, здѣсь одинъ

только вопросъ волновалъ и волнуетъ умы молодежи, какъ среди простонародья, такъ и среди высшихъ и среднихъ классовъ, — какая партія восторжествуетъ, кто будетъ сидѣть на престолѣ. И вотъ это-то положеніе вещей превратило всѣхъ испанцевъ въ страстныхъ политиковъ, которые постоянно разсуждаютъ и спорятъ о политическихъ событіяхъ своей страны, которые привыкли гораздо болѣе цѣнить полководца и солдата, чѣмъ грамотнаго и умственно развитога чело-вѣка. Таковую-же помѣху просвѣщенію народа оказывало и до сихъ поръ оказываетъ католическое духовенство. Испанія долго была страной монаховъ и монахинь. Католическое духовенство, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, имѣло въ Испаніи громадное вліяніе на государственныя дѣла. Само по себѣ невѣжественное, корыстолюбивое и порочное, оно болѣе всего заботилось о своихъ личныхъ выгодахъ и всегда враждебно относилось къ истинному просвѣщенію. Короли и очень многіе изъ высшаго католическаго духовенства покровительствовали искусству, большинство знаменитыхъ художниковъ было у нихъ въ чести, но къ истинной наукѣ и ея представителямъ, то есть къ писателямъ, ученымъ и къ людямъ умственно развитымъ, католическое духовенство всегда относилось очень враждебно: всѣхъ подобныхъ лицъ оно старалось изгонять съ родины, бросать въ тюрьмы, однимъ словомъ преслѣдовало ихъ. Хотя католическое духовенство и само открывало школы и занималось воспитаніемъ юношества, но всегда съ единственною цѣлью — развить въ немъ рабское подчиненіе католической религіи, къ его главѣ — папѣ и ко всему духовенству. Между тѣмъ, еще въ

началъ XIX столѣтія духовныхъ лицъ въ Испаніи было чрезвычайно много, а именно 250.000 человекъ. Съ 1835 г. число духовныхъ лицъ стало значительно уменьшаться, монастыри закрывались одинъ за другимъ, а въ 1869 г. множество монаховъ оставило свою родину. Не смотря однако на то, что число монаховъ и монастырей сильно уменьшилось въ Испаніи, надзоръ надъ школами до сихъ поръ почти исключительно принадлежитъ церкви, испанскія женщины вполнѣ находятся подъ властью и нравственнымъ гнетомъ католическихъ патеровъ и въ свою очередь въ этомъ направленіи вліяютъ на своихъ мужей и сыновей.

Громадное большинство учителей Испаніи и теперь изъ духовенства, и теперь они, какъ и прежде, отличаются своимъ невѣжествомъ, безчисленными суевѣріями и безнравственностью. Они не развиваютъ въ ученикахъ ни любознательности, ни любви къ ученію, и все свое вліяніе направляютъ на то, чтобы вполнѣ подчинить ихъ себѣ. Въ наиболѣе одаренныхъ ученикахъ они возбуждаютъ ненависть и презрѣніе къ себѣ, а у учениковъ съ средними способностями и у дѣвушекъ подавляютъ умственную живость и вполнѣ подчиняютъ ихъ своей волѣ. Всѣ изложенныя причины мѣшаютъ настоящему умственному развитію испанскаго народа, поддерживаютъ его безконечные предрассудки и тормозятъ развитіе школьнаго дѣла.

Чѣмъ невѣжественнѣе человекъ, тѣмъ болѣе у него всякихъ примѣтъ, повѣрій, предрассудковъ и суевѣрій. Суевѣрія каждаго народа, въ большинствѣ случаевъ, находятся въ тѣсной связи какъ съ прошлою его жизнью, такъ и съ окружающею его природою.

Годы голодовокъ, страшныхъ эпидемій, частыя землетрясенія и наводненія постоянно угнетали страну и развивали въ испанцахъ ложныя понятія о явленіяхъ природы. Въ своей религіи, какъ будетъ сказано ниже, испанцы болѣе всего проявляютъ свое суевѣріе и скорѣе являются язычниками, чѣмъ христіанами. Что-же касается суевѣрій въ домашней жизни, то ихъ такъ много, что и не перечислить: они боятся чернаго кота потому, что дьяволъ будто бы принимаетъ образъ этого животнаго. Когда сильный вѣтеръ носится по степи, подымая клубы песку и пыли, срывая крыши съ домовъ, испанецъ говоритъ, что это дьяволъ вырвался на волю и гуляетъ на просторѣ. Черные, круглые глаза могутъ сглазить ребенка; взгляда косоглазаго человѣка необходимо избѣгать, иначе онъ непременно повредитъ, — подобныхъ примѣтъ и предразсудковъ чрезвычайно много.

Не смотря на свою крайнюю бѣдность, испанецъ всегда веселъ, страстно любитъ свои пѣсни, танцы и всевозможныя зрѣлища, но особенно бой быковъ. Въ его пѣсняхъ, подъ аккомпаниментъ гитары, въ напѣвахъ то заунывныхъ и безнадежныхъ, то трогательно-печальныхъ, то разудалыхъ и веселыхъ отражается вся его жизнь, которую онъ не цѣнитъ ни въ грошъ и съ которой готовъ покончить каждую минуту.

Въ высшей степени симпатичныя испанскія пѣсни, особенно по своимъ напѣвамъ, очень разнообразны: въ нихъ прославляютъ горячій поцѣлуй красотки, красоту ея очей и стана, ея ловкую пляску, превозносятъ ее и за смѣлость, съ которой она умѣетъ постоять за себя и отомстить врагу, не задумываясь всадить ножъ въ его грудь. Очень много поется пѣсенъ про удалъ раз-

бойниковъ, контрабандистовъ и народныхъ героевъ, наконецъ про бездолие и горести жизни.

Испанецъ не только замѣчательный пѣвецъ и страстный танцоръ, онъ въ то-же время и прекрасный рассказчикъ. Онъ все передаетъ чрезвычайно живо и остроумно, увлекается самъ своимъ рассказомъ, и даже совершенно безграмотный человѣкъ умѣетъ выражать самыя тонкія чувства. Испанецъ любитъ поболтать, поострить, пошутить, посмѣяться, когда онъ сидитъ съ пріателемъ въ трактирѣ, но онъ не болтунъ и не пустословъ: когда нужно объяснить какое нибудь дѣло, онъ умѣетъ все превосходно передать въ нѣсколькихъ словахъ; иногда для выраженія мысли ему достаточно одного жеста, но этотъ жестъ на столько выразителенъ, что каждый понимаетъ, что онъ хочетъ имъ сказать. Какъ рассказчикъ, онъ обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ и во время рассказа такъ самъ увлекается, что съ него хоть картины пиши. Вотъ какъ описываетъ такого рассказчика одинъ путешественникъ: «Голось его въ извѣстныхъ мѣстахъ дѣлался громовымъ, въ другихъ—жалобно-плачущимъ. Сегодня онъ развлекаетъ слушателей сказкой: «Страданія королевы Урраки и ея вѣрнаго пажа Купидона». Дойдя до того мѣста, когда Купидонъ, уходя въ лѣсную чащу, сталъ призывать дикихъ звѣрей, предлагая имъ себя на съѣденіе, рассказчикъ вскочилъ, обѣжалъ одинъ изъ столовъ кругомъ и началъ бить себя въ грудь кулакомъ, такъ что она гудѣла, какъ барабанъ: «о, лютые волки, о, ядовитые гады,» — и дико-блуждающіе глаза его остановились на разинувшемъ ротъ погонщикѣ ословъ: «о, дьяволы всѣхъ четырехъ странъ свѣта», — и ска-

зочникъ окинулъ всю компанію негодующимъ взоромъ, «придите, рвите это тѣло», и онъ рвалъ свои лохмотья, «ѣшьте это мясо!...» Онъ зацѣпилъ было крючкостыными пальцами собственную свою кожу, подъ которой впрочемъ никакого мяса не оказалось, ибо сказочникъ былъ необыкновенно тощимъ человѣкомъ, но онъ дѣлалъ видъ, что отрываетъ свое мясо и бросаетъ его передъ собой. Плачь королевы Урраки онъ изобразилъ такимъ отчаяннымъ воплемъ, что изъ конюшни явился козелъ и всталъ, точно на всякій случай, для порядка, въ дверяхъ трактирчика. Въ заключеніе пажъ Купидонъ и королева Урраки сочетались благополучнымъ бракомъ, но прежде этого, первый побѣдилъ всевозможныхъ чудовищъ и рыцарей, а королева избѣжала всѣхъ опасностей, которыя ей устраивалъ злой и хитрый колдунъ». Каждый изъ слушателей, съ наслажденіемъ отдаетъ послѣднюю копѣйку разскащику, если только тотъ ему понравился.

Когда увидишь, какъ легко и изящно пляшетъ испанецъ, какъ онъ ловко и красиво ходитъ, когда услышишь, какъ онъ хорошо говоритъ, какія выраженія тонко развитыхъ и образованныхъ людей употребляетъ онъ, просто подумаешь, что передъ тобой образованный человѣкъ, между тѣмъ—это безграмотный крестьянинъ или простой фабричный рабочій, часто весь въ лохмотьяхъ. Но кто-бы ни былъ испанецъ, будь онъ рабочій или даже нищій, онъ прежде всего человѣкъ въ высшей степени гордый и самолюбивый. Онъ никогда никому не скажетъ грубаго слова, ни съ кѣмъ не заведетъ ссоры, но за ничтожное оскорбленіе, за неделикатный толчекъ онъ считаетъ себя оскорблен-

нымъ, вспыхиваетъ, какъ порохъ, и бросается съ навахой на оскорбителя. Испанецъ высоко ставитъ свое человѣческое достоинство: онъ не снесетъ пренебрежительнаго отношенія къ себѣ даже отъ короля; онъ дастъ себя ограбить, но оскорбить—никогда. Даже когда онъ проситъ милостыню, онъ сохраняетъ свою благородную, гордую осанку.

Испанецъ безпечень и не заботится о завтрашнемъ днѣ; отчасти это происходитъ отъ его природной лѣни, отчасти отъ вѣчной безработицы,—сколько ни старайся, ему все равно ничего не удастся скопить. Вслѣдствіе этого, если невзначай у него и заведется лишній грошъ, онъ не припрячетъ его про черный день, а бѣжитъ въ трактиръ, покупаетъ билетъ въ лотерею или отправляется смотрѣть какое нибудь представленіе. Будучи человѣкомъ проницательнымъ и наблюдательнымъ, испанецъ умѣетъ до тонкости разглядѣть своего ближняго, можетъ быстро понять его достоинства и недостатки, а скупого онъ отличить по самымъ ничтожнымъ признакамъ. Отвращеніе и презрѣніе къ скряжничеству и скупидомству лежитъ въ его натурѣ: никого онъ не осыпаетъ градомъ такихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, какъ скупца. Вотъ это-то презрѣніе къ скупости развило въ немъ противоположный недостатокъ—расточительность и невниманіе къ нуждамъ своей семьи.

Страсть къ зрѣлищамъ просто поразительна. Все, на что испанецъ смотритъ на сценѣ, онъ переживаетъ всѣми своими чувствами, всею кровью своего организма: глаза у него лихорадочно горятъ, руки трясутся,—онъ весь вниманіе и слухъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что во время представленія въ актера,

играющаго роль злодѣя, онъ бросаетъ все, что у него есть подъ рукой, — яблоко, скорлупу, обрубокъ. Не смотря на свою страстность, отвагу, гордость и самолюбіе, испанцы легко подчиняются тому, чего нельзя устранить, хладнокровно приговаривая: «чему быть, того не миновать».

Испанцы, въ различныхъ мѣстностяхъ страны, имѣютъ свои особенности, отличаются другъ отъ друга даже по внѣшнему виду, но громадное большинство имѣетъ между собой много общаго: они средняго роста, худощавы, но живы, крѣпки, мускулисты, неутомимы въ ходьбѣ. Они чрезвычайно терпѣливо выносятъ бѣдность и отличаются замѣчательною умѣренностью въ пищу и питье. Испанецъ съѣстъ горсть салата и нѣсколько рѣдисокъ съ самымъ маленькимъ кусочкомъ хлѣба и совершенно сытъ. Здѣсь ѣдятъ, пожалуй, столько же разъ, сколько и у насъ въ Россіи, но каждый разъ съѣдаютъ такъ мало, что у насъ не насытится этимъ и ребенокъ. Обжора и лакомка если и встрѣчаются, то только среди духовенства; простолудинъ, если и мечтаетъ о чемъ нибудь, то лишь о томъ, какъ бы ему улизнуть отъ дѣла и побѣжать къ товарищамъ, которые въ ту минуту пляшутъ и поютъ, а еще болѣе, какъ-бы ему пробраться на какое нибудь зрѣлище. Способность испанцевъ выносить тяжелыя лишенія, — голодъ, холодъ, утомительные переходы, — давно изумляли всѣхъ и пріобрѣли имъ славу превосходныхъ солдатъ. Всѣ, кому приходилось сражаться на ряду съ испанцемъ, охарактеризовали его такъ: «отвага у него южнаго человѣка, сила — сѣверянина, но при этомъ онъ не нуждается, какъ послѣдній, въ обильномъ питаніи».

Не смотря на свою безпечность въ обыденной жизни, испанецъ отличается стойкостью и замѣчательнымъ мужествомъ. Онъ лѣниво зарабатываетъ свой насущный хлѣбъ, но если его одушевляетъ какая нибудь идея, онъ, не задумываясь, отдаетъ за нее свою жизнь. Вотъ эти-то характерныя черты испанцевъ и давали имъ возможность вести продолжительныя войны: отвоеваніе ихъ родины у мавровъ продолжалось, почти безъ отдыха, семь вѣковъ, завоеваніе Мексики, Перу и нѣкоторыхъ другихъ странъ Америки было долгою, вѣковою борьбою; война за независимость съ войсками Наполеона представляетъ также такой примѣръ самоотверженія и патріотизма, какихъ мало въ исторіи. Во время всѣхъ этихъ войнъ, не смотря на тяжкія лишенія, не смотря на тысячу соблазновъ, между ними никогда не нашлось ни одного шпіона, ни одного предателя. Испанецъ считаетъ величайшимъ позоромъ не только продать врагу свою честь, но и разгласить довѣренную тайну. Онъ сознаетъ всѣ свои достоинства, всѣ свои преимущества передъ другими и гордо, самоувѣренно, съ чувствомъ собственного достоинства относится къ каждому даже и тогда, когда онъ только нищій. Да и что ему нищета и лишенія, когда онъ такъ мало придаетъ имъ значенія: какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ всегда веселъ и счастливъ по своему; его не страшитъ нищета, онъ умѣетъ примѣняться ко всякому положенію и живетъ, какъ живется.

Не смотря на рѣдкія качества ума и сердца, испанецъ обнаруживаетъ и крупныя недостатки: онъ чрезвычайно мстителенъ и за самую пустую личную обиду готовъ убить на мѣстѣ каждаго и мститъ всю жизнь.

Всякое свое неудовольствіе, малѣйшее оскорбленіе, чуть не каждый горячій споръ онъ рѣшаетъ ударомъ навахи (ножа). Не понравился ему тонъ сосѣда или кто-нибудь, проталкиваясь въ толпѣ, ударилъ его локтемъ, загородилъ своей особой уличное зрѣлище, всего этого достаточно для испанца, чтобы броситься на другого съ навахой. Любопытенъ моментъ, когда испанецъ наноситъ ударъ. Онъ неожиданно появляется передъ своимъ врагомъ, появляется безъ страха и колебаній, ударить и ждетъ, смѣло и прямо глядя въ глаза противнику, не двигаясь съ мѣста. Бѣжать, какъ нибудь улизнуть отъ противника считается величайшимъ позоромъ, котораго во вѣкъ не смоешь никакими добродѣтелями. Тутъ поражаетъ не только смѣлость испанца, но и его готовность умереть каждую минуту, умереть за совершенный пустякъ. Съ виду равнодушный, разсудительный, онъ вспыхиваетъ, какъ порохъ, при малѣйшей ссорѣ и жаждетъ крови. Таковы всѣ испанцы, какъ высшихъ классовъ, такъ и просто-народья. Послѣ каждаго большого праздника, когда стеченіе народа бываетъ особенно велико, происходитъ много ссоръ, слѣдовательно въ такихъ случаяхъ наваху пускаютъ въ ходъ особенно часто, и человѣкъ пятнадцать-двадцать убитыхъ и столько-же раненыхъ—обыкновенное явленіе.

О лѣни испанца и его безпечности мы говорили уже достаточно, о его страсти къ кровожаднымъ и постыднымъ зрѣлищамъ—рѣчь впереди, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о его пристрастіи къ лотереямъ и къ карточной игрѣ. По всей вѣроятности онъ бросается на то и другое вовсе не изъ желанія выигрыша

и наживы, а вслѣдствіе привычки къ лихорадочной жизни; монотонная, однообразная жизнь труженика не въ натурѣ испанца: ему нужны постоянное движеніе и сильныя ощущенія. Лотерея и карточная игра держатъ его въ напряженномъ, нервномъ состояніи, заставляютъ переживать самыя разнообразныя чувства: надежда смѣняется отчаяніемъ, горе — радостью, — и вотъ этимъ-то прежде всего слѣдуетъ объяснять его пристрастіе къ тому и другому. Если лотерея раззоряетъ испанскій народъ, то карточная игра и раззоряетъ его, и отвлекаетъ отъ дѣла. Въ какой бы части Испаніи вы ни находились (кромѣ Каталоніи, гдѣ картежная игра развита несравненно меньше), въ какой-бы укромный уголокъ вы ни заглянули, — всюду идетъ отчаянный картежь. Войдите въ конюшню, — и тамъ навѣрно въ уголку, бросивъ на землю грязный мѣшокъ и усѣвшись вокругъ него, играютъ въ карты п огонщики. Отрывочныя слова, которыми они перебра-сываются, заглушаются пронзительнымъ крикомъ ословъ, ржаніемъ лошадей, — но игрокамъ все это ни почемъ, и они продолжаютъ свое дѣло. То-же самое вы видите въ любомъ трактирѣ, гдѣ часто можете встрѣтить не только отчаянно дующихъ въ карты рабочихъ, бродягъ, уличныхъ нищихъ, но среди нихъ монаховъ, патеровъ и студентовъ.

Бѣднѣйшая часть населенія.

Нищіе. — Разбойники. — Контрабандисты. — Шарраны. — Бреттеры. — Смертная казнь. — Цыгане. — Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни.

Вслѣдствіе бѣдности народа въ Испаніи множество нищихъ. Нѣтъ страны, гдѣ нищіе выказывали бы большую безцеремонность. Полный чувства собственного достоинства и гордости, испанскій нищій важно расхаживаетъ по всѣмъ дорогамъ. Завернувшись въ свое рубище, онъ исполняетъ свое ремесло, не унижаясь и нисколько не конфузясь. Во многихъ семействахъ ремесло нищаго переходитъ по наслѣдству: юноши строго соблюдаютъ наставленія людей, искусившихся въ этомъ дѣлѣ, и пользуются ихъ опытомъ. Ихъ время строго рассчитано; каждый долженъ твердо знать, когда и въ какомъ мѣстѣ выгодно находиться, какой день, какой часъ самый благопріятный, съ какимъ словомъ, съ какимъ выраженіемъ лица нужно обратиться къ проходящему, смотря по его состоянію, полу и возрасту. Нищіе очень искусно даютъ тотъ или другой оттѣнокъ своей просьбѣ; то они молчатъ, какъ убитые, то кричатъ во все горло, если того требуютъ обстоятельства. Очень многіе изъ нихъ слѣпые: это объясняютъ жгучими лучами испанскаго солнца и пылью равнинъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ нищіе имѣютъ на своей шапкѣ значекъ, показывающій, что имъ разрѣшено просить милостыню. Они обыкновенно поютъ духовные стихи въ честь святыхъ подъ аккомпаниментъ мандолины или гитары, прерывая пѣніе просьбами о

милостынѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дилижансѣ, останавливающейся для перемѣны лошадей, осаждаютъ толпы нищихъ. Тогда глазамъ путешественника представляется картина всевозможныхъ человѣческихъ страданій: тутъ женщина, совершенно истощенная нуждою, кормитъ своею тощею грудью чуть живого младенца; другая, едва одѣтая, бѣжитъ босикомъ по острымъ камнямъ и тащитъ за собою дѣтей голыхъ или еле прикрытыхъ лохмотьями, изъ подъ которыхъ видно бронзовое тѣло несчастныхъ малютокъ; слѣпые идутъ рядомъ съ хромыми, едва ковыляющими на своихъ костыляхъ, а тамъ везутъ маленькаго уродца, покрытаго язвами. Толпы нищихъ преслѣдуютъ васъ здѣсь всюду: въ городахъ, на станціяхъ, по дорогамъ, при входѣ въ музей и храмъ.

Еще недавно средствомъ пропитанія для народа служило также разбойничество. Каждая дорога находилась во владѣніи извѣстной шайки, которая смотрѣла на нее, какъ на свою собственность. Содержатели дилижансовъ входили въ стачку съ бандитами (разбойниками), которые совершенно свободно нападали на проѣзжающихъ. При этомъ служащіе при дилижансѣ искусно разыгрывали роль перетрусившихъ, а разбойники совершенно покойно подходили къ экипажу и требовали денегъ у проѣзжающихъ. Но и въ настоящую минуту разбойничество далеко не совсѣмъ исчезло въ Испаніи, но все-таки оно теперь нѣсколько уменьшилось. Но чѣмъ бы ни занимался испанецъ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ, онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни необыкновенно вѣжливъ; даже когда на большой дорогѣ онъ рѣшается ограбить

путешественника, онъ снимаетъ передъ нимъ шляпу и подходитъ къ нему съ словами: «Почтительнѣйше прошу вашу милость отдать мнѣ вашъ кошелекъ».

Другой незаконный промыселъ—контрабанда. Впрочемъ очень часто контрабандистъ становится простымъ разбойникомъ и наоборотъ. Контрабандою болѣе всего занимаются жители горъ на югъ отъ Гвадалквивира. По крутымъ горамъ, изборожденнымъ почти непроходимыми тропинками, пробираются контрабандисты съ товарами, обложенными высокою пошлиною. Но какъ пронести все это на испанскую почву? Это уже дѣло особаго маклера: его занятія состоятъ въ томъ, что онъ подкупаетъ таможенныхъ надсмотрщиковъ, и тѣ сквозь пальцы смотрятъ на тайный провозъ. Иной разъ эти маклера ведутъ большія дѣла и такимъ образомъ выгружаютъ при посредствѣ контрабандистовъ цѣлые корабли. Контрабандисты обыкновенно путешествуютъ не по одиночкѣ, а по нѣскольку человекъ вмѣстѣ и при этомъ ночью останавливаются въ уединенныхъ трактирахъ. Они знаютъ самые трудные проходы въ горахъ и съ необыкновенною ловкостью карабкаются по высотамъ съ мѣшкомъ за спиной и съ карабиномъ черезъ плечо, хватаясь руками за выступы скалъ. Они часто въ наилучшихъ отношеніяхъ съ властями въ тѣхъ городахъ, по которымъ проходятъ, а потому-то они никогда не забудутъ подарить ящикъ сигаръ лицу, завѣдующему таможенными дѣлами, табаку—его помощникамъ и фуляру на платье женамъ нужныхъ для нихъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ они безъ всякихъ приключеній совершаютъ свое путешествіе, но иной разъ наткнутся на карабинеровъ (правительствен-

ная войска), и тогда завязывается сраженіе. Перетащивъ товары, контрабандистъ сдаетъ ихъ своимъ агентамъ, которые дѣлать съ нимъ выгоду. Когда онъ не въ дорогѣ, онъ расточительно тратитъ деньги, пріобрѣтенныя съ опасностью жизни, проводитъ время въ кабакѣ, играетъ тамъ въ карты, рассказываетъ о своихъ подвигахъ и пьетъ вино. Этого рода люди очень рѣдко пріобрѣтаютъ состояніе и обыкновенно кончаютъ свои подвиги тюрьмою.

Остановимся еще на двухъ народныхъ типахъ. Прогуливаясь по набережной южныхъ испанскихъ городовъ, часто можно видѣть кучку людей, сидящихъ въ тѣни барки, вытасченной на берегъ, и играющихъ въ карты: это *шарраны*. Люди эти имѣютъ повидимому определенное ремесло: продаютъ по улицамъ сардинки или предлагаютъ свои услуги хозяйкамъ отнести покупки на домъ; но на самомъ дѣлѣ они ничего не дѣлаютъ. Шаррану нечего учиться ловкости и находчивости у самыхъ искусныхъ мошенниковъ Лондона. Вотъ одинъ изъ тысячи случаевъ, который обрисуетъ подобныхъ людей лучше всего. Однажды компанія шаррановъ провѣдала, что у погонщика муловъ, пришедшаго издалека, были кое-какія деньги. Они узнали это слѣдующимъ образомъ: погонщикъ муловъ встрѣтилъ знакомаго крестьянина, который убѣждалъ его пойти съ нимъ въ церковь; недовѣрчивый погонщикъ отвѣчалъ, что у него есть съ собою золотой и что онъ боится мошенниковъ. «Такъ положи его въ ротъ, — тогда ты будешь совершенно безопасенъ», сказалъ ему пріятель. При этомъ разговорѣ шарраны сидѣли неподалеку и все слышали. Погонщикъ послушался пріятеля и отправился съ нимъ

въ церковь. Шарраны, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣдовали за ними. Двое изъ нихъ положили въ свои платки по нѣскольку мелкихъ монетъ и стали собирать подаяніе на молебень въ честь Богородицы. Они подошли и къ погонщику, стали около него на колѣни и забормотали молитвы, не выпуская его изъ виду. По окончаніи обѣдни одинъ изъ нихъ нарочно уронилъ изъ платка монету, и онѣ покатались по полу.—«Господа», закричалъ тогда одинъ изъ нихъ, «не трогайтесь съ мѣста: эти деньги принадлежатъ Богородицѣ». — «Но гдѣ же золотой?» вдругъ, какъ бы въ ужасѣ, вскричалъ одинъ изъ нихъ. Всѣ наклонились его искать. Вдругъ одинъ изъ толпы (это былъ ихъ третій товарищъ) закричалъ, показывая пальцемъ на бѣднаго погонщика: «Смотрите-ка, вотъ этотъ плутъ поднялъ золотую монету и спряталъ ее въ ротъ». Тотъ смущенный вынулъ монету изо рта, а мошенники, съ искусно разыграннымъ негодованіемъ, вырвали ее у него и бросили въ платокъ своего товарища. Раздраженная толпа осыпала бранью мнимаго вора, и когда, наконецъ, несчастный могъ открыть ротъ, чтобы оправдаться, шарраны уже исчезли. Набережная и площади — мѣста ихъ подвиговъ; тамъ они берутъ свою дань со всѣхъ выгружаемыхъ товаровъ; то треска исчезла подъ ихъ рубашкой, то огромная луковица, дыня; они также очень ловко вонзаютъ свою наваху (ножь) въ тюкъ и незамѣтно умѣютъ подбирать высыпавшіяся оттуда рись. Они очень любятъ играть въ карты и въ орлянку. Эти игры шаррановъ обыкновенно оканчиваются общою свалкой, въ которой они нерѣдко угощаютъ другъ друга навахю.

Другой, еще болѣе любопытный типъ, — *баратеро*, или *бреттеръ*, *забіяка*. Это человѣкъ прежде всего необыкновенно ловко владѣющій навахю, смѣльчакъ и первѣйшій нахаль. Уже было сказано, что испанцы большіе картежники; спеціально для этой цѣли существуетъ множество кабачковъ, въ которыхъ они собираются играть въ карты. Но они играютъ не только въ кабачкахъ: на морскомъ берегу, въ тѣни барки, подъ деревьями аллеи, у старой стѣны въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только можетъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Во время игры они представляютъ живописную группу: одни изъ нихъ сидятъ, другіе лежатъ на животѣ передъ колодою грязныхъ картъ. Ихъ подвижныя фізіономіи оживлены въ это время болѣе, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ ихъ волнуютъ самыя противоположныя чувства: радость, надежда, отчаяніе, вспышка злобы на товарища, наконецъ страхъ передъ полицейскимъ. Вдругъ, неизвѣстно откуда, выростаетъ передъ ними человѣкъ съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ, это — *баратеро*. Онъ безцеремонно бросаетъ среди играющихъ колоду картъ со словами: «Здѣсь играютъ только моими картами!» Ясно, что игроки должны ему платить за каждую ставку. Если никто ему не противорѣчитъ и начинаютъ играть его картами, онъ спокойно садится тутъ же и ждетъ окончанія игры, чтобъ получить мелкую монету за свою колоду. Но далеко не всегда такъ мирно кончается. Иногда находится храбрецъ, который смѣло говоритъ ему: «видишь, есть своя колода», и спокойно подаетъ ему брошенные карты. Такого смѣльчака *баратеро* хватаетъ за воротъ; затѣмъ оба вытаскиваютъ

свои навахи, и черезъ мгновеніе видишь и блескъ сверкающей стали, и блескъ сверкающихъ глазъ. Не проходитъ и двухъ минутъ, какъ одинъ изъ нихъ падаетъ окровавленный.

Такіе баратеро встрѣчаются во всѣхъ слояхъ низшаго общества: на фабрикѣ, въ войскѣ, въ тюрьмѣ. Войсковой баратеро—тиранъ своей роты: каждый солдатъ боится его и старается все для него сдѣлать, лишь бы избавиться отъ ссоры, которую онъ заводитъ со всякимъ, кто ему не уступаетъ. Поэтому каждый, хотя и съ проклятіями, отдаетъ баратеро все, на что у того разгораются глаза; всѣ, куда онъ затешется, дѣлаютъ ему всевозможныя уступки. Его часто избавляютъ отъ работъ, дарятъ ему сигары, деньги. И баратеро вездѣ чувствуетъ себя господиномъ: онъ пьетъ вино, не выпускаетъ изо-рта сигары, и все это онъ добываетъ не трудомъ, а умѣньемъ наводить на другихъ страхъ и своимъ непоколебимымъ нахальствомъ.

Понятно, какъ кончаетъ баратеро свою жизнь. Разъ онъ попался въ руки правосудія за какое нибудь убійство, черезъ нѣкоторое время среди площади уже воздвигнутъ эшафотъ, гдѣ назначена казнь преступника.

Въ Испаніи смертная казнь совершается удушеніемъ. Осужденнаго взводятъ на высокій эшафотъ и сажаютъ на табуретъ, прислоненный къ высокому столбу, на которомъ прикрѣплена, такъ называемая, «гарротта», то есть желѣзный ошейникъ, окружность котораго меньше человѣческой шеи. Къ эшафоту ведутъ нѣсколько ступенекъ. Прежде, чѣмъ привести преступника, вокругъ ступенекъ эшафота становятся члены братства, обязанность которыхъ хоронить казненныхъ: они въ бѣ-

лыхъ мантияхъ, съ хоругвями и большимъ распятиемъ въ рукахъ. За ними нѣсколько взводовъ солдатъ. Кругомъ—громадная, разношерстная толпа. Испанцы такъ привыкли ко всевозможнымъ постыднымъ зрѣлищамъ, что съ удовольствіемъ бѣгутъ смотрѣть и на казнь людей. Но вотъ позорная колесница остановилась у мѣста казни: съ нея сходитъ преступникъ, одѣтый въ черное, съ широкой, бѣлой пелеринкой; его поддерживаютъ двое патеровъ и вмѣстѣ съ нимъ всходятъ на эшафотъ. Палачъ сажаетъ преступника на табуретъ, даетъ ему въ руки сверкающее на солнцѣ распятіе и связываетъ его ремнями. Когда все это готово, палачъ закрываетъ лицо преступника пелеринкой и застегиваетъ ошейникъ, то есть гарротту. Быстрымъ движеніемъ рычага, который въ видѣ ручки прикрѣпленъ къ гарроттѣ, палачъ сдавлиываетъ шею, и позорная казнь окончена.

Къ бѣднѣйшей части населенія можно отнести также и цыганъ, которыхъ чрезвычайно много въ этой странѣ. Въ то время, когда въ Испаніи такъ жестоко преслѣдовали, жгли на кострахъ и изгоняли мавровъ, евреевъ и еретиковъ, цыгане никогда не опасались за свою жизнь. Какъ только они поняли, что отъ жителей Пиренейскаго полуострова требуется, чтобы всѣ они были католиками, цыгане немедленно крестились и приняли католическую религію, но на самомъ дѣлѣ они всегда были и остаются настоящими язычниками.

Гдѣ бы ни поселились цыгане, они всегда живутъ особнякомъ среди остального населенія, вступаютъ въ бракъ только другъ съ другомъ и говорятъ особымъ языкомъ. Они стройны, гибки и нѣкоторые изъ нихъ

отличаются замѣчательною красотою: огромные, черные, живые глаза, черные, какъ смоль, волосы и зубы бѣлые, какъ слоновою кость. Цыгане, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «хитаны», на все имѣютъ свои особые взгляды, относительно всего у нихъ свои особые понятія. Они вѣрятъ въ добрую и злую силу, имѣютъ множество таинственныхъ обычаевъ и обрядовъ, къ которымъ обращаются въ несчастіи и при всякихъ житейскихъ случайностяхъ. Обокрасть христіанина «хитанъ» считаетъ за величайшую заслугу, воровство у своего брата — преступленіе. Удивительно, какъ цыгане повсюду вѣрны своей природѣ, и какъ могучъ этотъ типъ, если онъ на такихъ противоположныхъ концахъ Европы, какъ Россія и Испанія, сохранилъ сходство въ характерѣ, даже одинаковую склонность къ извѣстнаго рода занятіямъ. Хитаны въ Испаніи, какъ и во всемъ мірѣ, барышничаютъ лошадьми, лѣчатъ ихъ, для чего они часто напередъ потихоньку опаиваютъ ихъ, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, поютъ, гадаютъ, пляшутъ и стригутъ животныхъ. Каждая лошадь, мулъ, оселъ во всей Испаніи ежегодно стригутся цыганами. Какъ ни отличаются они отъ испанцевъ своими нравами и обычаями, все же они многое переняли отъ нихъ: такъ же, какъ и испанцы, они дерутся навахами, а часто и огромными ножницами, которыми стригутъ животныхъ.

Не смотря на дикіе обычаи и горячую южную кровь, хитаны вступаютъ въ бракъ весьма не скоро послѣ обрученія. Обыкновенно молодые люди остаются женихомъ и невѣстою въ продолженіи двухъ лѣтъ; свадьбу празднуютъ очень шумно: нѣсколько дней сряду поютъ,

танцуютъ и въ это время истрачиваютъ все, что имѣютъ.

Когда ктонибудь изъ нихъ умретъ, тѣло покойника кладутъ на землю на соломенномъ тюфякѣ; женщины бросаются ницъ и рвутъ руками свои густые волосы, мужчины же топятъ печаль въ винѣ.

Въ городахъ Испаніи цыгане живутъ или въ особыхъ предмѣстьяхъ и кварталахъ, или близъ города, у холмовъ и у горныхъ отроговъ. Болѣе всего они любятъ ютиться у какойнибудь горы, у склона которой въ такихъ случаяхъ продѣлано множество норъ и пещеръ. Внутренность этихъ ямъ ужасна. Цѣлое семейство, человѣкъ въ восемь, а часто и болѣе, живетъ всю жизнь въ темномъ подземельѣ шириною шаговъ въ десять, вышиною въ сажень; черезъ дыру, сдѣланную въ сводѣ, проходитъ дымъ, когда готовятъ кушанье; одно и тоже отверстіе служитъ имъ дверью и окномъ. Какаянибудь скамья въ одномъ углу и столъ — вотъ и все убранство жилища; иногда есть нары, но это уже считается роскошью, такъ какъ по большей части все семейство спитъ въ повалку на всякомъ отрепѣ и сорѣ, собираемомъ въ городѣ. Одежды на стѣнахъ не видно: они носятъ одно и то же платье, не перемѣняя его, пока оно совсѣмъ не свалится съ плечъ. Дѣти, совершенно голыя, черныя, валяются здѣсь и тамъ посреди домашнихъ птицъ и грязныхъ животныхъ. У дверей этихъ подземныхъ жилищъ вы видите обыкновенно слѣдующія сцены: молодая красавица-цыганка, съ длинными рѣсницами и черными вьющимися волосами, съ тяжелыми серьгами въ ушахъ, стоитъ позади старухи и ищетъ

у нея въ головѣ паразитовъ; на рукахъ у старухи спить ребенокъ, а другой, почти голый, валяется около большихъ бубенъ у ногъ своей бабушки. Тутъ же его отецъ, съ суровымъ, бронзовымъ лицомъ, посматриваетъ безучастно на эту, привычную для него, сцену. У другой такой норы сидитъ молодая цыганка, а ея мать расчесываетъ ея длинные волосы, черные, съ синимъ отливомъ, цвѣта вороньяго крыла; кошка и со- рока дружелюбно сидятъ на подоконникѣ, а большая собака, съ поднятыми ушами, посматриваетъ на нихъ.

Если иностранецъ остановится въ гостинницѣ, его обыкновенно спрашиваютъ, когда ему будетъ угодно посмотреть пляску хитанъ. Въ Испаніи, гдѣ всѣ отличаются необыкновенною ловкостью въ танцахъ, нуженъ выдающійся талантъ, чтобы обратить на себя вниманіе этимъ искусствомъ, тѣмъ не менѣе цыгане пріобрѣли громкую извѣстность своими танцами. Когда иностранцы выражаютъ желаніе посмотреть на танцы цыганъ, появляется смуглый малый, котораго почему-то называютъ капитаномъ. Онъ нанимаетъ на вечеръ помещеніе и проситъ дозволенія у полиціи привести нѣсколько дѣвушекъ въ городъ изъ загородныхъ пещеръ. Вечеромъ проводникъ ведетъ иностранца въ маленькій домикъ въ какомъ нибудь захолустѣ, и тамъ, въ небольшой комнатѣ, онъ находитъ цѣлое общество: пять, шесть молодыхъ цыганокъ отъ 14 до 17 лѣтъ, нѣсколько юношей и самъ капитанъ, распоряжающійся всѣмъ. Дѣвушки поочередно пляшутъ національные испанскіе танцы, юноши приплясываютъ, ударяя въ бубны, капитанъ, сидя, брянчитъ на гитарѣ. Но танцы, устраиваемые для иностранцевъ, не вполне отличаются

тою оригинальной дикостью, которая сказывается въ танцахъ цыганъ, когда они танцуютъ для себя. Музыканты наигрываютъ и въ то же время что-то напѣваютъ сначала довольно медленно. Старуха вооружается большими бубнами, и онѣ начинаютъ звенѣть подѣ ея пальцами. Молодая, статная дѣвушка танцуетъ съ замѣчательною легкостью и граціею. Ея босыя ноги легко касаются земли, усыпанной кремнями, какъ будто бы она танцевала по ковру. Танцовщица двигается все быстрѣе, и вотъ ея длинные черныя волосы расплетаются и падаютъ на плечи. Молодой хитанъ подбѣгаетъ къ ней, двѣ другія пары дѣлаютъ тоже и начинаютъ танцевать всѣ вмѣстѣ, сходясь и расходясь. Онѣ останавливаются только тогда, когда утомленные музыканты перестаютъ играть и пѣть. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ присутствующіе, цыгане они или испанцы, старые или молодые, однимъ словомъ всѣ, кто только смотритъ на танцы или даже слышитъ отдаленные звуки музыки, — пускаются въ плясъ.

Высшее и среднее сословія.

Семейная жизнь.— Мужчины и женщины.— Ихъ жизнь и привычки.— Время отдыха.— Домашнія вечеринки.— Бесѣды у балкона въ 'лунную ночь и пристрастіе къ нимъ испанцевъ.— Аристократы и чиновники: ихъ положеніе и отношеніе къ дѣлу.— Студенты.

Люди высшихъ классовъ, т. е. аристократы и средній кругъ, за очень небольшими исключеніями, совсѣмъ необразованы и неразвиты. Профессора, доктора, учителя, писатели, вообще всѣ, окончившіе высшее обра-

зование, поражаютъ иностранцевъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Они, наивно и не конфузясь, просятъ объяснить такія вещи, которыя въ Германіи извѣстны каждому школьнику. Громадное большинство испанскихъ докторовъ — люди незнающіе своего дѣла: они не слѣдятъ за успѣхами медицинскихъ знаній и примѣняютъ къ больнымъ такіе способы леченія, какими въ европейскихъ странахъ пользовали болѣе полустолѣтія тому назадъ. Кромѣ знанія своего родного языка, у испанцевъ, окончившихъ высшее образование, нѣтъ ни малѣйшаго желанія изучить какой нибудь другой языкъ. На человѣка, знающаго нѣсколько иностранныхъ языковъ, всѣ остальные смотрятъ здѣсь, какъ на чудо.

Чѣмъ бы ни занимались люди высшаго и средняго круга, они не вносятъ въ дѣло ни особенной добросовѣстности, ни знанія, ни усидчивости. Чиновники, конторщики, профессора, учителя работаютъ не потому, что считаютъ свою дѣятельность полезной, а себя способными именно на этомъ поприщѣ принести наибольшую пользу, а только потому, что безъ работы или службы они не могутъ существовать. Чуть появились деньжонки, они бросаютъ работу съ наслажденіемъ, и никогда человѣкъ обеспеченный не возьметъ здѣсь ни за какое дѣло, — исключенія въ этомъ отношеніи очень рѣдки. Каждый испанецъ прокликаетъ работу и дѣлаетъ все, чтобы улизнуть отъ нея или какъ нибудь поскорѣе ее кончить, ни мало не стыдясь того, что спѣшка губельно отражается на дѣлѣ, что отъ этого страдаютъ другіе. Испанцы относятся съ любовью только къ военной службѣ, мирнаго же и безко-

рытнаго труда они не понимаютъ. Люди высшихъ классовъ просто и безъ тѣни заносчивости обращаются съ простонародьемъ: на улицѣ и въ трактирѣ всѣ разговариваютъ между собой, спорятъ, какъ равный съ равнымъ. Но далѣе случайныхъ встрѣчъ сближеніе не идетъ. Даже современная молодежь высшихъ и среднихъ классовъ не мечтаетъ здѣсь о распространеніи просвѣщенія среди людей обездоленныхъ, объ изученіи ихъ нуждъ, что такъ часто встрѣчается среди англичанъ. Люди высшихъ классовъ Испаніи не отличаются и любовью къ чтенію; только политика занимаетъ ихъ, но политика исключительно мѣстнаго характера: они спорятъ о томъ, какая партія восторжествуетъ въ Испаніи, кто будетъ у нихъ министромъ, кто займетъ тотъ или другой постъ въ государствѣ политическія же событія въ другихъ государствахъ, ихъ ни мало не интересуютъ. Выбѣжать нѣсколько разъ на улицу и нѣсколько часовъ потолкаться въ толпѣ, ежедневно раскланиваться на прогулкѣ со всѣми знакомыми и переброситься съ ними нѣсколькими новостями, посѣщать каждый вечеръ театръ, какое нибудь представленіе или зрѣлище, поглазѣть на уличную процессію, хотя разъ въ день посидѣть съ пріятелемъ въ кофейнѣ, — вотъ ежедневное времяпрепровожденіе каждаго испанца, если только обстоятельства не вынуждаютъ его зарабатывать свой хлѣбъ. Прихотливый столъ, роскошное жилище, богатая и удобная обстановка ни мало не соблазняютъ испанца. Вѣчно пріобрѣтать знанія и вѣчно богатѣть — этотъ идеаль англичанина всегда былъ чуждъ сердцу испанца.

Испанскія женщины средняго и высшаго круга еще

болѣе мужчинъ невѣжественны и умственно неразвиты. По своему воспитанію и образованію онѣ стоятъ несравненно ниже англійскихъ, русскихъ и французскихъ женщинъ. У испанокъ, окончившихъ курсъ средняго образованія, лишь за самыми рѣдкими исключеніями, сказывается стремленіе продолжать научныя занятія или изучать какую нибудь профессію, которая въ послѣдствіи могла-бы приносить пользу обществу и дала-бы возможность самостоятельно заработать свой кусокъ хлѣба. И это понятно: всѣ школы въ Испаніи устроены очень плохо, и въ нихъ не даютъ необходимыхъ объясненій, а, какъ у насъ въ старину, просто заставляютъ зазубривать по чрезвычайно плохимъ учебникамъ; женскія-же учебныя заведенія устроены еще хуже. Испанскія дѣвочки учатся въ монастырскихъ школахъ, подъ строгимъ надзоромъ католическаго духовенства. Ихъ выучиваютъ священной исторіи, катехизису, читать, писать, кое-какъ считать, играть на разныхъ инструментахъ, къ чему онѣ обнаруживаютъ большія способности, и больше рѣшительно ничему. Главная цѣль этихъ монастырскихъ школъ не образованіе дѣвушекъ, а лишь непремѣнное желаніе приготовить изъ каждой испанки «хорошую католичку», то есть, точнѣе сказать, такъ вымуштровать ее, чтобы она во всемъ и всегда рабски слушалась и безпрекословно подчинялась своему начальству—католическому духовенству, а въ будущемъ—своему духовнику, то есть католическому патеру, чтобы она считала своею священною обязанностью—аккуратное посѣщеніе церкви, присутствіе на церковныхъ процессіяхъ, однимъ словомъ, чтобы она выполняла всѣ внѣшніе обряды католической

религіи. И дѣйствительно, этого результата блистательно достигаютъ. Оставивъ школу, почти безъ всякаго умственнаго багажа, не получивъ даже ни малѣйшей привычки къ умственному труду, испанка вступаетъ въ жизнь. Общество, къ которому она принадлежитъ, то есть люди высшаго и средняго круга, и не требуютъ отъ нея никакого умственнаго развитія, никакихъ знаній, напротивъ даже поставятъ ей всевозможныя препятствія, если-бы она задумала серьезно учиться. Всему тому, что испанскому обществу нравится въ женщинѣ, она очень скоро сама научается, то есть умѣнью управлять вѣромъ, умѣнью ловко танцовать, самому разнообразному кокетству, однимъ словомъ наукѣ нравится мужчинамъ. Будучи отъ природы существомъ въ высшей степени подвижнымъ, впечатлительнымъ, остроумнымъ и сообразительнымъ, испанка не только быстро пріобрѣтаетъ умѣнье нравиться, но въ концѣ концовъ выучивается такъ мило и очаровательно болтать, что даже ученыхъ иностранцевъ сбиваетъ съ толку, и тѣ только послѣ продолжительнаго знакомства догадываются, что передъ ними хотя безконечно милое, симпатичное и красивое существо, но совершенно невѣжественное и пустое.

Испанка выходитъ замужъ очень молодою. Въ мужѣ она прежде всего цѣнитъ богатство, а затѣмъ умѣнье держать себя такъ, чтобы не быть смѣшнымъ въ глазахъ другихъ. Того, кто бѣденъ, она можетъ полюбить, будетъ выходить къ нему вечеромъ на балконъ, слушать его пѣніе и болтать съ нимъ, но мечтать о томъ, чтобы выйти замужъ за бѣдняка—никогда; на это она отважится лишь тогда, когда у нея нѣтъ въ виду болѣе

выгодной партіи; человѣка же смѣшного въ глазахъ другихъ, испанская красавица и не полюбитъ, и не выйдетъ за него замужъ. Подругой мужа, его помощницей и совѣтницей испанка никогда не можетъ быть: если мужъ ея человѣкъ образованный, что возможно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, она совсѣмъ не понимаетъ его интересовъ, не можетъ дать ему никакого умнаго совѣта; если онъ дѣлецъ, то онъ на работѣ съ утра до вечера, а если пустой человѣкъ, то вѣчно ищетъ развлеченій внѣ дома. Какъ бы то ни было, жена проводитъ дома весь день одна, или только въ обществѣ патера, своего духовника. Испанская женщина можетъ приглашать къ себѣ кого угодно, но принимать гостей она имѣетъ право только въ присутствіи мужа, брата или отца. Здѣсь считается верхомъ неприличія и скандала, если у нея сидятъ гости въ отсутствіи главы семейства. Только для патера дѣлается исключеніе, и онъ можетъ оставаться у нея по цѣлымъ днямъ даже и тогда, когда она одна. Правила приличія для женщинъ средняго и высшаго круга очень много, и всѣ женщины обязаны строго имъ слѣдовать; та изъ нихъ, которая посмѣетъ пренебрегать ими, не только не будетъ принята въ порядочномъ обществѣ, но ей не отдадутъ поклона и на улицѣ. Ни одинъ мужъ не дозволитъ своей женѣ, а братъ и отецъ сестрѣ и дочери, ѣхать въ другой городъ безъ провожатаго; существуетъ и множество другихъ правилъ, стѣсняющихъ самостоятельность женщины.

Когда мужъ отправляется на службу, испанка сидитъ одна и рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Приличіе заставляеть женщинъ высшаго и средняго круга дер-

жать для хозяйства какую нибудь старуху. Такимъ образомъ онѣ лишены и этого маленькаго занятія. Тамъ, гдѣ есть дѣти, обыкновенно та-же старуха-экономка занимается и ими; много-много если мать сама выучить своего ребенка читать, — все остальное относительно дѣтей предоставляютъ школы. Всѣ домашнія занятія женщины состоятъ въ томъ, что она весь день копается въ своихъ красивыхъ тряпкахъ и обдумываетъ, какое платье ей одѣть на прогулку, когда она выйдетъ гулять, какое вечеромъ, когда она отправится въ гости, въ театръ или на какое-нибудь другое зрѣлище. Впрочемъ, при недостаткѣ средствъ у людей средняго круга, обдумать все это — дѣло нелегкое, такъ какъ въ Испаніи женщины вообще одѣваются въ высшей степени богато и изящно. Очень многія семейства средняго круга обѣдаютъ далеко не каждый день, ихъ дѣти зачастую страдаютъ отъ недостатка питательной пищи и хорошей квартиры, но туалеты всѣхъ членовъ семьи, особенно матери и старшихъ ея дочерей должны быть великолѣпны. Испанки появляются на улицѣ и въ театрахъ въ такихъ богатыхъ нарядахъ, а часто и въ такихъ блестящихъ экипажахъ, что иностранцу никогда и въ голову не придетъ, что эти самые люди выносятъ дома всевозможныя лишенія и тратятъ всѣ средства на наряды и выѣзды. Многіе дворяне входятъ въ неоплатныя долги, лишь-бы разодѣть жену и дочерей въ брилліанты, шелкъ, бархатъ и дорогія кружева. Не нужно однако думать, что въ этой странѣ любятъ наряжаться лишь однѣ женщины, — испанцы тоже первые франты въ мірѣ, но ихъ нарядъ, конечно, дешевле женскаго; за то у нихъ все—

обувь, шляпа, галстухъ, всегда по послѣдней модѣ, кромѣ плаща (капы), которымъ они только и отличаются отъ парижанъ. Дѣтей тоже наряжаютъ, когда ихъ выводятъ на улицу; вообще страсть къ нарядамъ—самая выдающаяся черта характера испанцевъ средняго и высшаго классовъ общества.

Какое-же воспитаніе до школы получаютъ испанскія дѣти? Видя, какое значеніе всѣ кругомъ придаютъ нарядамъ и зрѣлищамъ, и дѣти, въ свою очередь, очень рано начинаютъ интересоваться ими. Да и что другое могутъ они заимствовать отъ матери, которая въ сущности ничто иное, какъ прелестная кукла? Патеръ, который такъ часто посѣщаетъ ихъ домъ, не отличается ни своимъ образованіемъ, ни даже своею добротою и нравственностью. Его отношенія къ дѣтямъ ограничиваются обыкновенно лишь сухими наставленіями. Дѣти вообще не любятъ наставленій, а испанскія въ особенности: предоставленные себѣ, они очень рано начинаютъ понимать жизнь, подмѣчать грѣшки домашняго духовника и относиться къ нему съ нескрываемой насмѣшкой и презрѣніемъ, и такое отношеніе очень часто остается у нихъ навсегда. Испанскія женщины несравненно болѣе мужчинъ преданы католической религіи и своему духовенству; ихъ мужья и отцы равнодушнѣе къ религіи и не прочь поострить, а то и злобно посмѣяться надъ патерами.

Конечно, и среди испанокъ есть нѣсколько женщинъ высоко образованныхъ, которыя получили громкую извѣстность даже за предѣлами родины, какъ на примѣръ знаменитая современная писательница Пардо-Базанъ,—но такія женщины составляютъ весьма и весьма рѣд-

кое исключеніе въ Испаніи, — всѣ остальные поражаютъ своимъ невѣжествомъ, пустотой, но въ то-же время красотой и изяществомъ. Кстати замѣтимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Испаніи устроили высшіе курсы для женщинъ, и испанская королева взяла ихъ подъ свое покровительство. Но студентокъ на этихъ курсахъ еще очень не много: съ одной стороны въ Испаніи еще очень мало женщинъ, стремящихся къ высшему образованію, съ другой — испанское общество относится весьма несочувственно и недружелюбно къ своимъ курсисткамъ.

Жизнь испанскихъ семействъ среднихъ и высшихъ классовъ проходитъ по вечерамъ очень весело и разнообразно. Въ продолженіи дня — томительная жара; кого работа не вынуждаетъ выходить, тотъ сидитъ дома. Но когда день склоняется къ вечеру и подуетъ свѣжій вѣтерокъ, всѣ дома сразу пустѣютъ и мѣста гуляній переполняются народомъ. Немного прогулявшись, всѣ возвращаются домой и принимаютъ гостей, или сами идутъ въ гости, на *тертулью*, т. е. на домашнюю вечеринку. Время на этихъ вечеринкахъ проходитъ оживленно: поютъ, танцуютъ, спорятъ, играютъ въ карты. Среди горячаго политическаго спора вы услышите вдругъ восклицаніе: «Боже, что за глаза!» — «Гдѣ, гдѣ?» восторженно спрашиваютъ политиканы; всѣ они вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и бросаются за красавицею, которая только что прошла. Восторженное поклоненіе женской красотѣ — въ крови испанца; старики и молодые одинаково интересуются красивыми женщинами. Налюбовавшись прелестными глазками, мужчины опять принимаются за свои политическіе

споры, если только ихъ не прерываютъ звуки какого нибудь испанскаго танца, въ которомъ всѣ присутствующіе принимаютъ участіе. Послѣ танца разносятъ оршадь и мороженое. Пѣніе безпрестанно смѣняетъ танцы. Почти каждая испанка поетъ и играетъ на гитарѣ. Если къ кому нибудь обращаются съ просьбою спѣть, считается неприличнымъ отказываться или долго заставлять себя уговаривать. Дѣвушка беретъ гитару и начинаетъ пѣть нерѣдко юмористическую народную пѣсню: «У меня есть «перро чико» (маленькая собачка, т. е. мелкая монета); за нее я хочу купить себѣ жениха; но вотъ бѣда: у меня ихъ двое на примѣтѣ -- блондинъ и брюнетъ. Блондинъ хорошъ, — у него красивая золотистая бородка, но и брюнетъ не дурень, — у него прекрасные большіе глаза. Я въ затрудненіи, кого изъ нихъ предпочесть, и такъ какъ я не могу рѣшить задачи, то предпочитаю оставить «перро чико» у себя въ карманѣ». Эту веселую пѣсенку прерываетъ страстная пѣсня, которую другая пѣвица поетъ съ увлеченіемъ, дрожащимъ голосомъ: «Ни съ тобой, ни безъ тебя нѣтъ конца моимъ мученьямъ; твоя любовь убиваетъ меня, но когда тебя нѣтъ, я умираю». Въ это время взволнованный мужской голосъ отвѣчаетъ изъ другого угла: «Какъ бѣлый снѣгъ на вершинахъ горъ таетъ отъ жгучихъ лучей солнца, такъ я изнываю отъ любви къ тебѣ, дитя моего сердца». И оба вмѣстѣ поютъ: «Дитя моего сердца, дитя моего сердца!» Поютъ также любовные романсы съ очень оригинальной, жгучей музыкой: «Выходи, рыбакъ, на берегъ, пой мнѣ пѣсню о любви!» Не смотря однако на то, что любовь здѣсь воспѣваютъ безъ

конца и на всѣ лады, даже на вечеринкѣ или собраніи людей совсѣмъ простыхъ никогда не услышишь ни одной двусмысленной фразы, ни одного грязнаго намека. Да и пѣсни испанскія никогда не бываютъ ни по мысли, ни по содержанію ни пошлыми, ни скабрёзными: въ нихъ преимущественно воспѣваютъ страстную любовь и женщину, возвышенную этой любовью до высоты богини.

На этихъ вечеринкахъ, не смотря на всю задумчивость и простоту, какъ и вездѣ въ испанскомъ обществѣ, существуетъ свой кодексъ приличій. Юноша никогда не начнетъ высказывать свои мечты и предположенія, какъ онъ думаетъ устроиться въ будущемъ, не предпославъ этому фразы: «хотя я и доволенъ настоящимъ». Можетъ быть въ сущности и нѣтъ этого довольства настоящимъ, но такъ уже принято, и всякій порядочный человѣкъ долженъ такъ говорить. Впрочемъ не одну эту фразу нужно знать испанцу, чтобы считаться учтивымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ ничего не долженъ съѣсть, не обратившись къ сосѣду съ вопросомъ: «ваша милость желаетъ?» Но Боже васъ сохрани пожелать, попросить задавшаго вамъ этотъ вопросъ подѣлиться. Этого нельзя дѣлать и тогда, когда кусокъ сосѣда вамъ дѣйствительно нравится. На такой вопросъ вы всегда должны отвѣтить: «Спасибо! Пусть пользуется онъ...», то есть предлагающій. Прощаясь, всегда говорятъ: «Да идетъ ваша милость съ Богомъ». Если кто, говоря про какую нибудь вещь, спрашиваетъ: «Это принадлежитъ вашей милости?» то владѣлецъ вещи, если только онъ порядочный человѣкъ, непременно прибавитъ: «и вашей милости также».

Вы входите въ домъ испанца и, чтобы удостовѣриться, тутъ-ли живетъ человѣкъ, котораго вы разыскиваете, спрашиваете объ этомъ у прислуги: «Вы не ошиблись», говоритъ хозяинъ выходя: «но этотъ домъ принадлежитъ и вамъ»... На это вы должны отвѣтить: «а вашъ домъ помѣщается въ такой-то улицѣ»... то есть сообщаете свой адресъ. Испанская вѣжливость требуетъ также, чтобы вы хвалили все, что вамъ будутъ показывать, но не нужно и сильно нахваливать: если хозяинъ замѣтитъ, что какая нибудь вещь вызываетъ большіе восторги съ вашей стороны, онъ долженъ вамъ ее подарить, а затѣмъ вамъ самимъ слѣдуетъ одариться. Въ Испаніи не только необходимо знать, *что* и *когда* сказать въ извѣстныхъ случаяхъ, но какъ начать и чѣмъ кончить каждое письмо. Начинать письмо необходимо приблизительно такъ: «полный мой господинъ», а если вы пишете къ учителю, профессору, литератору, однимъ словомъ къ какому бы то ни было общественному дѣятелю, то вы обязаны еще на каждомъ шагу прибавлять «знаменитѣйшій», «извѣстнѣйшій», и т. под., хотя бы лицо, къ которому вы обращаетесь, ничуть не было ни знаменитымъ, ни извѣстнымъ. Кончить письмо слѣдуетъ словами: «вашъ рабъ смиренно цѣлуетъ ваши руки». Являясь въ домъ, вы тоже должны говорить хозяйкѣ: «цѣлую ваши руки». Вообще, чѣмъ больше вы будете говорить хозяйкѣ напыщенныхъ комплиментовъ, тѣмъ пріятнѣе и ей, и ея мужу: «нельзя довольно наглядѣться на ваши огненные глаза», обращаетесь вы къ хозяйкѣ, и васъ немедленно благодаритъ за это ея мужъ. А главное, если къ вамъ придетъ въ гости испанецъ или испанка, не

забудьте обычая, принятаго въ этой странѣ, — предлагать все свое въ распоряженіе другого: кусокъ, который самъ начинаешь ѣсть, свой экипажъ, домъ, людей. Но если тотъ, кому предлагаютъ, рѣшится чѣмъ нибудь воспользоваться, онъ прослыветъ всюду неучемъ и глупцомъ, и въ другой разъ уже, разумѣется, ему ничего не предложатъ. Такихъ фразъ, которыя нужно знать и всегда мило и во время вставить, очень много.

Но вотъ кончилась тертулія, всѣ разбрелись по домамъ, и скоро все заснуло мертвымъ сномъ; только влюбленные, *новій* и *новія* (какъ ихъ здѣсь называютъ), разговариваютъ у рѣшетки окна, или новій стоитъ подъ балкономъ, гдѣ живетъ его новія. Дѣвушка нравится молодой человѣкъ, и она позволяетъ ему ходить разговаривать съ ней къ балкону; затѣмъ она встрѣчаетъ другого, который ей еще больше понравился, она лишаетъ перваго права болтать съ ней при свѣтѣ луны, и къ ней начинаетъ ходить уже второй. Двухъ новіевъ сразу дѣвушка не должна имѣть, и тѣмъ болѣе двое вмѣстѣ уже никогда не явятся къ ея рѣшеткѣ, а если это когда и случится, то кончается очень трагически, обыкновенно дуэлью между новіями. Но что всего любопытнѣе въ этомъ обычаѣ, — новій, въ продолженіи всего свиданія со своей новіей, не можетъ съ нею иначе разговаривать, какъ поднявши голову вверхъ, такъ какъ дѣвушка стоитъ на балконѣ, а онъ внизу. Такимъ образомъ въ лунную ночь на всякомъ балконѣ (въ Испаніи ихъ чрезвычайно много) стоитъ дѣвушка, а внизу молодой человѣкъ, который поетъ подъ аккомпаниментъ гитары, или съ которымъ она болтаетъ по нѣскольку часовъ сряду; тѣмъ не менѣе ни одна изъ

нихъ не только не пойдеть ночью гулять съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она болтаетъ, но даже и не спустится къ рѣшеткѣ, у которой онъ стоитъ: это здѣсь строго осуждаютъ. Иногда дѣвушка перемѣняетъ очень много новіевъ, одного за другимъ. Родители, конечно, знаютъ объ этихъ свиданіяхъ своихъ дочерей, но смотрятъ сквозь пальцы: сами они дѣлали тоже, когда были молоды, и обычай этотъ сильно укоренился. Знакомство между молодыми людьми нерѣдко завязывается очень оригинально: молодой человѣкъ увидѣлъ на улицѣ дѣвушку, которая ему понравилась. Онъ выслѣдилъ ее до ея дома, у котораго останавливается и ждетъ; если онъ понравился, то, войдя въ домъ, она немедленно покажется ему на балконѣ. Это означаетъ, что его ухаживанье принято, и онъ можетъ явиться къ ней на ночное свиданіе. Эти ночныя свиданія далеко не всегда кончаются бракомъ; молодой человѣкъ не всегда даже знакомъ съ родными своей «новіи», тѣмъ не менѣе аккуратно каждый вечеръ онъ является къ ней подъ балконъ, вызываетъ ее, напѣвая серенады, и они разговариваютъ до поздней ночи. На прощанье дѣвушка нерѣдко опускаетъ къ нему снурокъ съ запиской, молодой человѣкъ отвязываетъ ее и въ свою очередь привязываетъ свое посланіе и затѣмъ съ словами: «спокойной ночи, малютка!» — «прощай, дорогой!» они обмѣниваются воздушными поцѣлуями и расходятся. Если ухаживанье переходитъ въ болѣе серьезное чувство, молодой человѣкъ ищетъ случая познакомиться съ родителями дѣвушки, что здѣсь очень легко, и, побывавъ въ домѣ нѣкоторое время, дѣлаетъ предложеніе; если это невозможно, онъ продолжаетъ ухажи-

вать совершенно безкорыстно. Сплошь и рядомъ дѣвушка объявляетъ съ балкона молодому человѣку, что увы... ихъ свиданія должны кончиться, потому что она выходитъ замужъ. Происходитъ трогательное прощаніе, и новіи расстаются, часто даже впродолженіи долгаго знакомства ни разу не пожавъ другъ другу руки.

Испанцы высшаго и средняго круга отличаются отъ другихъ народовъ особенно тѣмъ, что они несравненно менѣе подражаютъ иностранцамъ. Большинство испанокъ, одѣваясь по парижской модѣ, все-таки сохраняетъ кое-что изъ своей національной одежды, напри- мѣръ кружевную мантилью и вѣеръ, а мужчины — свой плащъ. На вечеринкахъ людей богатыхъ танцуютъ французскіе танцы, но настоящее оживленіе наступаетъ только тогда, когда заиграютъ какой нибудь народный танецъ. То-же можно сказать и относительно пѣнія: поютъ различные романсы, но имъ всѣмъ предпочитаютъ испанскія народныя пѣсни. У людей очень богатыхъ — столъ роскошный и разнообразный, но за каждымъ обѣдомъ подаютъ и какое-нибудь національное кушанье, которое оказывается наиболѣе любимымъ всѣми, но, конечно, оно приготовлено несравненно вкуснѣе и питательнѣе, чѣмъ у простонародья. То, что испанцы менѣе другихъ подражаютъ иностранцамъ, отчасти происходитъ отъ ихъ искренней любви ко всему своему, отчасти изъ гордости, не допускающей, чтобы у другихъ было что нибудь лучше, чѣмъ у нихъ. Такое самомнѣніе, конечно, результатъ невѣжества, но нельзя отрицать и того, что въ этой трогательной любви ко всему родному — залогъ умственнаго

и нравственнаго возрожденія испанцевъ, хотя бы и въ далекомъ будущемъ. Испанцы всѣхъ классовъ общества имѣютъ чрезвычайно много сходства въ своихъ привычкахъ, нравахъ, обычаяхъ, въ своихъ порокахъ и добродѣтеляхъ. Такъ какъ въ одной изъ предыдущихъ главъ мы дали подробную характеристику испанскаго народа, то здѣсь, при описаніи высшаго и средняго класса, не будемъ повторять уже сказаннаго. Главное различіе между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что люди высшихъ классовъ живутъ лучше, болѣе развлекаются и между ними несравненно большее количество людей, ничего не дѣлающихъ; простой же людъ, хотя тоже отличается своею лѣнью, но не можетъ себѣ позволить ничегонедѣланія, такъ какъ вынужденъ зарабатывать свой насущный хлѣбъ.

Самыя выдающіяся черты характера людей высшихъ классовъ Испаніи—невѣжество, пустота, легкомысленное времяпрепровожденіе, лѣнь, недобросовѣстное отношеніе къ труду и къ своимъ обязанностямъ, отсутствіе серьезныхъ стремленій, наконецъ, тщеславіе, которое болѣе всего обнаруживается въ щегольствѣ и роскоши нарядовъ. Плохое образованіе въ школѣ и въ университетѣ, отсутствіе нравственнаго воспитанія дома—вотъ главныя причины пошлости и пустоты людей высшихъ и среднихъ классовъ общества.

Нѣсколько аристократическихъ фамилій въ Испаніи владѣютъ цѣлыми провинціями. Эти аристократическіе роды чрезвычайно богаты: не будучи людьми особенно просвѣщенными и не выказывая никакого желанія приносить пользу своей родинѣ и своему народу, они живутъ съ царскимъ великолѣпіемъ и проживаютъ

колоссальныя средства. Но есть не мало и такихъ аристократовъ, которые уже легкомысленно растратили свое громадное состояніе, между тѣмъ не могли бросить привычки къ широкой жизни, — въ такихъ случаяхъ у нихъ одна мечта — получить высшій постъ въ государствѣ. Достигнувъ этого, они, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, смотрятъ на Испанію, какъ на свое собственное помѣстье, берутъ взятки направо и налево, не брезгаютъ никакими источниками доходовъ, доставляютъ своимъ родственникамъ и друзьямъ выгодныя мѣста. Здѣсь не рѣдкость даже и такіе случаи, когда люди, занимающіе высшія, почетныя должности безъ жалованья, наживаются этими должностями громаднаго состоянія. Каждый, являющійся въ Мадридъ, столицу Испаніи, по какому нибудь дѣлу, прежде, чѣмъ начать его, долженъ умаслить мелкихъ чиновниковъ, съ которыми ему придется столкнуться, затѣмъ высшихъ и уже потомъ придти съ глубокимъ поклономъ и набитымъ карманомъ къ тому, отъ кого зависитъ окончательное рѣшеніе его дѣла. Громадное большинство испанскихъ богачей накопило свои милліоны исключительно на счетъ государства, то ссужая правительству деньги за большіе проценты, то получая отъ него концессіи на разныя промышленныя и торговыя предпріятія. Различные сановники, а также губернаторы въ провинціяхъ смотрятъ на свои должности, какъ на законное средство для наживы, и не упускаютъ случая пользоваться не только безгрѣшными доходами, но и такими, которые считаются предосудительными даже въ Испаніи: многіе изъ нихъ, напримѣръ, собираютъ правильный оброкъ въ свою пользу съ игорныхъ домовъ, берутъ взятки и

болѣе чудовищнымъ образомъ. Въ Испаніи существуютъ шайки разбойниковъ: занимая высшіе посты, слѣдовательно, имѣя возможность уничтожать эти разбойничьи шайки, они входятъ въ сдѣлку съ мошенниками и ворами, и тѣ уступаютъ имъ извѣстную часть награбленной добычи, лишь-бы они давали имъ возможность разгуливать по странѣ и продолжать грабить, а не садили бы ихъ въ тюрьмы. Такимъ образомъ испанцы, занимая высшіе должности, очень часто не гнушаются принимать участіе въ дѣлежѣ добычи съ завѣдомыми ворами и мошенниками.

Люди средняго круга во всемъ подражаютъ высшему сословію: также берутъ взятки, но, конечно, меньшими кушами, стараются по внѣшности, то есть по платью, походить на аристократовъ.

Повсемѣстное беззастѣнчивое взяточничество существуетъ здѣсь уже издавна, —этотъ порокъ всосался въ плоть и кровь каждаго испанца; кромѣ общихъ причинъ, развивающихъ его, онъ поддерживается и тѣмъ, что чиновники получаютъ за свой трудъ ничтожное вознагражденіе. При постоянныхъ политическихъ переворотахъ здѣсь чрезвычайно часто мѣняются министры. Получивъ мѣсто, каждый чиновникъ думаетъ прежде всего о томъ, что ему недолго придется удержаться: съ переменной министра мѣняется и весь штатъ чиновниковъ. Каждый чиновникъ считаетъ своимъ долгомъ въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ, на которыя онъ только и можетъ рассчитывать, брать взятки при всякомъ удобномъ случаѣ. Воровство и мошенничество широкимъ потокомъ затопляетъ всю Испанію. Губернаторы, министры также, какъ и мелкіе чиновники, однимъ словомъ всѣ,

кто только может, берутъ взятки направо и налѣво. Можно себѣ представить, какъ страдаютъ отъ этого интересы населенія, какая неправда, продажность, подкупы, всевозможныя злоупотребленія и утѣсненія царятъ въ судахъ, какъ расхищается народное достоянiе, какъ развращается, наконецъ, испанское общество и подрастающее поколѣнiе, которое кругомъ видитъ такiе дурныя примѣры.

Умственное развитiе, нравы и обычаи студентовъ мало даютъ надежды на то, что молодое поколѣнiе обновитъ общество новыми силами. Среди него, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключенiй, не существуетъ такихъ, которые бы серьезно занимались наукою и литературою, выказывали бы стремленiе основательно подготовитъ себя для будущей дѣятельности, мечтали-бы въ будущемъ приносить пользу своей родинѣ. Громадное большинство испанскихъ студентовъ — симпатичныя, развеселые и разудалые юноши, которые совсѣмъ не занимаются наукою, которыхъ вовсе не интересуютъ ни бесѣды о литературѣ, ни даже чтенiе, — все это они находятъ для себя очень скучнымъ. Спорятъ они между собою объ артистахъ, о всевозможныхъ зрѣлищахъ, о красотѣ женщинъ, и лишь самая небольшая часть изъ нихъ любитъ поболтать о картинахъ. Не изучая серьезно искусства, они съ любовью и интересомъ разсматриваютъ картины въ музеяхъ и затѣмъ спорятъ о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Но всѣ они безъ исключенiя прежде всего страстные любители и ревностные посѣтители боя быковъ. Часто большою компанiею отправляются они даже въ другой городъ, чтобы увидѣть знаменитаго мѣстнаго борца съ быками. Между

собой студенты живутъ очень дружно и всегда толпами разгуливаютъ по улицамъ, отправляются въ театръ, занимаютъ раекъ и бѣшено аплодируютъ любимымъ артистамъ, компаніей посѣщаютъ трактиры, гдѣ играютъ въ карты и пируютъ до поздней ночи, но еще болѣе многочисленной компаніей они путешествуютъ въ лѣтнее время по городамъ своей родины, поютъ на площадяхъ и въ частныхъ домахъ. Вездѣ въ провинціи съ нетерпѣніемъ поджидаютъ пріѣзда студентовъ; всѣ провинціальныя уголки въ такихъ случаяхъ моментально оживаютъ, — понятно, какъ искренно, съ какимъ радушіемъ каждое семейство приглашаетъ ихъ въ свой домъ. Громадное большинство испанскихъ студентовъ — народъ очень бѣдный, и многіе изъ нихъ лѣтомъ существуютъ исключительно тѣмъ, что являются то въ одинъ, то въ другой домъ и гостятъ по нѣсколькимъ днямъ. Вездѣ, гдѣ они появляются, устраиваются пѣніе, танцы, слышатся смѣхъ, остроты, — и такую цыганскою жизнью живутъ они каждое лѣто. Испанцы страстно любятъ слушать пѣніе студентовъ, которые знаютъ множество народныхъ пѣсенъ и прекрасно ихъ выполняютъ подъ аккомпаниментъ гитаръ, мандолинъ и другихъ инструментовъ. Многіе изъ студентовъ и сами сочиняютъ пѣсни, и распѣваютъ ихъ съ товарищами во время своихъ странствованій. Собравшись большою компаніей, они затягиваютъ свои чудныя пѣсни и ночью, — тогда на балконахъ тотчасъ появляются молодыя женщины и дѣвушки.

Нигдѣ, кромѣ Испаніи, нельзя встрѣтить такихъ юныхъ докторовъ медицины, адвокатовъ, профессоровъ, инженеровъ, учителей среднеучебныхъ заведеній: въ

Испаниі очень многіе юноши въ 20—22 г. уже оканчиваютъ свое высшее и спеціальное образованіе. Эти двадцатилѣтніе мальчики, снабженные дипломами, совершенно не подготовленные въ научномъ отношеніи къ своей дѣятельности, имѣютъ право тотчасъ-же занимать здѣсь самыя отвѣтственныя должности: читать лекціи въ университетѣ, распоряжаться постройками, учить и т. п. Между тѣмъ эти «молодые ученые» только что покончили со своимъ студенчествомъ, которое они провели въ пѣсняхъ и странствованіяхъ по городамъ, кабачкамъ, театрамъ и циркамъ. Уже изъ одного этого можно составить понятіе, какъ легкомысленно относятся въ этой странѣ къ наукѣ, къ званію ученаго и къ выполненію самыхъ серьезныхъ обязанностей. Получить ученое званіе, сдѣлаться профессоромъ здѣсь ничего не стоитъ: написалъ какую нибудь работу которую въ другихъ странахъ задали-бы только гимназисту, и, если она мало-мальски удовлетворительна, за нее награждаютъ ученою степенью. Но, не смотря на легкость, съ которою здѣсь приобрѣтаются ученые степени и получаютъ учительскія мѣста и даже каѳедры, охотниковъ на нихъ очень мало. Каждый испанецъ, окончившій курсъ, какъ въ среднеучебномъ заведеніи, такъ и въ университетѣ, стремится прежде всего сдѣлаться чиновникомъ, а тѣ немногіе, которые становятся учеными и профессорами, за рѣдкими исключеніями, настолько необразованы и неразвиты умственно, настолько молоды и неопытны, что не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на молодежь.

Р е л и г і я .

Главенство папы и догматъ о его непогрѣшимости.—Духовенство и монашескіе ордена.—Іезуиты.—Характерныя черты католической религіи.—Почитаніе Вожьей Матери и святыхъ.

Всѣ испанцы—католики.

Съ самаго начала христіанства у христіанъ всего міра существовала одна общая для всѣхъ религія—всеуниверсальная или католическая (а по другому произношенію—католическая). Такимъ образомъ прежде не было ни католиковъ, ни православныхъ, ни протестантовъ, а были только христіане. Но эта общая для всѣхъ христіанъ церковь въ XI в. (1054 г.) распалась на двѣ отдѣльныхъ церкви: на *восточную*—греко-католическую (православную) и *западную*—римско-католическую, съ римскимъ папою во главѣ. Но какъ та, такъ и другая церковь удержали за собой названіе католической (или католической); православную же вѣру принято называть восточно-католическою, а западную—римско-католическою.

Главный догматъ католиковъ—*главенство папы и его непогрѣшимость*. Восточная церковь учитъ, что единственный глава церкви—Иисусъ Христосъ; по ученію-же католиковъ, кромѣ невидимаго главы I. X., существуетъ и видимый глава—папа. Причину главенства папы надъ своею церковью католики объясняютъ такъ: всю свою власть I. X. передалъ апостолу Петру, сдѣлавъ его княземъ апостоловъ и вручивъ ему ключи царствія небеснаго. Апостолъ Петръ, оставляя міръ,

передалъ данную ему власть своимъ преемникамъ, т. е. римскимъ епископамъ. А такъ какъ первый изъ римскихъ епископовъ—папа, то католики и признають его главою своей церкви. Но католики считаютъ папу не только наслѣдникомъ апостола Петра, но намѣстникомъ Христа и смотрять на него, какъ на полновластнаго монарха церкви. Папа—верховный судья, духовный владыка, пастырь католиковъ всего міра, представитель Бога на землѣ. Какъ преемникъ апостола Петра, какъ намѣстникъ І. Х. на землѣ, онъ называется *папою* или *святымъ отцомъ*. Католики не только приписываютъ ему *божественное свойство—непогрѣшимость*, но даже признають непогрѣшимость папы за основной догматъ своей религіи. Власть папы въ духовномъ мірѣ *), кажется, не имѣетъ предѣловъ: онъ не только можетъ устанавливать и измѣнять церковные обряды, но имѣетъ право провозглашать даже новыя основы вѣры. Этимъ своимъ правомъ папы и пользовались: такъ, на примѣръ, одинъ изъ нихъ—Пій IX, который былъ предшественникомъ нынѣшняго папы Льва XIII-го, провозгласилъ новый догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи, а также догматъ о папской непогрѣшимости, и оба эти догмата были приняты католиками. Имъ часто задають вопросъ, какимъ образомъ они могутъ счи-

*) Прежде папы пользовались не только духовною, но и свѣтскою властью и отъ времени до времени являлись до такой степени могущественными, что имѣли силу и значеніе болѣе, чѣмъ короли: они могли лишать ихъ престола и возводить на него новаго короля по своему усмотрѣнію, назначать королямъ жестокое и позорное наказаніе за ослушаніе своей власти. Но въ 1870 г. былъ положенъ конецъ свѣтскому господству папъ, и теперь папа считается лишь духовнымъ монархомъ всего католическаго міра.

татъ обыкновеннаго смертнаго непогрѣшимымъ, когда только одинъ Богъ безгрѣшенъ? Католики утверждаютъ, что папа имѣетъ право считаться непогрѣшимымъ потому, что онъ владѣетъ ключами божественнаго разумѣнія, т. е. что только онъ одинъ настоящимъ образомъ понимаетъ смыслъ священнаго писанія, что только онъ одинъ можетъ постичь всю глубину смысла католической религіи. Есть даже и такіе поклонники этой религіи, которые доказываютъ, что если папа будетъ толковать священное писаніе вопреки его прямому смыслу, то и въ такомъ случаѣ нужно ему вѣрить больше, чѣмъ своей совѣсти и разсудку. Папѣ, наконецъ, принадлежитъ не только высшая власть надъ церковью, надъ ея представителями (т. е. надъ духовенствомъ) и надъ всѣми католиками на землѣ, но онъ имѣетъ значеніе и вліяніе и въ ихъ загробной жизни. Только папа владѣетъ ключами ада и рая, слѣдовательно только онъ одинъ можетъ открывать двери ада и рая, — все, что онъ думаетъ и дѣлаетъ, считается непогрѣшимымъ, только онъ одинъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за свои поступки, только онъ одинъ имѣетъ право объявлять новыхъ святыхъ, при этомъ даже такихъ, прошлая жизнь которыхъ многимъ кажется несомвѣстимою со святостью. Кто усомнится въ какихъ-бы то ни-было догматахъ католической религіи, тотъ не настоящій католикъ, а еретикъ: онъ долженъ быть преданъ анаѳемѣ и отлученъ отъ римско-католической церкви. Однако многіе католики не довольствуются высотой, силой и великимъ значеніемъ папской власти и утверждаютъ, что его власть выше власти святыхъ ангеловъ, выше

Пресвятой Дѣвы Маріи, что на папу нельзя жаловаться и искать суда даже у самого Бога, такъ какъ у Бога и папы—одна власть, одна воля. Между католиками есть и такіе, которые учатъ, что папы непогрѣшны не только въ вѣрѣ, но и въ своей частной жизни. Но доказать это очень трудно даже для самыхъ ревностныхъ католиковъ: прошлая исторія папъ совсѣмъ не показываетъ ихъ святости. Напротивъ, она изображаетъ многихъ изъ нихъ людьми чрезвычайно порочными, жестокими, запятнавшими себя позоромъ, всевозможными скандалами, возмутительнымъ взяточничествомъ и грабительствомъ. Нѣкоторые изъ папъ виновны были даже въ смертоубійствахъ, отравленіяхъ и другихъ тяжкихъ злодѣяніяхъ. Имѣя это въ виду, католическіе богословы объясняютъ, что непогрѣшимъ не папа, а непогрѣшимо его служеніе; папа непогрѣшимъ не тогда, когда высказываетъ свое мнѣніе, какъ частное лицо, а тогда, когда высказываетъ его, какъ глава церкви, такъ какъ онъ ея верховный первосвященникъ, черезъ котораго всегда, когда нужно, дѣйствуетъ Духъ Святой. Такимъ образомъ непогрѣшимость папы признается во всѣхъ дѣлахъ, касающихся вѣры. Это означаетъ, что все, что папа провозглашаетъ, всѣ его рѣшенія относительно религіозныхъ сомнѣній и споровъ, все, наконецъ, что онъ открываетъ, разрѣшаетъ, осуждаетъ, запрещаетъ, все это истинные католики должны признавать вполне справедливымъ, разумнымъ, законнымъ, непогрѣшимымъ и слѣдовать буквально всему, что имъ предписано. Католическое духовенство старается всѣми силами показать своей паствѣ великое, недостижимое ни для кого въ

мірѣ значеніе папы, всю высоту и величіе его власти. И взоры католиковъ всего міра обращены на него, какъ на намѣстника Христа; многіе изъ нихъ находятъ, что его значеніе не менѣ значенія самого Спасителя: Христосъ, по понятію католиковъ, тогда прощаетъ грѣхи, когда ихъ уже простилъ папа.

Понятіе о величїи и духовномъ могуществѣ папы поддерживается въ католикахъ необычайными почестями, которыя ему воздаются. Новоизбранный папа возлагаетъ на себя не простую епископскую митру, а тіару, т. е. тройную корону, въ знакъ получаемой имъ власти надъ церковью, душами вѣрующихъ на землѣ и надъ міромъ загробнымъ. Папскій дворъ (иначе называемый римскою куріею) обставленъ не менѣ пышно и великолѣпно, чѣмъ любой царскій дворъ. Когда къ папѣ является католическое духовенство, хотя бы самое высшее, всѣ они должны преклоняться передъ нимъ и цѣловать его туфлю, на которой изображенъ крестъ. Съ особенною торжественностью появляется папа, когда показывается передъ народомъ. Его несутъ въ громадномъ золоченомъ креслѣ, окруженнаго высшимъ духовенствомъ, разодѣтаго въ роскошныя мантии и въ сопровожденїи огромнаго отряда папскихъ гвардейцевъ, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, при звукахъ музыки, при грохотѣ пушекъ (см.: «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Итальянцы». Выносъ папы, стр. 36). Мало того, даже въ таинствѣ причащенія папа отличается отъ всѣхъ прочихъ смертныхъ: не онъ подходитъ къ престолу причащаться, а къ нему, сидящему на богатоубранномъ тронѣ посреди церкви, съ колѣнопреклоненіемъ подносятъ причастіе.

Блескъ, величіе и значеніе, которыми окруженъ папа, его сила и вліяніе на землѣ, его власть за гробомъ,—все это возбуждаетъ въ громадной массѣ католиковъ непрекословное, рабское повиновеніе ему и страхъ предъ нимъ. Понятіе о всемогуществѣ папы католическое духовенство старается всѣми силами поддерживать и распространять среди простыхъ католиковъ. Патеры внушаютъ мірянамъ, что они обязаны вѣрить безъ разсужденія всему тому, чему учитъ папа, что все, что онъ внушаетъ — истинно, все, что онъ повелѣваетъ — хорошо, а что запрещаетъ — худо. Послушаніе цѣнится въ католикѣ, какъ одна изъ высшихъ добродѣтелей.

Католическое духовенство рѣзко отличается отъ остального народа. Народъ считается какъ бы безсловеснымъ стадомъ, обязаннымъ во всемъ непрекословно довѣряться и подчиняться духовнымъ лицамъ: онъ не имѣетъ права разсуждать о предметахъ вѣры. При богослуженіи онъ можетъ присутствовать безсознательно, не понимая даже языка, на которомъ совершается богослуженіе. (Въ католическихъ храмахъ богослуженіе, за очень немногими исключеніями, совершается на латинскомъ языкѣ, котораго народъ совсѣмъ не понимаетъ). Даже въ причащеніи Св. Тайнъ существуетъ огромное различіе между духовными лицами и народомъ: лишь духовнымъ предоставлено право причащаться Тѣломъ и Кровію Христовою, а народу только Тѣломъ.

Все католическое духовенство, какъ высшее, такъ и низшее, находится подъ строжайшимъ надзоромъ. Судьба низшаго духовенства въ полной зависимости

отъ высшаго; понятно, что низшее духовенство должно во всемъ непрекословно подчиняться высшему, и все церковное управленіе, со всѣми его развѣтвленіями, находится въ рукахъ папы, который имѣетъ надъ католическою церковью неограниченную, деспотическую власть. У католиковъ не допускается выходъ изъ духовнаго званія: недостойный священникъ лишается права совершать какія либо священные дѣйствія безъ разрѣшенія высшей власти, но отъ духовнаго сана онъ не избавляется. Все это поддерживаетъ въ католическомъ духовенствѣ строгую дисциплину, вырабатываетъ вѣрныхъ слугъ, преданныхъ интересамъ своей церкви, но за то и не развиваетъ среди нихъ ни братскихъ чувствъ, ни любви.

Чтобы еще болѣе укрѣпить въ духовныхъ лицахъ преданность интересамъ церкви, введено *безбрачіе духовенства*: ни одно духовное лицо у католиковъ не можетъ быть женатымъ. Однако это вынужденное безбрачіе не увеличиваетъ нравственности: католическое духовенство съ давнопрошедшихъ временъ, сравнительно съ духовенствомъ другихъ религій, считается наиболѣе лицемѣрнымъ и порочнымъ. Но это безбрачіе духовенства чрезвычайно помогаетъ распространенію католической религіи: лишенные семьи и привязанностей, католическія духовныя лица совершенно отдаются интересамъ папы и своей церкви.

Болѣе всего услугъ католической религіи оказываютъ монахи. Этихъ монаховъ въ католическихъ странахъ такое громадное количество (прежде ихъ было несравненно больше), что ихъ называютъ «папскою арміею». Они не имѣютъ ничего общаго съ монахами восточной церкви, которые живутъ въ своихъ монасты-

ряхъ, вдали отъ міра и людей. Католическіе монахи вовсе не отшельники, и очень многіе изъ нихъ занимаются церковно-общественною дѣятельностью. Монахи въ католическихъ странахъ раздѣляются на ордена (родъ монашескихъ общинъ или товариществъ), такъ на примѣръ существуетъ орденъ іезуитовъ, доминиканцевъ и другіе. Въ каждомъ орденѣ множество членовъ, т. е. монаховъ. Одинъ орденъ отличается отъ другого своимъ начальникомъ, своими особыми уставами, цѣлями, обѣтами, которые даютъ при вступленіи. Папа имѣетъ въ этихъ монахахъ усерднѣйшихъ слугъ, которые стараются распространять его вліяніе во всѣхъ странахъ свѣта, и увеличивать число католиковъ все новыми и новыми послѣдователями. Громадное большинство этихъ монаховъ люди въ высшей степени невѣжественные, суевѣрные, а нѣкоторые изъ нихъ, рѣшивъ добиться чего нибудь на пользу своей церкви, не задумываясь, прибѣгаютъ ко лжи, коварству, обману и къ самымъ низкимъ и подлымъ средствамъ. Между тѣмъ, особенно прежде, эти монахи почти во всѣхъ католическихъ странахъ были главными учителями, воспитателями и руководителями юношества. Въ послѣднее время, однако, уничтожено множество монастырей, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшилось и количество монаховъ. Но и теперь еще во многихъ католическихъ странахъ они занимаются воспитаніемъ и обученіемъ юношества, втираются въ семьи какъ простаго народа, такъ и высшихъ сословій, поддерживаютъ распри и всевозможныя ссоры, вносятъ раздоры между мужемъ и женою, занимаются интригами, какъ въ семьяхъ между домашними, такъ и между государственными людьми, запугиваютъ женщинъ ужасами

ада и проклятіемъ папы, — и все это они дѣлаютъ яко бы во славу Бога, папы и римско-католической религіи. Особенно стараются они вліять на женщинъ и доводятъ ихъ религіозное рвеніе до изувѣрства. Но никто не обнаруживалъ такой энергіи, какъ монахи ордена іезуитовъ. Во всѣхъ странахъ они уже издавна ведутъ тайную и явную борьбу со всѣми врагами папы, а чтобы поднять въ народѣ упавшее религіозное чувство и для болѣе обильнаго сбора денегъ, они изобрѣтаютъ всевозможныя средства, которымъ покровительствуетъ самъ папа. Большинство католическихъ монаховъ живетъ подачками народа и привыкло къ тунеядству и попрошайству.

Римско-католическая религія отличается не только своимъ догматомъ о главенствѣ папы и его непогрѣшимости. Наша православная вѣра учитъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца, а въ символѣ католической вѣры значится, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына.

Особое значеніе имѣетъ въ римско-католической религіи ученіе о *сверхдолжныхъ дѣлахъ и о сокровищницѣ святыхъ*. По этому ученію католикамъ внушаютъ, что есть люди, которые могутъ совершить добрыхъ дѣлъ больше, чѣмъ сколько имъ нужно для спасенія. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые праведники, святые, особенно же Св. Дѣва Марія, сдѣлали такъ много добрыхъ дѣлъ въ своей жизни, что не только заслужили себѣ высшую степень блаженства, но у нихъ отъ ихъ добрыхъ дѣлъ остался еще излишекъ. Этотъ-то излишекъ добрыхъ дѣлъ (сверхдолжныхъ) зачисляется грѣшникамъ, у которыхъ своихъ добрыхъ дѣлъ не до-

стаетъ для того, чтобы получить спасеніе. Вотъ какимъ образомъ по католическому ученію зачисляются грѣшникамъ эти добрыя дѣла: въ церкви Христовой существуетъ *сокровищница* (въ буквальномъ смыслѣ это означаетъ скарбъ, ящикъ) сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлъ. Эта невидимая сокровищница, какъ и вся церковь, находится въ распоряженіи папы, которому Богъ, черезъ апостола Петра, вручилъ ключи ада, чистилища и рая, а слѣдовательно даровалъ и власть раздавать эти добрыя, сверхдолжныя дѣла грѣшникамъ.

Вмѣстѣ съ ученіемъ о сверхдолжныхъ заслугахъ существуетъ и ученіе о *чистилищѣ*. Чистилище для католика—это въ загробной жизни что-то среднее между адомъ и раемъ. Въ чистилищѣ помѣщаются души умершихъ съ покаяніемъ, но по какимъ нибудь причинамъ не успѣвшихъ выполнить назначенной имъ эпитимьи, а также, по забывчивости или незнанію, не раскаявшихся въ маловажныхъ грѣхахъ; такихъ людей, по ученію католической религіи, въ адъ посылать не слѣдуетъ, но нельзя допустить ихъ и прямо въ рай,—вотъ ихъ и отправляютъ въ чистилище. Нѣкоторыя души остаются здѣсь недолго, за то другія томятся десятки, сотни лѣтъ, даже цѣлыя тысячелѣтія, смотря по количеству грѣховъ. Души умершихъ терпятъ въ чистилищѣ разныя мученія, которыя постепенно очищаютъ ихъ отъ грѣховъ. Когда, наконецъ, срокъ истязанія, предназначенный для каждой души, оканчивается, она переходитъ изъ чистилища въ рай.

Въ ученіи о святыхъ въ католической религіи сказывается болѣе язычества и грубыхъ суевѣрій, чѣмъ христіанскаго милосердія. Католическое духовенство, по

своимъ корыстнымъ разсчетомъ, особенно содѣйствуетъ распространенію въ народѣ самыхъ нелѣпыхъ понятій о святыхъ. Ихъ патеры, посѣщая семьи, рассказываютъ о небывалыхъ чудесахъ святыхъ. И народъ относится къ нимъ, какъ къ особымъ божествамъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ существуетъ свой особый святой, патронъ, т. е. защитникъ и покровитель. Но кромѣ мѣстныхъ патроновъ, есть еще, такъ сказать, спеціальныя: одинъ спеціально спасаетъ дѣтей, другой—несчастливыхъ матерей, третій—только невѣсть; одинъ вылечиваетъ отъ болѣзни легкихъ, другой—отъ рака, третій—отъ головной боли; одинъ спасаетъ отъ пожара, другой—отъ наводненія, третій—отъ града, четвертый—отъ засухи и т. д. до безконечности. Не только у людей, но даже у всѣхъ животныхъ свои особые патроны. Этихъ святыхъ художники изображаютъ на полотнѣ и въ статуяхъ. Чѣмъ болѣе прославился патронъ или патронесса, тѣмъ богаче они разукрашены. Есть патронессы, разодѣтыя и убранныя, какъ богатыя дамы: въ роскошныя бархатныя платья, въ кружевахъ, въ наколкахъ, въ дорогихъ накидкахъ; на шеѣ—жемчугъ, въ ушахъ серьги съ бриліантами. Ко всѣмъ этимъ святымъ католики и обращаются, смотря по надобности. Одинъ страдаетъ глазами, другой—ревматизмомъ, но святой или святая, исцѣляющіе отъ этихъ болѣзней, находятся иногда далеко отъ мѣстности, въ которой живетъ больной. И вотъ онъ бросаетъ нерѣдко свои послѣдніе гроши, прогуливаетъ множество рабочихъ дней, терпитъ страшную нужду, мокнетъ во время проливней, страдаетъ отъ жары и холода, что только усиливаетъ его болѣзнь, но дѣлаетъ все, лишь-бы сходить на по-

клоненіе къ патрону или патронессѣ и вымолить у нихъ исцѣленіе. Отправляясь въ путешествіе, такой больной обыкновенно приносить что нибудь въ даръ своимъ святымъ. Вотъ потому-то наиболѣе прославленные изъ нихъ такъ богато разукрашены; кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они увѣшаны человѣческими ногами, руками, носами, пальцами, ушами, сдѣланными изъ воска. Католики вѣрятъ, что стоитъ только святому, прославившемуся леченіемъ человѣческихъ органовъ, принести изображеніе его изъ воска, какъ онъ исцѣлится. Во всѣхъ католическихъ странахъ среди простонародья безпрестанно происходятъ случаи такого рода: если святой слишкомъ медлитъ исполнить просьбу или совсѣмъ не исполняетъ ея, католикъ поступаетъ со своимъ святымъ, какъ настоящій дикарь: бросаетъ въ него камнемъ, колотитъ его, чѣмъ попало, кидаетъ въ воду, отнимаетъ свои подарки. Мать горячо молится передъ патронессой дѣтей, умоляя ее спасти ея ребенка, и, чтобы ее умиловать, украшаетъ шею святой бусами; но ея ребенокъ умираетъ, и она нарочно приходитъ къ той-же патронессѣ, осыпаетъ ее бранью, срываетъ съ шеи святой свои бусы и несетъ ихъ къ другой святой. Такіе примѣры встрѣчаются чаще всего въ Италіи и въ Испаніи, какъ въ католическихъ странахъ, гдѣ простой народъ особенно неразвитъ. Въ одной испанской деревнѣ начался падежъ скота. Народъ толпами приходилъ въ церковь, молился святому Антонію, который считается у нихъ покровителемъ животныхъ, но, несмотря на это, бѣдствіе только усиливалось. Тогда взбѣшенный народъ вытащилъ изъ церкви статую св. Антонія, привязалъ ее къ столбу и

съ ругательствами началъ бросать въ нее каменьями, пока не изуродовалъ статую. Однимъ словомъ католики относятся къ своимъ святымъ, какъ язычники къ своимъ идоламъ.

Никого не обожаютъ такъ католики (особенно испанцы и итальянцы), никому не поклоняются такъ пламенно, какъ Богородицѣ, мадоннѣ, какъ они ее называютъ. Это страстное обожаніе Св. Дѣвы Маріи существуетъ на западѣ уже давнымъ давно и вмѣстѣ съ этимъ уже издавна тамъ стало распространяться ученіе о непорочномъ зачатіи и рожденіи ея праведною Анною. Вопреки общему христіанскому ученію, что всѣ люди являются причастными первородному грѣху, католики начали все болѣе распространять ученіе о томъ, что Св. Дѣва Марія зачата и рождена сверхестественнымъ образомъ и въ самомъ своемъ зачатіи и рожденіи была не причастна первородному грѣху. Это ученіе сперва ни для кого не было обязательнымъ, но въ 1854 г., по опредѣленію покойнаго папы Пія IX-го, было возведено на степень правила вѣры или догмата, обязательнаго для каждаго католика.

И дѣйствительно, въ католическихъ странахъ, особенно въ Италіи и Испаніи, Св. Дѣву Марію чтутъ болѣе божественнаго ея Сына и Бога Отца. Въ честь ея воздвигнута большая часть храмовъ; во множествѣ часовенъ, по дорогамъ, стоитъ ея образъ, весь украшенный жасминами, розами, лентами, жемчугомъ, брилліантами; если онъ не нарисованъ на полотнѣ или деревѣ, то изображенъ въ лѣпныхъ и рѣзныхъ статуэткахъ. Статуэтки мадонны разодѣты въ дорогомъ парчевомъ платьѣ, украшены жемчугомъ и драгоценными

каменьями. И какое-бы изображеніе ея вы ни встрѣтили, вы увидите распростертую передъ ней толпу народа, и среди нихъ болѣе всего женщинъ. Она—женщина, говорятъ католички, естественно, что мадонна даже лучше своего божественнаго Сына можетъ понять страдающую женщину. Она любила, какъ мать, она скорбѣла за Сына, когда Онъ былъ на крестѣ, слѣдовательно любить дѣтей и понимаетъ лучше всѣхъ страданія матерей. И къ ней приносятъ дѣтей во время болѣзни въ надеждѣ, что она ихъ исцѣлитъ, къ ней нерѣдко приносятъ и здоровыхъ малютокъ, когда мать должна идти на работу и ей не на кого оставить ихъ дома. Здѣсь, у ногъ Богородицы, по мнѣнію католичекъ, ничего дурного не можетъ съ ними случиться: мадонна ихъ любитъ, она и уберезетъ ихъ отъ напасти. У ея ногъ обручаются, даютъ клятву во взаимной любви; при несчастіи въ семейной жизни, опять къ ней обращаются. Передъ ней не только всѣ голоса сливаются въ восторженномъ умиленіи, не только падаютъ на колѣни, но болѣе, чѣмъ передъ кѣмъ-бы то ни-было, лежатъ распростертыми на землѣ, въ видѣ креста, проползаютъ на колѣняхъ по нѣскольکو разъ кругомъ церкви или часовни, посвященной ея имени, лобзаютъ каждую ступеньку крыльца ея храма. При пѣніи молитвъ въ честь ея, каждый, кто идетъ по близости отъ храма, немедленно останавливается и благоговѣйно про себя повторяетъ молитву. Въ молитвахъ и обращеніяхъ къ ней столько задушевной нѣжности, поклоненія и любви: «Ты, Царица—царей, прекрасная Царица!», «о, чистая, призри насъ. Ты, о, свѣтлая Дѣва небеснаго рая, озари насъ лучемъ своей улыбки!»

Южные народы—испанцы и итальянцы, у которыхъ наиболѣе другихъ развито чувство прекраснаго и обо-жанія красоты, представляютъ Богородицу то въ видѣ прелестной молодой дѣвушки, то женщины-красавицы, то въ видѣ матери, которая съ необыкновенною любовью и нѣжностью смотритъ на своего Сына.

Въ римско-католической церкви, какъ и въ право-славной, признается семь таинствъ, но ея взглядъ на эти таинства иной. Въ православной церкви крещеніе совершается черезъ троекратное погруженіе крещаемо-го въ воду, а въ католической—черезъ обливаніе. Муро-помазаніе у католиковъ совершается не въ одно и то же время съ крещеніемъ, т. е. не надъ младенцами, а уже надъ взрослыми, и при этомъ помазуются одно только чело. Въ таинствѣ причащенія католическая церковь от-личается тѣмъ, что совершаетъ его не на заквашенномъ чистомъ и бѣломъ хлѣбѣ, а на опрѣснокахъ, пригото-вляемыхъ особеннымъ способомъ. При этомъ католи-ческая церковь не допускаетъ младенцевъ къ причащенію и предлагаетъ причащеніе подъ обоими видами (тѣла и крови Христовой) лишь священнослужителямъ, а всѣмъ остальнымъ—подъ видомъ одного хлѣба (облатокъ).

Въ католическихъ храмахъ, какъ и въ правосла-вныхъ, почитаютъ иконы, но у католиковъ онѣ носятъ нерѣдко свѣтскій характеръ, и католики поклоняются имъ какъ отдѣльнымъ божествамъ. Католическіе храмы очень часто украшены такими картинами, которыми въ другихъ странахъ украшаютъ музеи или стѣны дворцовъ. Христа, Божью Матерь и святыхъ пишутъ красками на полотнѣ и на деревѣ, изображаютъ ихъ и въ статуяхъ. Деревянные статуи особенно распростра-

нены въ храмахъ Испаніи; обыкновенно онѣ разрисованы красками: статуи святыхъ мужчинъ нерѣдко одѣты въ панталоны, статуи святыхъ женщинъ—въ юбки. Чѣмъ болѣе любимъ святой или святая, тѣмъ болѣе на немъ бархату, кружевъ и драгоценныхъ украшеній. На статуяхъ очень часто одѣты парики, а у святыхъ женщинъ — самая разнообразная прическа: иной разъ волосы заплетены въ косы и пришпилены на головѣ, иногда они падаютъ локонами или густыми прядями по плечамъ; то прическа очень высокая, то густыя косы лежатъ по спинѣ и переплетены жемчугомъ и драгоценными камнями; глаза обыкновенно эмальированные. Нѣкоторыя статуи сдѣланы и раскрашены такъ превосходно, что напоминаютъ живыхъ людей. Очень часто представлены моменты изъ мученической жизни святыхъ: припухшія раны, рубцы и синяки отъ ударовъ, здѣсь и тамъ сочащаяся и каплями выступающая кровь и различныя пытки святыхъ, — все это нерѣдко представлено такъ живо, что просто морозъ подираетъ по кожѣ. Вотъ на невысокомъ помостѣ двѣ деревянныхъ фигуры; одна изъ нихъ изображаетъ кровожаднаго воина; онъ накрутилъ на свою руку длинную и густую косу святой, которая на колѣняхъ умоляетъ небо послать ей терпѣніе; ноги ея пожираетъ огонь. Въ другой мѣстности изображенъ святой, брошенный въ темницу: онъ весь въ ранахъ, и эти раны представлены такъ натурально, что видно даже, какъ изъ нихъ выступаетъ гной.

Самую церковь въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ убираютъ такъ, что она напоминаетъ собою театръ: на примѣръ въ великую субботу въ ней устраиваютъ пещеру съ гробомъ І. Х., въ Рождество—ясли,

въ которыхъ лежитъ Младенецъ І. Х., а около него сидитъ Божья Матерь. Католикамъ дозволяется сидѣть во время богослуженія, поэтому середина храма заставлена креслами и скамейками, которыя нерѣдко продаются прихожанамъ за деньги. Вставать со своихъ мѣстъ молящимся предписывается лишь въ болѣе важныя минуты богослуженія, на примѣръ во время чтенія евангелія.

Католики крестятся не тремя пальцами, а пятью, и сначала на лѣвое, а потомъ на правое плечо; очень часто при богослуженіи молящіеся поднимаютъ глаза и руки къ небу, бьютъ себя въ грудь. Все богослуженіе у католиковъ, къ какому-бы народу они ни принадлежали, до самаго позднѣйшаго времени, совершалось исключительно на мертвомъ, непонятномъ для молящихся, латинскомъ языкѣ. Лишь въ самое послѣднее время нѣкоторымъ народностямъ, исповѣдующимъ католическую религію, дозволено чтеніе и пѣніе молитвъ на своемъ языкѣ, но до сихъ поръ главная часть богослуженія во всѣхъ католическихъ странахъ исполняется на латинскомъ языкѣ, между тѣмъ простой народъ нигдѣ не понимаетъ его. При богослуженіи органъ нерѣдко наигрываетъ веселые музыкальные мотивы. Какъ въ самой церкви, такъ и по улицамъ во всѣхъ католическихъ странахъ совершается множество процессій и церемоній, до которыхъ католики большіе охотники.

Католическая религія чрезвычайно распространена; ея послѣдователей можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ странахъ. Всего католиковъ насчитываютъ до двухсотъ милліоновъ; даже у насъ въ Россіи ихъ болѣе 10-ти милліоновъ; но болѣе всего ихъ въ

Испаниі, Италиі, Франціи, Бельгии, Ирландіи, гдѣ всѣ жители, за исключеніемъ иностранцевъ, въ нихъ проживающихъ, послѣдователи католической религіи.

Религіозныя процессіи и торжества.

Страстная недѣля.—Пазо и ихъ значеніе въ испанскихъ празднествахъ.—Театральныя представленія на страстной недѣлѣ.—«Танецъ шести» въ Севильскомъ соборѣ.

Въ Испаниі чрезвычайно часто устраиваютъ религіозныя процессіи; самыя любопытныя изъ нихъ происходятъ на страстной недѣлѣ, особенно въ Севильѣ. Главную роль въ нихъ играютъ *пазо*, то есть изображенія страданій Иисуса Христа. Прежде самыя знаменитыя испанскіе скульпторы дѣлали и разрисовывали эти «пазо», такъ что еще и до сихъ поръ такихъ скульптурныхъ группъ сохранилось очень много; нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы изъ дерева. «Пазо» изображаетъ иногда цѣлую сцену изъ исторіи страданій Христа, и обыкновенно всѣ фигуры въ натуральную величину прикрѣплены къ площадкѣ. Онѣ поражаютъ замѣчательною роскошью одеждъ, и нѣкоторыя изъ нихъ до того богато расшиты золотомъ и такъ щедро усыпаны жемчугомъ и драгоценными каменьями, что обыкновенно впервые увидавшіе ихъ останавливаются передъ ними въ изумленіи.

Во всѣхъ большихъ церквахъ есть свои *пазо*. Одно изъ самыхъ любопытныхъ изваяній извѣстно подъ именемъ Иисуса Назарянина. Это огромное изображеніе Христа одѣто въ длинное платье изъ чернаго бархата,

шитое золотомъ и серебромъ. Иисусъ Христосъ представленъ несущимъ крестъ огромныхъ размѣровъ и драгоценной работы съ инкрустаціями изъ слоновой кости. Съ каждой стороны Христа стоятъ два ангела съ крыльями и несутъ фонари; четыре фонаря побольше помѣщены по угламъ площадки. Понятно, что такое изображеніе и очень велико, и очень тяжело; во время процессій его обыкновенно несутъ по улицамъ нѣсколько человѣкъ, на головахъ. Отъ краевъ площадки спускается до земли длинная драпировка, совершенно скрывающая людей, несущихъ эти пазо, такъ что, когда во время процессій «пазо» подвигается впередъ, кажется, что эта тяжелая масса движется сама собою.

Чествованіе страстной недѣли начинается съ вербнаго воскресенья. Утромъ въ церквахъ совершается церемонія благословенія пальмъ, а послѣ полудня начинается процессія: впереди многочисленной толпы торжественно двигается *пазо*, изображающее Христа на крестѣ между двумя разбойниками; тутъ же въ сторонѣ несутъ орудія пытки, и наконецъ по угламъ стоятъ большіе фонари. Во главѣ процессіи идутъ солдаты и офицеръ въ парадной формѣ и со шпагою на голо, затѣмъ выступаютъ члены братства въ длинной одеждѣ и съ заостренными капюшонами на головѣ, которые покрываютъ не только голову, но все лицо и даже шею, такъ что для глазъ сдѣлано отверстіе. За ними нѣсколько человѣкъ несутъ серебряные гербы братства, другіе держатъ въ рукахъ большіе барабаны, убранные разноцвѣтною матеріею. Далѣе идутъ попарно нѣсколько человѣкъ и несутъ, повѣсивъ на шею, большія корзины съ восковыми свѣчами. Сзади ихъ несутъ и дру-

гое *пазо*, которое даже больше перваго; оно изображаетъ входъ Іисуса въ Іерусалимъ. Посреди іерусалимскихъ стѣнъ зубчатая ворота, въ которыя Христосъ въѣзжаетъ на ослѣ, сопровождаемый апостолами съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Это *пазо* весьма искусной работы: тутъ вы видите очень много фигуръ, и всѣ онѣ сдѣланы въ естественную величину, одѣты въ шелковыя, суконныя и бархатныя одежды. Такъ какъ драпировка скрываетъ людей, несущихъ *пазо*, и они оттуда ничего не могутъ видѣть, то одинъ изъ членовъ братства даетъ имъ знакъ особеннымъ стукомъ, когда они должны остановиться. За такую процессію двигается толпа народа, и такимъ образомъ расхаживаютъ они по всѣмъ улицамъ города.

Въ страстную среду, въ церкви, во время богослуженія, когда произносятся слова «и завѣса храма разодралась», слышится шумъ отъ дѣйствительно раздираемой завѣсы; потомъ, тѣми же средствами, какъ на театрахъ, производятъ громъ и молнію, бывшіе въ ту минуту, когда Іисусъ Христосъ испустилъ духъ. Въ этотъ день тоже носятъ по городу *пазо*; на одномъ изъ нихъ изображена «Молитва въ саду Геосиманскомъ», на другомъ — толпа евреевъ тащитъ Христа. Въ этотъ день носятъ нѣсколько *пазо*, и точно также всѣ они напоминаютъ событія, подходящія къ этому дню. Одно изъ нихъ изображаетъ бичеваніе, другое — вѣнчаніе Іисуса Христа терновымъ вѣнцомъ, наконецъ третье изображаетъ даже Понтія Пилата, умывающаго руки предъ народомъ.

Въ страстную пятницу *пазо* еще болѣе многочисленны, но ихъ уже изображаютъ не деревянные фигуры, а живые люди. Вотъ фигура съ косою въ рукѣ,

изображающая смерть; за нею слѣдуютъ дѣти, представляющіе ангеловъ. Далѣе несутъ изображеніе Христа въ стеклянномъ гробу, окруженномъ солдатами; за ними слѣдуютъ Богородица, св. Іоаннъ, Іосифъ Аримафейскій, Никодимъ и многіе другіе. Повторяемъ: все это изображаютъ люди, — такимъ образомъ это напоминаетъ въ одно и то же время и живыя картины, и наивныя духовныя представленія, содержаніе которыхъ заимствовано изъ библіи и евангелія. Въ Страстную Субботу вы можете видѣть такую процессію: на тронѣ сидитъ Богъ-Отецъ, съ Богомъ-Сыномъ; изъ ранъ Іисуса Христа течетъ струями кровь, которая падаетъ на церковь и оживляетъ ее; церковь изображаетъ молодая дѣвушка, одѣтая священникомъ. Другая молодая дѣвушка съ связанными глазами, колѣнопреклоненная у ногъ Бога-Отца, изображаетъ вѣру.

На Страстной недѣлѣ, около 7 часовъ вечера, оканчиваются дневныя процессіи, а черезъ часъ вы можете пойти въ театръ и увидѣть четырехъ-или пяти-актную пьесу, изображающую послѣдніе дни Спасителя. Дѣйствующими лицами тутъ являются: Божія Матерь, Марія Магдалина, апостолы и фарисеи, дѣти и воины. Іисуса Христа обыкновенно изображаетъ красивый юноша, Марію Магдалину — блондинка, а Іуду — рыжеволосый, косой, некрасивый парень. Занавѣсъ открывается, и на сценѣ Іисусъ Христосъ благословляетъ дѣтей и разговариваетъ съ фарисеями; затѣмъ идетъ Тайная Вечеря, Спаситель въ Геосиманскомъ саду и наконецъ Іисусъ Христосъ передъ судомъ Пилата. Въ одной изъ сценъ Іуда, терзаемый угрызеніями совѣсти, тутъ же на сценѣ вѣшается и для пущаго правдопо-

добія высовываетъ при этомъ языкъ. Къ довершенію всего на сценѣ появляются три креста, причемъ распятые актеры опираются ногами на дощечку, придѣланную внизу, а ихъ руки прикрѣплены веревками къ перекладинѣ креста. Зрители принимаютъ самое живое участіе въ представленіи: когда на сценѣ появляется Іуда, всѣ взоры обращены на него съ негодованіемъ, а кое-гдѣ слышатся даже ругательства; когда же, наконецъ, выступаетъ актеръ, изображающій Спасителя, согнувшись подъ тяжестію креста, въ терновомъ вѣнкѣ, облитаго кровью, окруженнаго бьющими его воинами, среди зрителей раздаются рыданія. Вы выходите изъ театра и вновь наталкиваетесь на процессію со множествомъ зажженныхъ свѣчей и фонарей, которые ночью производятъ еще болѣе потрясающее впечатлѣніе.

Во время процессій можно видѣть не только «пазо», т. е. фигуры, изображающія страданія Іисуса Христа, но въ дни праздниковъ святыхъ и патроновъ по улицамъ носятъ и ихъ статуи. При этомъ св. Эльмъ, покровитель моряковъ, держитъ въ рукахъ маленькій корабль, Михаилъ Архангелъ, покровитель военныхъ, одѣтъ въ блестящія латы и съ мечемъ въ рукѣ, однимъ словомъ каждый патронъ и патронесса являются съ изображеніемъ того, чему они покровительствуютъ.

Въ севильскомъ соборѣ совершаются еще болѣе любопытныя религіозныя церемоніи, какъ напр. *танецъ шести*. Въ праздникъ «Тѣла Господня» изъ дѣтей, которыя служатъ въ хорѣ пѣвчихъ въ соборахъ, выбираютъ нѣсколько человѣкъ, чтобы участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ этого дня. Прежде для этого обыкновенно выбирали *шестерыхъ* дѣтей; хотя теперь

ихъ больше, но старое названіе сохранилось. Дѣти, которыя участвуютъ въ этомъ танцѣ, чтобы быть принятыми, должны имѣть менѣе десяти лѣтъ и обладать пріятнымъ голосомъ. У каждаго изъ нихъ въ день торжества одѣта шляпа, украшенная голубыми и бѣлыми перьями; шелковый кафтанъ опоясанъ шарфомъ, завязаннымъ сбоку; накрахмаленная кружевная оборка окружаетъ шею такъ, что голова напоминаетъ голову Іоанна Крестителя на блюдѣ, какъ ее обыкновенно изображаютъ. Кружевные нарукавники, штаны съ прорѣзами, голубые чулки и бѣлые башмаки съ кисточками дополняютъ ихъ костюмъ.

Танецъ шести привлекаетъ въ Севилью не менѣе любопытныхъ, чѣмъ церемоніи Страстной недѣли. Дѣти, которыя должны участвовать въ представленіи, стоятъ въ два ряда предъ престоломъ; въ извѣстное время, поклонившись до земли, они начинаютъ медленно танцевать, побрякивая своими кастаньетами, потомъ останавливаются и поютъ въ честь «Богородицы, дѣвы, матери и супруги, болѣе чистой и прекрасной, чѣмъ заря и утренняя звѣзда». При этомъ они постоянно повторяютъ такой припѣвъ: «пойте во славу Богоматери, во славу царственной покровительницы Испаніи, зачавшей безъ первороднаго грѣха». Это пѣніе, исполненное прекрасными, нѣжными дѣтскими голосами, производитъ глубокое впечатлѣніе. Когда они затянутъ припѣвъ во славу Богородицы, раздаются звуки кастаньетъ, и подъ ихъ акомпаниментъ они начинаютъ свой танецъ. Однако нужно замѣтить, что этотъ танецъ въ церкви вовсе не походить на свѣтскіе танцы испанцевъ: это необыкновенно медленныя, плавныя движенія.

Страсть испанца къ танцамъ.

Фанданго.—Ола.—Танецъ среди разставленныхъ стакановъ.—Танцы съ кувшинами на головахъ.—Танцы у смертнаго одра.

Испанцы—лихіе танцоры: они пляшутъ чуть не каждый вечеръ, послѣ труда и бездѣлья, въ праздничный и въ будній день. Испанецъ весь отдается танцу, увлекается имъ со всѣмъ пыломъ южной страсти. Не даромъ же танцы происходятъ даже въ соборѣ, во время религіозныхъ обрядовъ; танцуютъ, какъ увидимъ ниже, даже тогда, когда человѣка душитъ тоска и когда отъ горя и отчаянія у него разрывается сердце.

Испанцы пляшутъ, прищелкивая кастанъетами; при этомъ кто нибудь играетъ на гитарѣ или скрипкѣ, а одна изъ дѣвушекъ ударяетъ въ тактъ бубнами, раскрашенными цвѣтными бантиками. Самый извѣстный испанскій танецъ—*фанданго*. При его звукахъ женщины, дѣвушки, молодые, старики—всѣ какъ будто оживають, всѣ повторяють его напѣвъ; одни побрякиваютъ—кастанъетами, другіе щелкають пальцами, подражая ихъ звуку. Танцующая пара убѣгаетъ, манить, преслѣдуетъ другъ друга; но вдругъ музыка прекращается, и искусство танцора состоитъ въ томъ, чтобы въ то же мгновеніе остаться неподвижнымъ; опять раздаются звуки музыки, и танецъ продолжается. Наконецъ гитары, скрипки, пристукиванія ногами, прищелкиванія кастанъетами и пальцами, гибкія движенія доводятъ и самихъ танцующихъ, и зрителей до высочайшаго восторга.

Не менѣе любимъ танецъ, называемый *ола*; онъ обыкновенно исполняется одною танцовщицею. Ола требуетъ болѣе, чѣмъ всякій другой танецъ, гибкости тѣла и особенной граціи движеній. Танцовщица склоняется назадъ; ея талія, гибкая какъ тростникъ, сгибается, плечи и руки опускаются въ какомъ-то изнеможеніи, и она остается въ такомъ положеніи нѣсколько мгновений; потомъ она сразу гордо выпрямляется, ударяетъ кастаньетами и пускается въ плясъ.

Не менѣе любопытенъ танецъ, исполняемый среди разставленныхъ стакановъ. Весело и живо зазвенѣли гитары, кастаньеты и бубны. Посреди стоитъ столъ, на которомъ наставлены стаканы, наполненные виномъ. Танцовщица вскакиваетъ на столъ и начинаетъ быстро танцевать, скользя между стаканами и не только не проливая налитаго въ нихъ вина, но даже и не задѣвая ихъ. Сидящая вокругъ немногочисленная публика все болѣе приходитъ въ восторгъ и въ тактъ музыки напѣваетъ различныя пѣсенки, съ припѣвомъ въ родѣ слѣдующаго: «молодыя дѣвушки изъ золота, замужнія женщины изъ серебра, а старушки изъ жести». Танцовщица продолжаетъ выдѣлывать своими маленькими ножками самые удивительные фокусы, наконецъ соскакиваетъ со стола и исчезаетъ въ толпѣ.

Очень часто танцы устраиваются совершенно случайно, на улицѣ: соберутся нѣсколько мужчинъ и дѣвушекъ; между ними всегда найдется человѣкъ съ гитарой въ рукахъ, и вотъ начинается танецъ при аплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ и радостныхъ кувыркианіяхъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ танцуютъ иногда очень рано утромъ. Пришли дѣвушки

къ фонтану за водой, и въ это время къ нимъ подошли нѣсколько молодыхъ парней. Дѣвушки, поставивъ кувшины съ водою на головы, подаютъ руку кавалеру и начинаютъ танецъ, не проливая ни одной капли воды. Но кто бы ни устраивалъ эти танцы, гдѣ бы они ни происходили, во время ихъ испанцы сильно размахиваютъ руками и всегда танцуютъ со страстью, до опьяненія. Когда мужчина хочетъ танцевать съ какою нибудь дѣвушкою, то бросаетъ у ногъ ея свою шляпу; послѣ танца дѣвушка обнимаетъ и цѣлуетъ своего кавалера, музыканта и пѣвца. Всѣ испанскіе танцы непременно сопровождаются пѣніемъ. Пѣвецъ начинаетъ куплетъ своей пѣсни глубокимъ вздохомъ, затѣмъ гитара бренчитъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, которые становятся все громче и скорѣе; послѣ этого музыканты начинаютъ пѣть пѣсню, слова которой они иногда тутъ же сочиняютъ. Куплеты нѣкоторыхъ танцевъ начинаются и кончаются какими-то глубокими вздохами пѣвцовъ, и необыкновенно живой танецъ идетъ часто подъ грустную музыку.

Въ этой странѣ танцуютъ даже у смертнаго одра только что умершаго ребенка, если ему не болѣе 5-ти лѣтъ. Испанскій народъ твердо вѣритъ, что душа ребенка идетъ прямо въ рай, и, превращаясь у престола Всевышняго въ херувима, она начинаетъ покровительствовать своимъ роднымъ: постоянно молится за нихъ, охраняетъ ихъ отъ всякой бѣды и несчастія. Поэтому смерть ребенка считается для семьи величайшимъ счастьемъ, и ее встрѣчаютъ весельемъ, музыкою и пляскою.

Среди комнаты на столѣ лежитъ тѣло дѣвочки лѣтъ

4-хъ, прикрытое ковромъ и одѣтое по праздничному; головка ея въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ; съ боку стоитъ чаша со святою водою, а по четыремъ угламъ стола горять свѣчи. Въ углу сидитъ мать, опустивъ голову на руки и закрывъ лицо. Грудь и станъ ея вздрагиваютъ отъ рыданій, которыя она старается подавить всѣми силами; но ей это не удается, и глухіе, тяжелые стоны и отчаянные вопли безпрестанно вырываются изъ ея груди. Между тѣмъ въ другомъ углу комнаты кучкой сидятъ зрители и музыканты, которые наигрываютъ танецъ. Подъ звуки музыки, кастаньетъ и хлопанья присутствующихъ въ ладоши молодежь обоего пола начинаетъ медленно танцовать передъ покойникомъ. Иногда подъ эти звуки напѣваютъ различныя пѣсенки въ такомъ родѣ: «У воротъ рая продаютъ башмачки для ангельчиковъ, что здѣсь были босоноги!»

Бои быковъ и пѣтуховъ.

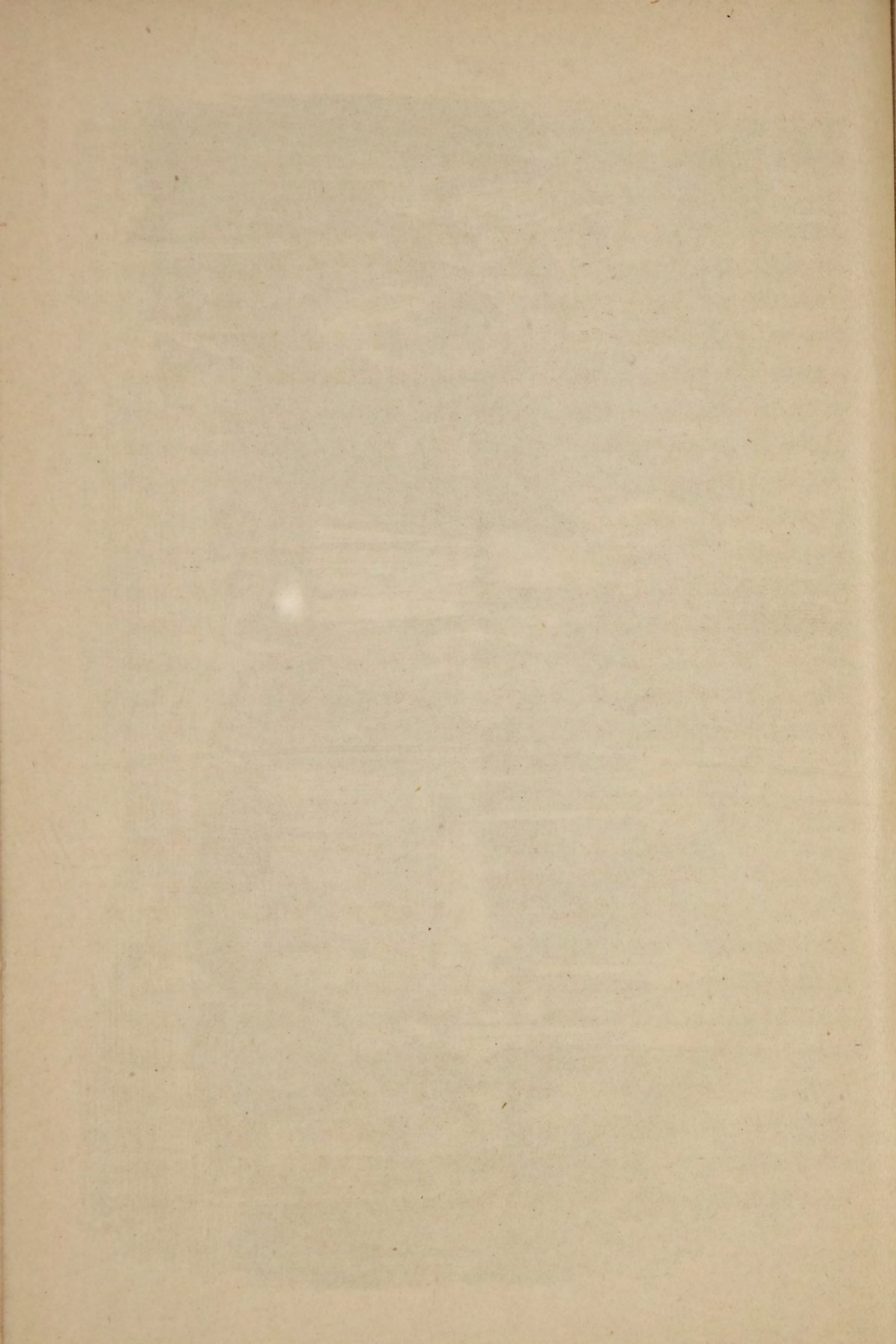
Страсть испанца къ боямъ быковъ.—Какъ ведутъ себя испанцы во время этого представленія. — Ворцы. — Бои пѣтуховъ.

Самое любимое изъ всѣхъ зрѣлищъ—бои быковъ. Водоносы, погонщики муловъ, женщины, работающія на фабрикахъ, скорѣе откажутся отъ обѣда, чѣмъ пропустятъ это представленіе. Такъ же обожаемы эти бои и въ высшихъ классахъ общества. За нѣсколько дней до представленія всюду появляются афиши: онѣ наклеены на всѣхъ зданіяхъ, и ихъ продаютъ разнощики по улицамъ (см. рисунокъ на задней сторонѣ обертки),—

9800

FOURNIER. SC

въ нихъ обозначено какъ время представленій, такъ и то, сколько быковъ будутъ по одиночкѣ выпущены въ циркъ, и кому принадлежитъ каждый изъ нихъ; затѣмъ слѣдуютъ имена *пикадоровъ* (всадниковъ, вооруженныхъ копьями), *матадоровъ* (убивающихъ быка шпагами) и всѣхъ лицъ, участвующихъ въ бою.

Въ большихъ городахъ Испаніи, при хорошей погодѣ, бои быковъ бываютъ каждое воскресенье, иногда даже два раза въ недѣлю; въ маленькихъ же городахъ — одинъ, два раза въ годъ, но за то они продолжаются обыкновенно по три дня. Бои быковъ происходятъ въ циркахъ, построенныхъ обыкновенно на краю города, — въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ помѣщаться до 20,000 человекъ. Мѣста для зрителей расположены амфитеатромъ (то есть одни надъ другими, въ видѣ ступеней). Цирки эти безъ крыши и только верхнія и заднія мѣста защищены навѣсомъ. Поэтому мѣста въ тѣни, подъ навѣсомъ, всегда бываютъ гораздо дороже, чѣмъ мѣста на солнцѣ. Мужчины и женщины, богатые и бѣдные, знатные и простые, всѣ разодѣты въ самый лучшій нарядъ. Держить же себя эта публика уже совсѣмъ не чинно: всѣ безъ исключенія кричатъ во все горло, бросаютъ, куда ни попало, объѣдки фруктовъ, однимъ словомъ стараются изо всѣхъ силъ походить болѣе на животныхъ, чѣмъ на людей. Но вотъ распорядитель праздника подаетъ знакъ изъ своей ложи, — музыка заиграла, ворота отворились, и богато одѣтые борцы торжественно выступаютъ, чтобы раскланяться съ публикою. На нихъ, кромѣ пикадоровъ (всадниковъ, вооруженныхъ копьями), богатая андалузская одежда: коротенькіе шелковые панталоны (зеленые, красные или

голубые), широкій поясъ, тонкая рубашка съ узенькимъ отложнымъ воротничкомъ, на ногахъ бѣлые или розовые чулки и башмаки съ пряжками. Но главная часть одежды, на которой сосредоточена вся роскошь,—коротенькая куртка. Она тоже ярко-шелковая, но сверху до низу выложена серебрянымъ или золотымъ шитьемъ, а нерѣдко и драгоценными каменьями; одна такая куртка стоитъ двѣ и три тысячи рублей, а то и больше. Такія богатая куртки обыкновенно у главныхъ борцовъ; въ одной рукѣ они держатъ плащъ, подбитый красной подкладкой, а въ другой—длинные шпаги. Но не всѣ борцы играютъ одинаково важную роль, поэтому и въ одеждѣ ихъ есть нѣкоторое различіе.

Пикадоры сидятъ на лошадяхъ или, точнѣе будетъ сказать, на жалкихъ клячахъ, которыхъ специально для боя за безцѣнокъ скупаютъ на рынкахъ. Пикадоры одѣты или въ простыя бархатныя куртки, или въ куртки, украшенныя серебрянымъ шитьемъ, панталоны ихъ сдѣланы изъ толстой кожи и надѣваются на желѣзные обручи, что защищаетъ ихъ ноги отъ ударовъ. Эти обручи такъ тяжелы для пикадора, что, когда во время боя его опрокинутъ вмѣстѣ съ лошадью, онъ не можетъ даже подняться безъ чужой помощи. Пикадоръ непременно вооруженъ копьемъ, остріе котораго можетъ только уколоть, но не ранить быка. Бойцы въ строгомъ порядкѣ направляются къ мѣсту, гдѣ сидитъ распорядитель, кланяются сначала ему, а потомъ публикѣ. Распорядитель привстаетъ съ своего мѣста и бросаетъ на арену ключъ отъ помещенія быковъ.

Не во всѣхъ городахъ Испаніи бои быковъ про-

исходятъ въ одинаковомъ порядкѣ, но ихъ характеръ вездѣ одинъ и тотъ же. Быка, предвѣщеннаго для боя, за нѣсколько часовъ передъ этимъ ставятъ въ узкій сарай, гдѣ ему трудно даже повернуться, и все время колятъ его острою палкою, которая впрочемъ устроена такъ, чтобы причинять сильную боль, но не вызывать кровотеченія. Понятно,—когда, послѣ такой пытки, несчастному животному открываютъ дверь, онъ съ бѣшеною радостью бросается въ нее, чтобы избавиться отъ пытки. Послѣ всѣхъ мученій, которыя быкъ перенесъ въ сараѣ, за минуту передъ тѣмъ, какъ выпустить его на арену, ему втыкаютъ въ кожу розетку на желѣзной иглѣ съ крючкомъ на концѣ. Выбѣжавъ, быкъ останавливается только на одно мгновеніе, потомъ нагибаетъ голову къ землѣ и бросается къ одному изъ борцовъ. Тотъ встрѣчаетъ его съ величайшимъ хладнокровіемъ и, держа передъ его глазами плащъ на красной подкладкѣ, ловко увертывается, направляя быка къ пикадорамъ. Тѣ сидятъ на коняхъ неподвижно, съ вытянутыми впередъ пиками, или дѣлаютъ лишь нѣсколько шаговъ на встрѣчу быку, чтобы вызвать его на бой. Такъ какъ они постоянно даютъ нападать на себя справа, то закрываютъ лошадямъ правый глазъ. Быкъ, подбѣжавъ къ одному изъ всадниковъ, останавливается передъ нимъ на нѣсколько секундъ, роетъ землю ногами, бьетъ хвостомъ по воздуху, свирѣпо озирается кругомъ, потомъ вдругъ, опустивъ голову, стремительно бросается на лошадь, но при этомъ натывается со всего размаху на пику, направленную пикадоромъ въ его затылокъ. Быкъ съ яростнымъ ревомъ отбѣжалъ прочь и затрясъ окровав-

ленной шеею. Потомъ онъ снова бросился на раздражившихъ его пѣшихъ борцовъ, красные плащи которыхъ выводятъ его изъ себя, и на другого пикадора. При второмъ нападеніи быку удалось добраться до лошади, и онъ въ ту-же минуту воткнулъ ей глубоко въ животъ свои острые рога. Счастье для бѣдной лошади, если первый ударъ попадетъ въ грудь и будетъ для нея смертельнымъ. Бѣда, если рога только распорятъ животъ и выпавшія кишки волочатся по землѣ, — пикадоръ и при этомъ заставляетъ ее идти противъ быка. Эта отвратительная минута — особенное наслажденіе для испанца. Идетъ такая несчастная лошадь на новую муку, и сама, собственными копытами, путается въ своихъ внутренностяхъ и топчетъ ихъ: при этомъ пикадоры колятъ еще пиками выпавшія внутренности. Дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно двигая губами, стоятъ лошади и ждутъ втораго, третьяго удара разъяреннаго быка, пока смерть не приходитъ, наконецъ, прекратить ихъ пытку: онѣ падаютъ буквально замученныя до смерти. Тогда пикадоры отправляются за арену и снова являются на сцену на свѣжихъ лошадяхъ. Если въ павшихъ животныхъ остается еще хотя искра жизни, ихъ бьютъ и мучаютъ на всевозможные лады, чтобы заставить кое-какъ дотащиться собственными силами до общаго смертнаго одра, предназначеннаго для жертвъ боя. Только убитую на повалъ и болѣе чѣмъ полумертвую лошадь оставляютъ въ покоѣ на мѣстѣ.

При каждомъ удачномъ отпорѣ нападенію быка зрители аплодируютъ пикадору, при каждомъ ударѣ, полученномъ лошадыю, — быку. Раздаются со всѣхъ сторонъ самыя возмутительныя восклицанія, въ родѣ слѣ-

В. Васильевъ

РАШЕВСКИЙ

ТИП. 9Д. ГОПЕ.

дующихъ:— «А, попалась лошадка, ступай-ка теперь въ больницу, да полѣчись! видишь, съ какимъ молодцомъ тебѣ пришлось имѣть дѣло?»—и тому подобныя изрѣченія, приправляемыя грубымъ смѣхомъ. Чѣмъ ужаснѣе изранена лошадь, тѣмъ сильнѣй становится восторгъ зрителей; онъ не уменьшается и тогда, когда падаетъ пикадоръ, а это случается очень часто: то одинъ изъ нихъ, то другой ударится затылкомъ о деревянный барьеръ, такъ что его приходится вынести замертво; нерѣдко несчастный вывихнетъ себѣ руку или ногу и такимъ образомъ становится на всю жизнь неспособнымъ къ бою. Опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, быкъ свирѣпо бѣгаетъ по аренѣ; въ эту минуту его никто не смѣетъ раздражать: его бѣшеные, налившіеся кровью глаза дико блуждаютъ. Въ это время арена (мѣсто, гдѣ происходитъ бой) пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ лошадей; въ ярости быкъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога, подбрасываетъ ихъ вверхъ, топчетъ, раздираетъ... Въ этомъ и заключается первое дѣйствіе боя; оно продолжается обыкновенно минутъ около двадцати, а иногда и болѣе, смотря по ярости быка. Чѣмъ больше онъ убиваетъ лошадей, чѣмъ скорѣе увѣчитъ людей, участвующихъ въ боѣ, тѣмъ больше имъ восхищается публика.

Но вотъ начинается второе дѣйствіе. Подаютъ знакъ *бандерильерамъ*. На арену выбѣгаютъ ловкіе, быстрые, увертливые бандерильеры, которые такъ называются потому, что держать въ рукахъ по двѣ бандерильи, т. е. двѣ коротенькія палочки, обернутыя цвѣтной бумагой и съ крючкомъ на концѣ. Бандерильеръ прямо

бѣжитъ къ быку, который, удивленный такой дерзостью, вскачь бросается на него. Уже быкъ почти держитъ его между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобы поднять его на рога, бандерильеръ втыкаетъ ему двѣ стрѣлки по обѣимъ сторонамъ шеи, необыкновенно ловкимъ движеніемъ уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что бандерильеръ не можетъ воткнуть своей стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между его рогами. Тутъ малѣйшая нерѣшительность, даже дрожь въ рукахъ могутъ его погубить. Если бандерильеръ, втыкая стрѣлки, по несчастію, упалъ, то долженъ лежать безъ движенія: быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что нанося ударъ, онъ большею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ можетъ пройти или перескочить черезъ чело-вѣка, не замѣчая его. Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ головой, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеръ и втыкаетъ ему двѣ другія бандерильи и потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ и со всѣхъ ногъ убѣгаетъ отъ своихъ мучителей, то въ публикѣ яростно раздаются: «огня, огня!» Это означаетъ, что публика требуетъ, чтобы быка раздражали огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ быку стрѣлки, обвитые фитилемъ изъ тлѣющаго трута, который загорается, трещитъ, хлопаетъ, жестоко и мучительно жжетъ шею быка... Что за прыжки, что за удивительные скачки выдѣлываетъ обезумѣвшій отъ боли быкъ, что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями! Иногда при этомъ бан-

дерильеры выполняютъ особенно трудныя штуки, такъ, наприимѣръ, втыкають бандерильи, сидя на стулѣ. Служитель цирка приноситъ соломенный стулъ и ставитъ его посрединѣ арены. Бандерильеръ садится и протягиваетъ руки впередъ со стрѣлами, быкъ бросается на него и, когда онъ находится всего въ двухъ шагахъ отъ стула, бандерильеръ вскакиваетъ, въ одно мгновеніе втыкаетъ стрѣлки и ловко увертывается въ сторону; животное, вдвойнѣ разъяренное и уколомъ, и исчезновеніемъ врага, подбрасываетъ стулъ вверхъ.

Когда ярость животнаго достигаетъ высшей степени, начинается битва одинъ на одинъ. Звукъ трубы вызываетъ *матадора*, — такъ зовутъ тѣхъ изъ бойцовъ, которые сражаются съ быкомъ со шпагой въ рукахъ. Этимъ и начинается третье дѣйствіе. Арена пуста, только бѣшеный быкъ мечется по ней въ послѣдней степени изступленія. Тогда медленно и важно выступаетъ матадоръ, привлекающій вниманіе толпы и своей замѣчательной курткой, выложенной золотомъ, и драгоценными камнями, и богатымъ плащомъ, небрежно накинутымъ на его лѣвое плечо; въ правой рукѣ онъ держитъ шпагу, въ лѣвой — красное покрывало. Онъ прежде всего оборачивается къ распорядителямъ, потомъ къ публикѣ, затѣмъ обращается къ быку и нѣсколько пріостанавливается. Это самая торжественная минута и для публики, и для бойца. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него и, словно почувя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, рассчитываетъ свой ударъ. Между тѣмъ матадоръ сбрасываетъ съ плеча свой плащъ; каждое движеніе его рѣшительно и хладнокровно. Въ этихъ

бояхъ — множество своихъ законовъ, и матадоръ не можетъ зарѣзать быка, какъ это было бы ему удобнѣе. Онъ долженъ направить свой ударъ не иначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ; ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, сбоку или сзади. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постели, и вы согласитесь съ тѣмъ, что, если ему и выпадаетъ на долю слава, почетъ и богатство, то все это дается ему весьма не легко. У зрителя замираетъ духъ, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу. Безпрестанно мѣняють они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. «Почти всегда быкъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; потомъ съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ. Матадоръ взмахиваетъ передъ его глазами краснымъ покрываломъ; это такъ раздражаетъ быка, что онъ бросается на него, но тотъ ловко увертывается отъ удара и снова уже дразнить быка своимъ покрываломъ. Быкъ опять дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ отъ друга, что матадоръ уже прицѣливается шпагою... еще секунда, и быкъ бросается... Но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобы поднять матадора на рога, онъ, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу. Быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожать, подгибаются, онъ сразу падаетъ». Надобно

видѣть, какой бѣшенный восторгъ овладѣваетъ публикою! Отовсюду раздаются самыя громкія, неистовыя рукоплесканія, самыя шумныя, восторженныя поздравленія матадору, который торжественно обходитъ циркъ и благодаритъ публику.

Въ то время, когда матадоръ обходитъ арену, раскланиваясь съ зрителями, изъ двери выбѣгаютъ четыре мула (очень часто ихъ замѣняютъ лошади), чрезвычайно пестро разукрашенные лентами, перьями, бахромой: они запряжены цугомъ, упряжь кончается двумя крючками, которыми зацѣпляютъ убитыхъ лошадей, потомъ быка и вывозятъ со сцены. Послѣ этого наступаетъ короткій антрактъ, затѣмъ опять представленіе возобновляется, на сценѣ появляется второй быкъ, за нимъ еще и еще. Каждое представленіе губитъ нѣсколькихъ лошадей и два-три быка; каждый годъ во время этихъ кровавыхъ зрѣлищъ погибаетъ нѣсколько человѣкъ и еще большее число людей остаются навсегда калѣками. Въ Испаніи находится въ настоящее время 101 арена для боя быковъ и ежегодно происходитъ 475 боевъ.

Послѣ представленія публика высыпаетъ на улицу и ждетъ появленія любимѣйшихъ бойцовъ. Вотъ показался пикадоръ въ своемъ роскошномъ костюмѣ, верхомъ на лошади, но уже не на клячѣ, какъ мы видѣли его въ циркѣ, а на дорогомъ конѣ; затѣмъ, въ большой открытой каретѣ, ѣдутъ всѣ матадоры и бандерильеры. Они возвращаются съ торжествомъ, какъ великіе полководцы съ поля сраженія: толпа снова привѣтствуетъ ихъ восторженными криками, а они съ чувствомъ достоинства раскланиваются съ публикою.

Лучшіе изъ бойцовъ пользуются громкою славою, поклоненіемъ и почетомъ; ихъ принимаютъ у себя даже аристократы. Наибольше извѣстные изъ нихъ, давая представленія по всеѣмъ городамъ Испаніи, въ одно лѣто могутъ получить до ста тысячъ рублей и такимъ образомъ нерѣдко наживаютъ громадное состояніе. Ихъ біографіи и портреты не только печатаются, но даже особенно удачные удары и продѣлки иллюстрируются въ журналахъ; но жизнь они ведутъ всеѣмъ безпутную: одинъ, а то и два раза въ недѣлю они идутъ на смертный бой и въ промежуткахъ стараются забыться, покутить на славу: кто знаетъ, удастся ли въ будущій разъ выйти побѣдителемъ, не придется ли быть растерзаннымъ взбѣшеннымъ быкомъ на глазахъ двадцатитысячной толпы!

Пѣтушійные бои тоже любимая потѣха испанцевъ, особенно людей зажиточныхъ, такъ какъ при этомъ держать пари и нерѣдко проигрываютъ большія деньги. Когдаходишь въ циркъ, въ которомъ происходятъ подобныя представленія, прежде всего бросается въ глаза круглая эстрада посреди, окруженная перилами, съ проволочной сѣткой сверху, которая мѣшаетъ пѣтухамъ спастись бѣгствомъ во время битвы. Вокругъ этой огромной клѣтки съ потолкомъ два ряда дивановъ, обитыхъ краснымъ сукномъ и одинъ выше другаго: они предназначаются для распорядителей и судей предстоящаго состязанія. За диванами постепенно возвышаются скамьи; у стѣнъ—галереи. На средину цирка выходитъ человекъ и прочитываетъ рядъ цифръ, обозначающихъ вѣсъ пѣтуховъ, которымъ предстоитъ сраженіе. Затѣмъ появляется другой человекъ съ двумя

ящиками,—въ каждомъ изъ нихъ сидить по пѣтуху: ихъ тутъ же взвѣшиваютъ, и два свидѣтеля зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы все дѣло было безъ обмана, т. е., чтобы оба пѣтуха имѣли одинаковый вѣсъ. Затѣмъ подносятъ ящики съ пѣтухами къ двумъ противоположнымъ отверстіямъ огромной клѣтки, которая служить полемъ битвы для пѣтуховъ, открываютъ оба ящика сразу, и двери за ними тотчасъ захлопываютъ. Зрители внимательно разсматриваютъ тонкихъ и высокихъ пѣтуховъ, съ длинною шеею и съ живыми глазами, показывающими воинственный азартъ. Теперь, у всѣхъ собравшихся одинъ и тотъ же вопросъ: кто изъ двухъ пѣтуховъ останется побѣдителемъ. «Десять пезетъ *) за чернаго»... «Двадцать пезетъ за сѣраго»... раздается со всѣхъ сторонъ... И вся публика заколыхалась, заспорила, заревѣла.

Въ началѣ оба пѣтуха обыкновенно не смотрятъ другъ на друга: одинъ поворачивается въ одну сторону, другой въ другую, выкрикивая кукуреку. Мало по малу они приближаются, притворяясь, что не видятъ другъ друга: видимо каждый изъ нихъ желаетъ захватить другого въ расплохъ. Вдругъ, съ быстротою молніи, они дѣлаютъ скачекъ съ раскрытыми крыльями, налетая одинъ на другаго, сталкиваются, отскакиваютъ. Послѣ перваго удара они останавливаются одинъ противъ другого съ вытянутою шеею, почти касаясь клювами, злобно пронизывая другъ друга взглядами, потомъ вновь схватываются и начинаютъ

*) Пезета—испанская монета около 35 к. на наши деньги; следовательно десять пезетъ составятъ приблизительно 3 р. 50.

нападать другъ на друга безъ перерыва. Они бьютъ другъ друга шпорами, лапами, клювомъ, сжимаютъ крыльями, такъ что минутами представляютъ одного двухголоваго пѣтуха; то бросаются къ рѣшеткѣ, преслѣдуя одинъ другого, то падаютъ, ползаютъ, летаютъ, — и мало по малу удары сыплются все чаще, перьевъ разлетается все больше и больше, шеи дѣлаются пурпуровыми, кровь льется ручьями, но ярость и клоко-чущая злоба сражающихся лишь увеличиваются. Сцѣпившись, они, точно молотъ по наковальнѣ, стучать клювомъ другъ другу въ голову и въ глаза, все учащая свои удары, точно опасаясь, что ихъ вотъ-вотъ разнимутъ. Они не выпускаютъ ни единого крика, ни единого стога; слышенъ только шумъ крыльевъ и стукъ клювовъ, ударяющихся о кости. Зрители, въ гробовомъ молчаніи, слѣдятъ за всѣми движеніями, считаютъ вырванные перья и раны; но вдругъ кто-то изъ толпы вскрикиваетъ «20 пезетъ за сѣраго...» «Тридцать за чернаго...» было ему отвѣтомъ, и опять завязались пари и снова смолкли. Но вотъ одинъ изъ пѣтуховъ замѣтно ослабѣваетъ: онъ продолжаетъ сопротивляться, но его удары клювомъ становятся рѣже, удары шпорами слабѣе; онъ бьется уже не для того, чтобы убить врага, но чтобы защитить себя; онъ отступаетъ, бѣжитъ, падаетъ, поднимается, вновь падаетъ. Тутъ уже зрѣлище становится особенно отвратительнымъ! Въ виду слабости врага побѣдитель дѣлается все болѣе жестокимъ: его удары клювомъ преслѣдуютъ жертву, точно иголка швейной машины, когда она въ дѣйстви: его шея вытягивается и опускается, его клювъ то отрываетъ куски мяса, то погружается въ рану врага;

потомъ онъ опять начинаетъ стучать въ черепъ, точно хочетъ разбить его и вытащить мозгъ. Трудно выразить словами всю ненависть и ярость, которыя выражаются въ каждомъ ударѣ побѣдителя. Побѣжденный отбивается, бѣгаетъ туда и сюда, а побѣдитель все за нимъ, подлѣ, продолжая все болѣе и болѣе жестоко долбить по головѣ и разрывать на части мясо погибающаго и ослабѣвающаго врага. Побѣжденный пѣтухъ, истекая кровью, ошипанный, шатающійся, бѣжитъ и бросается къ столбамъ рѣшетки, ища убѣжища. „Ослѣпъ, ослѣпъ!“ вдругъ раздаются голоса, и дѣйствительно у побѣжденнаго пѣтуха уже не осталось ни кожи, ни глазъ; его шея представляла лишь окровавленную кость; его голова—обнаженный черепъ, его крылья, въ которыхъ болталось теперь лишь два-три пера, влачили какъ тряпки; казалось невозможнымъ, чтобы онъ могъ еще жить и двигаться; онъ не имѣлъ даже вида пѣтуха... И однако эти остатки, этотъ отвратительный, окровавленный скелетъ еще защищался, отбивался, не смотря на слѣпоту, потрясая обезображенными крыльями, вытягивая шею, лишенную мяса, двигая черепомъ на угадъ, туда и сюда... Между тѣмъ его палачъ и побѣдитель продолжалъ клевать ему раны, долбить уже давно обнаженный его черепъ... Наконецъ побѣжденный, издыхая, упалъ на землю. Снова раздались крики. «Пять пезеть за то, что онъ не подниметъ больше головы!» — «Шесть пезеть за то, что онъ ее подниметъ!» Издыхающій пѣтухъ тихо поднялъ голову. Побѣдитель, замѣтивъ въ своей жертвѣ признаки жизни, подбѣжалъ къ нему и немедленно осыпалъ его градомъ ударовъ: побѣжденный пѣтухъ

вздрыгнувъ еще одинъ разъ и вытянулся. Побѣдитель
взмахнулъ крыльями и торжественно прокричалъ «ку-
куреку.» Вошелъ слуга и вынесъ сражавшихся. Зри-
тели вышли, но черезъ нѣсколько минутъ всѣ опять
усѣлись на свои мѣста, внесли другихъ пѣтуховъ и
снова началось прежнее постыдное зрѣлище.

